Ctrl, Alt, Delete

Светлана Степановна Чистякова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Он может удалить любую информацию. Но станет ли он это делать, если вмешается её величество любовь.

[b]З.Ы. Автор почему-то заявила жанры книги как "Фэнтези, Любовный роман, Сказки…"[/b]

- Светлана Чистякова
  - Часть 1
    - Пролог
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
  - Часть 2
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23

Светлана Чистякова
Ctrl, Alt, Delete

Часть 1

Пролог

Майкл Эймс редко вспоминал детство своего сына. По большей части потому, что воспоминания причиняли ему невыносимую боль. Но иногда перед ним возникала четкая картинка случая, после которого всё пошло не так и требовалось приложить немало усилий, чтобы вновь похоронить воспоминание глубоко внутри себя.

Это был день, когда Шерли подобрал щенка.

Ему тогда было около шести: он был маленьким, щупленьким, но уже с заметной склонностью к проявлению невыносимого упрямства. Каким образом ему удалось ускользнуть из дома, полного прислуги, не знал никто. Но, тем не менее, это случилось: Шерли выбрался из дома, пробежал через задний двор и перелез через забор. К тому времени, как его нашли, он успел уйти довольно далеко. Майк был почти уверен, что никто даже не заметил пропажи ребенка, но когда Шерли привели обратно домой, там воцарился настоящий хаос.

Грязный, в порванной рубашке и колтуном в волосах, он сжимал в руках облезлого, извивающегося щенка. Светло–голубые глаза Шерли сверкали из–под копны черных кудрей: он смотрел на недовольных взрослых и улыбался, демонстрируя зияющее пустотой место, где еще этим утром был зуб. Щенок был вымазан в грязи, весь в каких–то колючках, но на малыша смотрел с обожанием, свесив на бок розовый язык, и поскуливал, пытаясь потереться головой о поцарапанный подбородок Шерли.

Щенок был очаровательным. И неприемлемым.

Щенка конечно же, отобрали и унесли. Горничная, пожалев малыша, сказала ему, что щенка просто нужно искупать, как самого Шерли. Наивный малыш поверил ей и, без препираний, согласился.

Вечером он все еще ждал, когда ему отдадут щенка, и, поскольку няню уволили, именно на Майка легла обязанность объяснить сыну, что собаку он больше не увидит. Он помнил, как все внутри него этому противилось, как негодовал из–за того, что его отец — дед Шерли, свалил эту задачу на него. А Шерли, сжав маленькие кулачки, просто смотрел на него своими большими глазами, в которых читались паника, страх и ощущение предательства.

Той ночью сын рыдал в три ручья и Майк, забрав его в свою постель, всю ночь держал малыша в своих объятьях. Это никоим образом не успокоило ребёнка, но ему самому от этого стало легче.

На следующий день, когда крики стихли и превратились в беспомощные всхлипы, им пришлось что–то с этим сделать.

Чистокровный корги, которого привезли в тот же день после обеда, обладал безупречной родословной и отвратительным нравом. Когда дед, с силой сжав руку внука, подвел Шерли вплотную к ухоженному животному, его лицо просветлело. В том возрасте им было легко манипулировать. С надеждой малыш протянул к нему дрожащую ладошку, но пес громко щелкнул челюстями, едва не попав по его пальцам, и на этом всё закончилось.

В тот же день появилась новая няня, которой велели ни на шаг не отходить от малыша. А через несколько дней начался ад, который продолжается до сих пор.

Глава 1

Открыть глаза.

Ждать. Загрузка завершена.

Проверить папки: данные не повреждены.

Принюхаться.

Прислушаться. Голоса в гостиной.

Сесть. Подняться на ноги. Натянуть халат.

Навестить туалет. Вымыть руки. Почистить зубы. Умыться.

Подойти к дверям гостиной. Снова прислушаться. Отец и Карл. Слушать.

… — Я разрываю контракт, мистер Эймс. Не хочу подвергать свою жизнь опасности, деля кров с подобным чудовищем.

— В самом деле? До вчерашнего дня Вас всё устраивало, мистер Беннет. Что изменилось?

— Всё. Он сломал мне руку и едва не убил.

— Почему? Назовите причину.

— Да нет никаких причин. Он просто набросился на меня, а потом с ним начало происходить такое…

— Так. А теперь говорите правду, мистер Беннет. Что вы делали в его комнате посреди ночи?

— Я?! Что вы имеете ввиду?

— Я задал вам вопрос.

— Меня там не было.

— Не лгите мне! Если в его спальне нет видеокамеры, это не ещё не значит, что там нет прослушки.

— Но он говорил, что всегда всё выбрасывает.

— Видимо, он что–то пропустил. Я жду ответа, мистер, Беннет.

— Я просто зашёл пожелать ему добрых снов.

— Разбудив его посреди ночи? Оригинально. Признайтесь, мистер Беннет, вы сами спровоцировали нападение.

— Но это…

— Довольно, мистер Беннет. Я услышал достаточно. Арвен.

— Да, сэр.

— Взять его.

***

Наблюдать, как Арвен выводит Карла.

Войти в комнату.

Сесть напротив отца.

… — Шерли!

— Что?

— Зачем ты это сделал?

— Он пришёл в мою спальню. Залез в постель. Прикасался.

— Это не повод для избиения! Ты мог просто выгнать его.

Повернуть голову.

Посмотреть в глаза.

Вспомнить: горячее тело, сбившееся дыхание, шёпот, касание губ, оставляющее влажную дорожку на шее, чужая ладонь, забирающаяся под резинку пижамных штанов. Пульсирующее алым в мозгу: «опасность». Руки, сбрасывающие с постели чужое тело …

Темнота.

Перезагрузка.

Разомкнуть губы, не прерывая зрительного контакта:

— Прикосновение. Опасность. Сбой в системе.

— Господи! Шерли! Ты в порядке?

— Да. Теперь ты понимаешь, что мне не нужны соседи? И ты не имеешь права игнорировать мои желания.

— Имею, Шерли. С юридической и этической точки зрения. Возможно, не столько с моральной, но я все равно полагаю, что действую в твоих интересах, так что — он постучал указательным пальцем по стопке файлов и легким движением подтолкнул в его сторону, — будь добр выбери себе нового.

— Я не нуждаюсь в этом.

— Думаю, тебе лучше понять, что как раз в этом ты и нуждаешься. Жизнь в этом доме возможна для тебя лишь в одном случае — если у тебя будет сосед. Пойми — всё, что я пытаюсь сделать, это поспособствовать хоть какому–то человеческому общению. Одиночество вредит тебе, Шерли.

— Одиночество — идеальная среда обитания для меня.

— Это не так, малыш. Я лично изучил всех возможных кандидатов. Полагаю, у них есть шанс выше среднего достичь с тобой взаимопонимания.

На большее Майк не надеялся. Ему бы хватило, если бы Шерли каждый день перекидывался с кем–то хоть парой слов. Его сын становился привидением, тенью, бродящей по улицам Города. Он брался за дела в Столичной полиции, брал клиентов, которые приходили к нему и были достаточно отчаянны, чтобы просить его помощи. С ним же, он говорил лишь в случае крайней необходимости, в большинстве своем просто замыкаясь в себе.

Шерли смотрел на стопку папок.

— Я думал, — произнес он ледяным тоном, — что ты еще в начальных классах убедился в тщетности своих попыток купить

мне друзей.

— Я никого не покупаю.

Ни о какой дружбе и речи не было. Майк даже не был уверен, способен ли Шерли дружить. Он мог наладить контакт, но и только.

Шерли поднял глаза, глядя на него без выражения:

— Ты всегда выбираешь профессионалов, отец, — он поднялся на ноги, — и никогда не спрашиваешь, чего хочу я. Спасибо, что лишний раз напомнил мне, почему я изо всех сил стараюсь избегать любого контакта с тобой.

Выходя, он громко хлопнул дверью. Это был детский жест, но Шерли преуспевал именно в них. Видимо, только они и сохранились в его памяти, и это давало Майку хоть какую–то надежду и немного примиряло с действительностью.

Попытки Шерли досадить ему, рассматривались Майком, как отсутствие полного безразличия.

Майк потянулся через широкий антикварный стол за верхней папкой из стопки. Он всегда сам отбирал возможных кандидатов в соседи Шерли, выбирая из огромного количества претендентов. Хотя любой его шестерке было по силам проверить их на безопасность, собрать данные об истории семьи и социальном статусе, разузнать о финансовой стабильности и перспективах карьерного роста.

Но именно Майк был единственным, у кого был шанс определить, смогут ли эти претенденты выдержать хотя бы полчаса рядом с его сыном.

Он поднялся из кресла и выглянул в окно. Он знал, что Шерли давно ушел, когда нужно было, его сын был способен развивать поразительную скорость, но все равно надеялся хоть краем глаза увидеть его. В жизнь Шерли нужно было внести коррективы. Если этого не сделать, в ближайшем будущем, его сын превратится в холодную бездушную машину, начисто лишённую каких–либо эмоций.

— Что–то должно измениться, Шерли, — Майк устало потёр лоб, возвращаясь к столу. Он собрал папки с досье в кучу, и бросил в жарко пылающий камин — И я сделаю это. Я дам тебе право выбора.

***

— Майк! Так не может больше продолжаться! Это неправильно! Он опасен. Его необходимо изолировать.

Сидящий в инвалидном кресле седовласый старик, наблюдал

за мечущимся по кабинету Майком:

— Ты должен признать свою неудачу. Должен смириться с тем, что Шерли…

— Нет, — перебил Майк, — он мой сын и я буду бороться за него до последнего! Я не позволю ему превратиться в…

— В кого, Майк? Смелее! В чудовище? В монстра у которого вместо мозгов жёсткий диск? Приди в себя, мой мальчик! Он стал таким в тот момент, когда ты вместо того, чтобы отключить его от аппарата и похоронить вместе с Шерон, пошёл на этот чёртов эксперимент!

— Ты тоже в нём участвовал! И это был наш общий проект!

— Я с себя вины не снимаю. Это было самой большой моей ошибкой. Пойти у тебя на поводу. Гибель Шерон чуть не убила тебя. Я просто не мог потерять своего единственного сына.

— Вот и я не мог. Шерли — твой внук! Как ты можешь так говорить о нём?! Когда мы с тобой пошли на это, никто и предположить не мог, что всё настолько выйдет из–под контроля! Что Система начнёт пожирать живую ткань. Но ведь ещё не всё потеряно, отец! Последние обследования показали, что тридцать процентов его мозга функционируют вполне нормально.

— Да. Потому что это нужно Системе. Однако ты не хуже меня знаешь, что все участки, отвечающие за нежелательные по её мнению эмоции, заблокированы наглухо. Сколько лет мы пытаемся их включить? Двадцать? И что из этого получается? Одно большое ничего! Я уже не говорю об элементарной чувственности. Ему двадцать шесть лет и у него ни разу не было эрекции. По–твоему, это нормально? Чёрт, Майк! У него нет друзей. Все считают его психом, он социопат и только твоё безграничное влияние в правительстве и деньги, позволяют ему жить среди людей. А не быть изолированным в самой отдалённой клинике государства. Скольких людей он ещё должен покалечить, чтобы ты понял — Шерли опасен для общества! Или подождём, пока дойдёт до убийства?

— Это всего лишь третий! Нечего было лезть к нему в постель! Когда мы проверяли Карла, мы были уверены в его гетеросексуальности. Кто же мог знать, что у него напрочь снесёт крышу.

— Согласен. Выдержать животный магнетизм Шерли не каждому по силам. К тому же с девушками мы уже экспериментировали. И что из этого вышло? Стоило девчонке поцеловать его, и он едва не свернул ей шею. Ты же сам всё видел.

— Но он же общается с инспектором полиции, с криминалистами, когда помогает в расследовании. Ведь, когда

ему дают распутать очередное сложное дело, он буквально преображается!

— Вот- вот. Ему самое место рядом с трупами.

— Отец!

— Что? Разве я не прав? Когда он видит очередную расчленёнку, у него же глаза загораются как у маньяка. Одно радует, что он предпочитает раскрывать преступления, а не совершать их сам. И сядь ты уже ради бога! Твоё метание по кабинету не решают проблему.

Майк опустился в кресло за массивным письменным столом и сложив ладони лодочкой опёрся о них подбородком.

— Итак! Что же нам делать?

— Я высказал своё мнение.

— Оно мне не подходит.

— Тогда я умываю руки.

Майк закрыл глаза.

— Тогда я сделаю то, что давно следовало сделать.

— И что же?

— До сих пор мы тщательно подбирали ему соседей. Они проходили многоуровневую проверку, подвергались жёсткому отбору. А теперь мы сделаем так, чтобы он сам выбрал себе компаньона. Не может быть, что он останется равнодушным ко всем.

— Очередной твой дурацкий эксперимент?

— Очередная моя попытка, сделать из Шерли человека.

— И как же ты собираешься это осуществить?

— Мы дадим объявление.

— Любопытно. И что дальше?

— Всех, кто откликнется, мы будем привозить к Шерли. Останется тот, кто его заинтересует. Только тогда, мы устроим ему тест–драйв.

— Полагаю, что моё мнение не учитывается? Потому что я считаю, что это ещё бОльший риск, чем всё, что было до этого.

— Ну, ты можешь его высказать. Но ты прав, оно не будет засчитано.

— Хорошо. Только обещай мне, что это последняя твоя затея. И если ничего не получится, мы перейдём к моему плану.

— Договорились.

***

Майкл Александр Эймс. Гениальный учёный, сколотивший баснословное состояние, благодаря своим открытиям в области

искусственного интеллекта, крупный политик, от слова которого зависели многие решения. Считалось, что о нём знали всё, но не знали практически ничего. Частная жизнь Майкла была закрыта для всех, у него было немало способов успокоить любопытных. О существовании его сына знали лишь несколько посвящённых, преданных настолько, что готовы были умереть за него. Все остальные, кто хоть как–то пересекались с Шерли, просто исчезали, у Майка было достаточно денег и связей, чтобы устроить это. Нет, Майк никого не убивал, он никогда не был зверем. В секретной лаборатории, находящейся глубоко под землёй, он попросту стирал им память, подменяя воспоминания и делая их совершенно другими людьми. Он подбирал им легенды и семьи, снабжал деньгами, но вернуться когда–нибудь к прежней жизни, вспомнить кем они были, никому из них было не суждено.

Он сильно рисковал, задействуя совершенно незнакомых людей, но был уверен в том, что сможет удержать ситуацию под контролем.

Операция под кодовым названием «Компаньон» длилась вот уже три месяца. Майк разрывался между государственными делами и сыном. Он сбился со счёта, скольких людей привёз к Шерли, чтобы услышать очередное «нет», обрекая их на абсолютное изменение сознания. Сколько ночей не спал, нервно меряя шагами свою спальню от бессилия кусая губы — видеть, как сын медленно превращается в бездушную машину, всё чаще перезагружаясь, было невыносимо. Он уже почти отчаялся, и готов был согласиться с планом отца, когда утром один из его личных телефонов, номер которого был указан на обычном сайте объявлений, издал заливистую трель.

Ни на что не надеясь, Майк снял трубку.

Глава 2

— Вы мне нужны, Инесс.

— Да, сэр? — Вошедшая в кабинет брюнетка замерла в двух шагах от его стола.

— Вот номер телефона и адрес. Мне нужно все, что на неё есть. Не поверхностные детали, а именно всё, что возможно. Переверните все базы данных: связи, друзья, семья, где и кем работает, медицинские записи, оценку состояния психической стабильности. Всё! У вас полчаса, Инесс.

— Есть сэр.

Возможно, у Инесс и были определённые мысли насчёт того, что её босс слишком уж опекает сына, но она держала их при себе. Проработав его помощницей пять с лишним лет, она давно усвоила: когда дело касается Шерли, ничего не бывает «слишком». Она вышла из кабинета так же тихо, как и зашла, оставив его наедине с собственными мыслями.

Через пятнадцать минут на его стол легла первая информация. Майк быстро просматривал записи, детально анализируя ситуацию и уже через полчаса об Аните Элизабет Новак двадцати пяти лет, ему было известно всё, вплоть до размера её бюстгальтера и гастрономических предпочтений.

— Инесс, вы знаете, что делать, — Майк удовлетворённо вздохнул, убирая папку с досье в верхний ящик стола.

***

Нет, пора завязывать сидеть на шее у родителей! В самом деле, что это такое, двадцать пять лет уже, а я до сих пор у предков тусуюсь. Оно, конечно, удобно — делать ничего не надо, придёшь домой, а там тебя встретят, в щёчку поцелуют, накормят-напоят, спать уложат и одеяльце подоткнут. Но минусов тоже хватает — никакой личной жизни. Парня в дом приведёшь, так расспросов на неделю: «Анита, кто это, да из какой семьи, какие у вас планы…» и далее в том же духе. А какие могут быть планы, если мы три дня знакомы? Ночевать не придёшь, вообще кошмар: «Анита, как тебе не стыдно. Ты ведёшь себя как не знаю кто». Это мама деликатничала. Отец выражался более конкретно. И что мне делать, если замуж я в ближайшем будущем не собиралась, тело требовало своего, а отдельного жилья у меня не было? Зато были периодически меняющиеся бойфренды, я находилась в свободном поиске.

В очередной раз поцапавшись с предками, я решила искать жильё. Работая менеджером среднего звена пусть даже в крупном банке, особо не зажируешь и своих сбережений у меня кот наплакал, а просить денег у родителей не хотелось. Поэтому, поиски затянулись. Всё свободное время я торчала на сайтах объявлений, но ничего подходящего не находилось. То, что мне нравилось, было не по карману, а ехать в занюханный клоповник не было никакого желания. Наконец мне повезло, я наткнулась на коротенькое объявление: «Сдаётся квартира в частном доме. Недорого». И номер телефона. Никаких тебе заманух и описаний. Не знаю почему, но я заинтересовалась и позвонила. Трубка ответила приятным тенором сразу же, как- будто на другом конце ждали звонка. Мужчина меня выслушал, спросил адрес и велел ждать у крыльца, сказав, что через час за мной заедут. Крайне заинтригованная обладателем чарующего голоса, я шустро собралась и за пятнадцать минут до назначенного времени, маялась на пороге родительского дома.

Ровно через час, рядом со мной плавно затормозил черный лимузин, дверца которого призывно приоткрылась. В этот момент зазвонил мой телефон и тот же тенор сладко пропел:

— Садитесь в машину, Анита.

Не успела я изумиться такой осведомлённости, ведь я не называла своего имени, как из недр машины показалась такая роскошная нога, что мысли разом потеряли всякую актуальность. Следом за ногой показалась и вся её обладательница — сказочной красоты девушка, и если бы я была парнем, мигом бы влюбилась.

— Прошу, Анита, — мягко улыбнулась красавица, приглашая меня в салон автомобиля. — Вас ждут.

Я пожала плечами и села в пахнущий дорогой кожей салон. Девушка устроилась рядом и авто плавно тронулось с места.

— И куда же мы едем? — поинтересовалась я, сгорая от любопытства.

— Увидите…

Куда меня привезли, я так и не поняла. Здание ничем, кроме непомерных размеров, не выделялось. То ли склад, то ли ещё чёрт знает что. Посередине огромного полупустого помещения, театрально опираясь на трость, стоял высокий, шикарно одетый и тщательно причесанный мужчина.

— Здравствуйте, Анита, — поприветствовал меня он голосом из телефона. — Значит это Вы ищите квартиру?

Я вежливо ответила на приветствие и утвердительно кивнула на вопрос, стараясь не особенно таращиться на элегантного господина, который по всей видимости, принадлежал к высшей касте нашего общества. Его лицо показалось мне смутно

знакомым, возможно он довольно часто мелькал на телеэкранах, но лишь, когда он назвал себя, я поняла кто передо мной. Майкл Эймс! Держите меня семеро!

— У меня есть для Вас очень выгодное предложение, мисс, — бархатным голосом начал свою речь мистер Эймс. — Но при этом будет несколько необычных условий. Сразу же скажу, за проживание с Вас не возьмут ни одной монеты.

Я насторожилась, бесплатный сыр, как известно, бывает только в мышеловке.

— Я ещё даже не знаю, о какой квартире речь, мистер Эймс, а Вы уже ставите мне условия.

— Квартира чудесная, уверяю Вас. Вам понравится. Даже не квартира — в Вашем распоряжении будет целый дом. Но жить Вы там будете не одна.

— А с кем?

— У Вас будет сосед. В контракт входят несколько условий. Вы должны будете присматривать за ним, готовить и несколько раз в неделю информировать меня обо всём, что с ним связано. Что он делает, как питается, много ли спит…

— А с кем спит, Вам тоже докладывать? — съехидничала я.

— Это не актуально… Потому что он всегда спит один. И главное, его затеи, Анита.

Всё, что он может выкинуть.

— То есть Вы нанимаете меня, шпионить за этим человеком.

— Можно сказать и так…

— …Можете не продолжать, — резко сказала я, — я отказываюсь в этом участвовать. Меня нисколько не напрягают бытовые проблемы, но слежка — нет.

Мистер Эймс несколько секунд смотрел мне в глаза, потом тонко улыбнулся и кивнул:

— Вы нам подходите. Это была просто проверка.

Не знаю, что на меня нашло и где в тот момент гулял мой здравый смысл. Расхожее выражение, любопытство сгубило кошку, это как раз про меня.

Уж слишком всё было необычно — роскошная машина, необыкновенная красавица, и главное сам Эймс. Более закрытого человека не было во все нашей стране: всё просто излучало тайну и разжигало любопытство, из–за которого я не раз попадала в нелепые, а порой и опасные ситуации. И сейчас мой любопытный нос, сыграл со мной очередную злую шутку. Я согласилась.

Машина доставила нас к небольшому, увитому плющом аккуратному двухэтажному домику.

— Шерли, ты дома? — неэлегантно задрав голову, крикнул мистер Эймс второму этажу, едва мы вошли.

Сначала было тихо. Потом раздались лёгкие шаги и… ох, если бы я не согласилась заранее, то сейчас согласилась бы на всё, потому что на лестнице показался ангел!

Высокий, скроенный в пропорциях мужской классики, с умопомрачительно длинными ногами и шапкой тёмных вьющихся волос, кончики которых небрежно спускались на широкие плечи — никого прекрасней я в жизни не видела! И всё это великолепие было упаковано в чёрное, придающее гибкой фигуре балетную хрупкость: чёрный свитер, чёрные кожаные брюки, обтягивающие бёдра как вторая кожа и высокие ботинки на толстой ребристой подошве.

Когда он спустился и остановился напротив нас, скрестив руки на груди и склонив голову набок, внимательно рассматривая меня, я с замиранием сердца уставилась в его лицо. Оно было идеальным, как и весь парень. Фарфорово- белая кожа, высокие скулы, ровный изящный нос, просто охренительные губы, к которым так и тянуло прикоснуться, а глаза… Чёрт! Миндалевидные, чуть приподнятые у висков, очень светлые почти прозрачные, как озёра жидкой ртути, в глубине которых плескались бирюзовые искорки. Опушенные длинными как у девушки ресницами, они были совершенно неземными. Но едва наши взгляды встретились, я поняла, что передо мной далеко не ангел. Глаза были пустыми и совершенно безжизненными. Холодные, лишённые эмоций, они пронзительно смотрели на меня, будто пытались залезть в душу, перевернуть в ней всё, ободрать и выставить мои сокровенные тайны на обозрение всем желающим. От его взгляда хотелось срочно найти себе укрытие, желательно подальше. Он смотрел на меня изучающе, без тени улыбки, будто сканировал.

— Да, — не отрывая от меня глаз, он медленно кивнул, — я согласен.

О-о, его низкий голос звучал как волшебная музыка. Прямо ходячий афродизиак, а не парень!

Мистер Эймс почему–то облегчённо выдохнул и широко улыбнулся:

— Анита, познакомьтесь, это Шерлиан. Мой сын.

Я оторопела. У Эймса есть сын? Однако. Вот это новость!

Шерлиан протянул затянутую в черную кожаную перчатку руку, взял мою ладонь, слегка пожав кончики пальцев и тут же отпустил.

— Соседка.

— Да. Девочка весьма необычная и мне кажется, она сможет это пережить.

— Что пережить? — вмешалась я, возмущённая тем, что мою

персону обсуждают так открыто, совершенно не обращая внимания на моё присутствие.

Шерлиан скользнул по мне взглядом и равнодушно отвернулся, не обращая на меня больше никакого внимания, а я разозлившись ещё больше, повторила вопрос:

— Что пережить?!

— Не волнуйтесь, Анита. Всё не так уж страшно, поверьте! Скоро сами всё узнаете. Так что, Вы согласны?

Ещё бы я была не согласна! Загадочные намёки, прекрасный сосед, да меня просто переклинивало от любопытства!

— Да! — Твёрдо сказала я, понятия не имея, на что подписываюсь.

— Чудесно! — Эймс широко улыбнулся, — Вы переедете прямо сегодня. — Инесс, — он кивнул на свою помощницу, статуей застывшую рядом с ним, — Вам поможет. И ещё! Настоятельная просьба, зовите меня Майк.

Я пожала плечами — Майк, так Майк, мне без разницы. Как говорят, кто музыку заказывает…

После знакомства с Шерлианом, меня отвезли в какой–то особняк, в котором я провела уйму времени. Мне предложили подписать кучу бумаг, вежливо попросили пройти полный медосмотр, даже засунули в какую–то капсулу, предварительно надев на мою голову шлем с кучей проводов, где я минут двадцать отвечала на разнообразные вопросы. Потом меня накормили роскошным обедом за причудливо сервированным столом. О существовании некоторых столовых приборов, я знала только понаслышке или видела впервые. Когда же я сытая и уставшая от переизбытка впечатлений вернулась в своё новое жилище, в гостиной меня ждали два чемодана с вещами и письмо от родителей с пожеланиями счастья. Уж не знаю, что там наговорила им помощница Майка, но такого позитива от моего отъезда из дома, я с их стороны не ожидала. Мне даже немножко обидно стало.

Ещё меня уведомили о том, что с работы меня уволили, благодаря стараниям Майка и что моя работа теперь, это Шерлиан.

***

Открыть глаза. Ждать. Загрузка завершена.
Проверка всех папок: данные не повреждены.
Вспомнить вчерашние события.
Новая соседка. Анализ.

Имя — Анита. Возраст — 25. Знак зодиака — Водолей.

Цвет глаз — карий. Цвет волос — горький шоколад.

Следов красящего вещества не обнаружено.

Стрижка короткая. Нос — прямой.

Губы — чётко очерченные, нижняя чуть полнее. Следы укуса. Любит прикусывать?

Структура кожи — бархатистая, склонна к аллергическим реакциям. Не любит пользоваться косметикой. Макияж — редко. Параметры — 87–58–92. Почти идеально.

Образование — высшее. Сохранить в архив.

Прислушаться. Система работает в стандартном режиме.

Выбраться из постели.

Принять душ.

Почистить зубы.

Одеться.

Спуститься в кухню. Она уже там.

Пожелать доброго утра. Сесть за стол.

Ответное пожелание.

Улыбка. Красиво.

Наблюдать. Стол накрыт.

Поинтересоваться, как спалось на новом месте.

— Спасибо. Хорошо.

Спросить, почему ушла от родителей.

Выполнено.

Не сошлись во мнениях. Ничего важного.

Сохранить в архив.

Отпить чаю.

Запрос: время последнего приема пищи. Два дня назад. Решение: нужно поесть.

Отрезать бекона. Есть.

Пришёл Арвен.

Отчитал за препарированных летучих мышей.

Пропустить.

Смотреть, как он уходит.

Продолжить прием пищи.

Наблюдать, как ест соседка.

Аккуратно. Медленно.

Замечает. Поднимает взгляд.

Напряжена. Думает.

Собирается с мыслями.

— Что такое?

— Ничего. Всё хорошо.

Напряглась.

Нервничает? Да.

Из–за чего?

Спросить, все ли нормально.

— Да.

Лжет.

Посмотреть в глаза.

Встать.

Проверить летучих мышей.

Превосходно.

Процесс мумификации в соли в разгаре.

Отсылка к делу: труп на солеварне.

Имя: Карвер Белз. Возраст: 21 год.

Причина смерти: травма от удара тупым предметом. Работал на солеварне. Последний раз жертву видели живым три месяца назад. Заявление о пропаже без вести подано две недели назад.

Заявитель: его любовник, конченый наркоман.

Другие близкие: отсутствуют.

Друзья: отсутствуют.

Время смерти? Неизвестно.

Убийца — его начальник.

Но когда именно он убил?

Поиск ответа.

Нет.

Отложить в папку.

Пометить флажком. Важно.

Заняться чуть позже.

Продолжить наблюдение за Анитой.

Услышать, как она встает.

Оглянуться.

Убирает со стола.

Поблагодарить.

Смотрит. Кивает.

— Не за что.

Создать папку «Анита».

Выполнено.

***

Возможно, это было самой большой ошибкой в моей жизни, поселиться под одной крышей с человеком, которого совсем не знаешь. Нельзя было принимать такого поспешного решения. Не спорю, меня сразу же покорила его неординарность. Ничего подобного я в жизни не видела. И никого, настолько интересного и настолько интригующего. Всё это обрушилось на меня и

ошеломило, лишив способности рассуждать хладнокровно и здраво.

Месяц нашего совместного проживания прошёл просто ужасно! С первого же дня стало понятно, что всё жизненное пространство принадлежит Шерлиану или Шерли, как он попросил себя называть. Это если мягко выразиться. Когда поначалу, я пару раз назвала его полным именем, он подошёл ко мне почти вплотную и склонившись, так уставился своими невозможными глазищами, что у меня на мгновение мелькнула мысль, что передо мной инопланетянин. Несколько секунд он буравил меня взглядом, ноздри слишком изящного для мужчины носа трепетали, будто он принюхивался, потом губы его раскрылись, чтобы выдохнуть мне в лицо: «Я — Шерли».

Этого вполне хватило, чтобы больше не ошибаться с именем.

Всё подчинялось его законам. Любое время суток было в его полном распоряжении. Мне же оставалось только принимать, как должное жуткое шипение какой–то дряни на кухне, когда он ставил свои эксперименты, от которых меня наизнанку выворачивало, его бесцельные шатания по дому или саду и разговоры с самим собой. Его внезапные уходы и регулярные наезды комиссара полиции. Как выяснилось, Шерли являлся кем–то вроде внештатного консультанта, и он почему–то решив, что я благотворно влияю на его мыслительный процесс, постоянно таскал меня за собой. Когда я впервые оказалась на месте преступления — квартире, в которой кровь чуть ли не с потолка капала, я моментально грохнулась в обморок. Но долго пребывать в нём, мне не дали, Шерли в два счёта привёл меня в чувство, вывел вон из квартиры и приказал ждать в коридоре.

Любая поверхность дома — стол и плита на кухне, диван в гостиной, камин и кресла — были призваны верно служить Шерли. Спасибо, хоть холодильника было два. В одном из которых хранилась всякая мерзость для его экспериментов. В другом — регулярно пополняемый Арвеном запас продуктов. Хотя, иногда, Шерли залезал и в продуктовый. Мне доставалось лишь то, что на данный момент его не интересовало. Даже моя собственная спальня, так или иначе, всегда носила следы его присутствия. Он бесцеремонно врывался ко мне, будил посреди ночи, озарённый очередной идеей, нервно ходил по комнате, если был чем–то удручен или озабочен, не считаясь ни с моей усталостью, ни с простыми человеческими потребностями. Понятия «личное пространство», для Шерли не существовало в принципе. Я принадлежала ему так же, как каминная полка.

Периодические попытки вразумить, расставить всё по своим местам, хоть как–то отвоевать пусть даже небольшую часть

личной территории всегда заканчивались одинаково — холодный, полный недоумения взгляд и фырканье.

К концу месяца, я вынуждена была признать, что всё стало ещё хуже, чем было раньше. Нет, моей свободы никто не ограничивал, я была вольна делать, что хочу. Я старалась реже бывать дома, бродила по улицам города, игнорировала его бесконечные смс–сообщения, с требованием вернуться, а если знакомилась с кем–то, всеми силами старалась это скрыть, но мне никогда не удавалось.

Надо было срочно что–то решать. И я решилась уехать. Нет не сбежать. Просто уехать на несколько дней, чтобы отдохнуть и разобраться в себе. Куда–нибудь к морю. Ненадолго. Денька на четыре. О чём не преминула сообщить Шерли. Он выслушал меня и равнодушно пожав плечами, проследовал в свою комнату. Я облегчённо выдохнула и кинулась собирать чемодан.

Глава 3

Отметить, что начиная с прошлой недели, в поведении Аниты появились странности.

Причина: неясна.

Ходит хмурая и задумчивая.

Обращение к папке «Анита — выражения лица».

Грустное.

Изучить причины.

Предательство.

Нет.

Потеря.

Нет.

Безответная любовь.

Нет.

Тоска.

По кому?

Обращение к папке «Бойфренды Аниты».

Алекс.

Расстались из–за меня. Он был форменным придурком.

Колин.

Ужинали в ресторане. Он на неё смотрел. Я подошёл к ним и сказал, что если он и дальше продолжит так глазеть, его член самостоятельно расстегнёт ширинку и выберется из штанов.

Попытался ударить меня. Остался жив, только благодаря Аните. Сбежал, даже не попрощавшись. Идиот.

Версия: Скучает по родителям.

Отрицательно. Только на этой неделе дважды ездила к ним в гости. С матерью общается по телефону каждый день.

Рассмотреть другие версии.

Нет вариантов.

Спросить.

Просто устала. Хочет отдохнуть.

Принято.

***

…Открыть глаза. Ждать.

Система загружена.

Посмотреть на часы. Три часа ночи.

Проверка всех папок: данные не повреждены.

Анализ: что послужило причиной внезапного пробуждения.

Анита.
Где?
Уехала.
Плохо.
Почему? Прислушаться.
Голова болит.
Закрыть глаза. Сжать виски.
Поиск.
Папки. Нет данных.
Файлы. Нет данных.
Дальше. Нет.
Сосредоточиться.
О-о. Больно.
Сканирование.
Нет данных.
Еще раз поиск.
Заблокировано!
Боль.
Опасно!
ОПАСНО!
Сбой системы.
Перезагрузка.

… Шерли открыл глаза. Мозг работал, но чётких, привычных команд Системы, он почему- то больше не слышал. Стоило только подумать о соседке, о том, что её нет рядом и чётко отлаженный механизм дал сбой. И он понятия не имел, как справиться с проблемой, не знал, что делать со своим вечно работающим разумом, не знал, как остановить пробегающие безостановочно мысли, вспыхивающие и противоречащие одна другой. Они набросились на него со всех сторон, кричали в его голове, отказываясь раскладываться в привычные папки.

В панике, он вылетел из кровати, нашёл телефон и набрал знакомый номер.

— Отец! — заорал он, едва на том конце сняли трубку, — верни её! Сейчас же! Немедленно!

— Шерли?!

— Верни мне Аниту! О-о, чёрт! Я умираю! — трубка выпала из рук, в голове загудело, и он упал на ковер, чувствуя, что снова перезагружается.

В себя он пришел от того, что кто–то гладил его по волосам. Он открыл глаза. Отец сидел на полу, держа на коленях его голову:

— Тихо. Тихо, мой мальчик. Уже всё прошло.

— Что это было?

— Я не знаю. Нам нужно поехать в лабораторию. Мне нужно больше данных.

— Нет.

— Шерли, пожалуйста.

— Анита. Где она?

— Она скоро будет здесь. А пока, ты должен, Шерли! Должен поехать со мной.

— Я скучаю по ней.

— Господи, малыш! Ты… — он склонился и поцеловал его в лоб, — мой мальчик. Ты… оживаешь… боже…

***

Меня вернули на следующий день. Было раннее утро, я сидела в шезлонге у самой кромки воды и под мерный шелест волн с удивлением думала о том, что мне не хватает Шерли! Чёрт! Я банально скучала по своему эксцентричному, взбалмошному, эгоистичному, самовлюблённому соседу! Который напоминал маленького ребенка, выросшего в роскошного мужчину, но так и оставшегося где–то в детстве. Он был загадочный, не такой как все. С ним определённо было что–то не так, но что именно, я никак не могла понять.

Мои размышления о Шерли, были бесцеремонно прерваны двумя амбалами в безупречных костюмах. Они буквально выдернули меня из шезлонга и не смотря на моё сопротивление, прямо в купальнике загрузили в машину, а потом и в самолет. Уже через два часа, я была представлена пред светлы очи моего соседа, который стоял как изваяние посреди гостиной широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Он отмер, когда меня красную от возмущения и стыда за свой полуобнажённый вид, поставили перед ним. Склонившись к моему лицу, он провел пальцем по моей щеке:

— Я скучал.

Обалдев от неожиданности, я смотрела на него, не зная, что сказать. Он впервые прикоснулся ко мне открытой ладонью. Обычно, он вообще избегал каких–либо контактов и если всё же прикасался ко мне так или иначе, его руки всегда были в перчатках. Шерли убрал руку и резко развернувшись поднялся к себе в комнату. Моя охрана тоже изумленно выдохнула и ослабила хватку, отпустив меня.

Мой крошечный отпуск закончился, едва начавшись, но в глубине души, я была вынуждена признать, что рада этому.

С тех пор наша жизнь несколько изменилась. Шерли стал

более спокоен, не огрызался на мои замечания, неохотно, но выполнял просьбы, а стоило сказать построже: «Шерли!», из продуктового холодильника сразу же исчезали противные банки с останками и чашки «Петри» с голубой плесенью. В общем всё более–менее наладилось, мы почти нашли общий язык. Единственное, что меня смущало — он постоянно крутился рядом, вечно таскал за собой, невзирая на моё нежелание, а несколько раз я просыпалась от того, что Шерли сидел в кресле у моей кровати и не мигая смотрел на меня своими инопланетными глазами. Ещё мы постоянно ссорились, и я уходила, хлопнув дверью, чтобы после двадцатой смс–ки и несмолкающего телефона вернуться обратно. Шерли, как правило, лежал на любимом диване, отвернувшись к спинке и был похож на незаслуженно обиженного ребёнка. Во всяком случае, спина, обтянутая тёмно–синим шёлком, не менее любимого им халата, точно выглядела обиженной. Мы дулись друг на друга ещё день, но потом обязательно мирились — видеть унылую физиономию Шерли, тенью ходившего за мной и при этом делающего вид, что это вовсе не он, было выше моих сил. Он тут же преображался, будто включаясь, и мы вместе, либо начинали чистить наш дом от «жучков», которых люди Майка периодически рассовывали везде, где только можно, либо кидались в какую–нибудь авантюру, играя в прятки с охраной Шерли или доводя до белого каления Арвена. Жизнь с Шерли нельзя было назвать скучной.

***

Джилл полулежала в глубоком кресле, пряча нос в мягкий уютный плед, в который укутала её экономка и медленно погружалась в пучину отчаяния. Кто бы мог подумать?! Всего лишь два года назад, она была обычной девушкой, без всяких сентиментальных заморочек.

Ну ладно, не совсем обычной. Её дед Максимилиан Бригстоун был главой преступного синдиката, промышлявшего торговлей наркотиками, незаконным игорным бизнесом и заказными убийствами, что, однако, не мешало ему быть заботливым дедушкой. Единственной проблемой Джилл в то время, была смертельная скука. А как тут не заскучать, если ты ещё подумать не успела о чём–то, а у тебе это уже в зубах приносят! Бросила на мужчину лишь взгляд, а он уже растёкся лужицей у твоих ног. Скучно и предсказуемо. Пожалуй, единственное, что примиряло её с этим тупым, безнадёжно старомодным как пропахшая

нафталином шуба старой девы миром — это планирование гениальных преступлений, которые с подачи её деда регулярно воплощались в жизнь. Вот тогда её блестящий ум работал на полную катушку, и она с восторгом отслеживала по новостным каналам репортажи с места преступлений, наблюдая за бестолковыми полицейскими у которых на руках не было ни одной улики, от души потешаясь над их растерянными лицами. Когда закрученное преступление особо удавалось, она даже инкогнито посещала место событий, чтобы воочию насладиться незабываемым зрелищем. Ну кто может заподозрить в скромно стоящей в толпе зевак хрупкой блондинке, главного зачинщика и организатора? Вдоволь насмотревшись на плоды своей гениальности, Джилл ехала в лучший ресторан, праздновать очередную победу.

А потом появился ОН. Шерлиан Уильям Стивенс. Появился внезапно, как стремительно летящая вдаль стрела. Как чудо. Как сверкающий алмаз. И на неё обрушилась любовь. Да такая, что справиться с ней оказалось невозможно. Шерлиан стал для неё центром вселенной, затмив собой весь остальной мир.

… Она впервые увидела его, когда он стремительно шёл к очередному месту преступления в сопровождении инспектора полиции. Даже не шёл — летел ни на кого не глядя, не замечая многочисленных заинтересованных взглядов, невольно создавая вокруг себя яркую ауру загадочности и неприступности.

Эта холодная неприступность и завела её, внимательно наблюдавшую за ним из окна машины.

«Интересно, какой он в любви?..» — неизвестно откуда взявшаяся мысль обожгла таким внезапно — сильным вожделением, что Джилл согнулась, обхватив руками живот, словно её ударили под дых. Парень давно исчез из виду, водитель настойчиво о чем–то спрашивал, но Джилл ничего не слышала.

Так в её жизнь ворвалось это сумасшествие, лишившее покоя, превратившее жизнь в кошмар одержимости.

Она тогда ещё ничего не знала о нём. Да и сейчас не особенно преуспела. Любые попытки узнать о нём хоть что–то, кроме имени и места жительства, на корню пресекались кем–то настолько влиятельным, что у неё не было никаких шансов. Шерлиан был человеком–загадкой и любые попытки сблизиться с ним были обречены на провал.

Даже то, что именно он раскрыл ряд её гениальных преступлений, и стал причиной гибели деда, сделав её главой синдиката, ничего не изменила. Эта упрямая гонка за призраком, это выматывающее душу и тело страстное желание обладать тем, кем, Джилл это совершенно точно знала, она обладать никогда не

будет, доканывала своей бесполезностью, выбивая опору из–под ног.

Джилл быстро сообразила, что раскрытие преступлений для него своего рода забава и решила пойти ва–банк. Поиграть с ним. Поначалу все шло отлично. Джилл преподносила ему дела — интересные, затейливые, чтобы он мог развлечься. Она сливала ему клиентов и партнеров, теряла гонорары и репутацию — ей было плевать. Она жаждала Шерлиана Стивенса. Его внимания, удивления, восхищения. Его привязанности. Её недавняя выходка обошлась ей в тридцать миллионов фунтов, но зато он вышел поиграть и даже некоторым образом заинтересовался. Джилл была уверена, что у неё всё получилось и как распоследняя влюбленная идиотка, надеялась, что он позвонит. Не позвонил. Хотя прекрасно знал, с кем имеет дело. За полтора года игр в кошки–мышки, он давно вычислил её, но почему–то до сих пор не сдал полиции.

И вот сегодня Джилл увидела его с девушкой. И взгляд, которым он смотрел на неё. О-о! Она бы убила за один–единственный подобный взгляд в свою сторону. Красная пелена ревности полыхнула перед глазами, грозя похоронить под собой здравомыслие. Ей хотелось свернуть шею этой поганке, прямо на глазах Шерлиана! Но холодный расчёт и осознание, того что так она навсегда потеряет последнюю крупицу надежды, погасили ярость. И на её место пришла чёрная тоска. Ничего не хотелось. Ни мыслить, ни даже жить.

Где–то через час полной прострации Джилл всё же заставила себя сесть прямо и выпить виски. Он всегда помогал ей включиться в процесс. Хватит бесцельно сидеть и жалеть себя. То, что слезами горю не поможешь, она усвоила ещё в детстве когда потеряла родителей. Необходимо было что–то придумать, чтобы устранить соперницу, но при этом сделать так, чтобы у Шерлиана даже мысли не возникло, что это её рук дело. Для тщательной разработки всех деталей необходимо время. А пока можно устроить маленькую месть своей бездушной безжалостной любви.

Джилл допила остатки виски, выпуталась из пледа и крикнула в глубь дома:

— Винс, ты мне нужен. Немедленно!

Глава 4

— Отдай! — я прыгала вокруг Шерли, пытаясь дотянуться до собственного айфона, который он держал высоко над головой. Учитывая его рост и постоянные передвижения по гостиной, дотянуться до вожделенного гаджета не было никакой возможности.

— Нет.

— Шерли! Отдай сейчас же мой телефон!

— Не отдам.

— Да что ж это такое в конце концов! Мало того, что ты постоянно берёшь мой ноут, взламываешь пароль и читаешь мою переписку…

— …Было бы чего взламывать…

— … так теперь ещё и за телефон принялся?! Отдай немедленно! Я звонка жду.

— Вот именно поэтому и не отдам. Ты снова убежишь на свидание.

— И что? Твоё какое дело. Ты что — мой отец? Не лезь в мою личную жизнь, душевно тебя прошу. Отдай!

— Но я же не виноват, что твоя личная жизнь — это сплошные идиоты. И вообще, зачем они тебе, если у тебя есть я!

От возмущения у меня перехватило дыхание, а он на корню пресекая все мои попытки дотянуться до телефона продолжил:

— Тебе мало моего общества? По–моему, мы неплохо проводим время. Разве нет? Со мной не скучно, что ещё тебе не хватает? Почему ты всё время бросаешь меня и сбегаешь на свои дурацкие свидания?

— Шерли, блин! Это совсем другое. Мы с тобой просто друзья. И соседи. Соседи, понимаешь? Я не могу вечно торчать рядом с тобой просто потому что тебе так хочется. Я женщина в конце концов и мне нужно внимание и хоть немного личной жизни!

— Разве я мало уделяю тебе внимания? Мы всё время вместе, я даже на расследования тебя беру. Чего тебе ещё не хватает? О! Я понял. Тебе нужен секс. Я прав? Почему люди придают этому такое значение? Почему спаривание двух особей ради продолжения рода вы возвели чуть ли не в культ? Ведь это всего лишь физиология, инстинкт воспроизведения себе подобных…

— А ты значит у нас особенный, да? Тебе всё это не нужно, — запальчиво перебила я его, с трудом понимая, о чём он вообще говорит, — можно подумать, что ты занимаясь сексом думаешь только о б инстинктах и физиологии? Что ты вообще несёшь,

Шерли? Ты сам–то себя слышишь?! А как же чувства? Эмоции? Любовь, наконец?!Самое прекрасное и удивительное, что может случиться с человеком! Когда готов отдать любимому не только своё тело, но и свою душу. Любовь, воспетая в лучших творениях поэтов и музыкантов, ради которой идут на смерть. Не спорю, физиология тоже присутствует и встретить любовь не каждому суждено, но ведь и сам процесс доставляет столько наслаждения и радости. Неужели в постели с женщиной, ты вместо того, чтобы отдаваться эмоциям и получать удовольствие, мыслишь, как чёртова машина и подсчитываешь сколько фрикций нужно сделать, чтобы достичь оргазма… — Я уже почти орала, когда заметила на лице Шерли странное выражение. Заткнувшись на полуслове я внимательно посмотрела на него.

Он был… растерян, как будто не понимал того о чём я говорю. В мою голову пришла совершенно нереальная мысль. Боясь поверить в собственную догадку, я осторожно спросила:

— Шерли, а ты вообще когда–нибудь этим занимался?

— Нет. Мне это совершенно не нужно. Эмоции, любовь — блажь, придуманная людьми для того чтобы скрасить собственную жизнь и скрыть обуревающие их пороки.

— Погоди, ты что девственник что ли? — Я была настолько ошарашена, что даже забыла возмутиться по поводу его очередного выпада и спросить, где он нахватался всей этой чуши.

— В любом случае, это не твоё дело, Анита. Мне всё это не нужно, ты себе даже не представляешь, насколько я отличаюсь от тебя. Я больше не желаю это обсуждать. — Он аккуратно положил айфон на край стола и направился в свою комнату, бросив через плечо, — отправляйся на своё свидание. Я больше не стану тебе мешать.

Он ушёл, оставив меня стоять посреди гостиной, почти оглушённую таким сногсшибательным известием. Шерли — девственник?! Охренеть просто! Я никак не могла в это поверить: у Шерли, от макушки до кончиков ногтей на ногах выглядевшего как топ–модель, ни разу не было отношений?! Звучало как бред. Да, он немного странный, но это не говорит о том, что для того чтобы найти себе партнёра — женщину или мужчину, неважно, нужно быть гением. Это было настолько странно…

… додумать я не успела, ибо с улицы раздался взрыв такой силы, что из рам едва стёкла не повылетали. Да и то только потому, что как впоследствии объяснил мне Арвен, были пуленепробиваемыми. В панике я бросилась на пол, инстинктивно прикрыв голову руками, но уже через несколько минут, сильные руки сгребли меня в охапку и потащили в сторону чёрного хода. Очухалась я уже в машине, сидя рядом со

взъерошенным Шерли и злым как собака Арвеном.

— Что это было? — спросила я, хоть немного пытаясь прийти в себя.

— Понятия не имею, — пожал плечами Шерли, — но там куда мы едем со всем разберутся, не переживай.

— И куда мы едем?

— К отцу.

***

Майк изучал отчет о взрыве, когда в его кабинет вошёл Шерли. Отложив документы в сторону, он встал из–за стола и пересел на диван.

Мгновение, и Шерли рухнул рядом на мягкое кожаное сидение, заваливаясь на бок, будто кто–то разом обрезал все струны, что помогали ему держаться прямо, и его тяжелая голова оказалась у него на коленях.

Медленно Майк поглаживал сына по волосам, нежно запуская пальцы в запутанную шевелюру, отмечая про себя что Шерли надо постричься.

Майк молчал. Шерли тоже. Через несколько минут он расслабился под его рукой, округлив плечи и издав слабый, болезненный вздох. Ночь тянулась, тёмная и молчаливая, а они все оставались неподвижными, сохраняя почтительную тишину, будто находились в палате умирающего. В какой–то момент Майк задремал, откинув голову на спинку дивана. Сквозь сон он слышал, как дыхание Шерли выравнивается, становится глубже, говоря о том, что он тоже заснул.

Когда на следующее утро Майк проснулся, с затекшей шеей, он был один. Взглянув на восходящее за окном солнце, на пустое место рядом с собой, на, плотно закрытую дверь, он на мгновение подумал, что сын, спящий в его руках, ему просто приснился. Но тут же вспомнил, что вчера произошло. Майк поднялся на ноги и подошёл к столу, быстро просматривая снимки покорёженных деревьев и того, что осталось от клумбы после взрыва, не сдерживая рвущихся из груди отборных ругательств. Изучив отчёт вдоль и поперёк, он захлопнул папку и подошел к резному дубовому шкафу для хранения документов. Достав досье, пробежал глазами по аккуратным строчкам.

— Чертова сука, — прошипел он с силой бросая на папку на стол, — ты мне за это заплатишь! В том, что в этом замешана мисс Бригстоун он не сомневался. Хотя лишняя информация никогда не помешает.

***

— Кто отдал приказ о взрыве?

Люди Майка нашли подрывника довольно быстро и тот сейчас лежал прикованный наручниками к операционному столу в одной из его лабораторий.

Человек молчал, глядя на Майка заплывшими от побоев глазами. Нос был сломан, голова пробита, губы рассечены — его люди хорошо поработали над ним, но Майку было плевать. Пленник ухмыльнулся, из разбитых губ снова потекла кровь и Майку до смерти хотелось раздавить как таракана этого засранца, посмевшего покуситься на самое дорогое, что было в его жизни. Но пока этого делать нельзя. Разочарованно вздохнув, Майк склонился ниже, подождал пока пленник сфокусировал на нём взгляд и вернул ухмылку.

— Меня зовут Майкл Эймс, — вкрадчиво произнёс он.

Глаза пленника округлились, насколько это было возможно на избитом в хлам лице.

— О, вижу, моё имя тебе о чем–то говорит, — Майк протянул руку, почти касаясь его щеки, так близко, насколько можно было создать ощущение угрозы без непосредственного контакта. — И покушался ты на моего сына.

Парень судорожно сглотнул и забился, пытаясь освободиться. Несколько секунд Майк наблюдал за его отчаянными попытками, пока тот не осознал их бесполезность и не затих.

— Надеюсь ты понимаешь во что влез, — Майк растянул губы в подобие улыбки. — Единственная причина, по которой ты все еще дышишь, это информация. Помощи тебе ждать неоткуда, и я больше чем уверен, что твой заказчик сольёт тебя не задумываясь, списав твои действия на твою собственную инициативу. Так что выбор у тебя только один — рассказать чей это заказ и может быть я сохраню твою жалкую жизнь. Не то что бы у тебя на данный момент вообще есть на нее право.

Пленник молчал, сверля его ненавидящим взглядом.

— Решил поиграть в героя? Глупо на мой взгляд. Что ж, ты не оставляешь мне выбора — притворно вздохнув, Майк достал из кармана перчатки, — может скажешь по–хорошему? Ответа не последовало, но он на него и не рассчитывал.

Когда менее получаса спустя Майк вышел из лаборатории, Инесс уже ждала его. Не глядя на босса, она протянула ему небольшую подарочную коробку, куда он положил маленький сверток, завернутый в белоснежный носовой платок. Инесс молча захлопнула её, не обращая внимания на красные пятна на тонком батисте.

— Приказы, сэр?

— Нужно сделать пару звонков, — тихо ответил он, — едем в офис.

***

Когда предстояло пускать в ход угрозы, Майк предпочитал являться без предупреждения.

Обычно он пользовался двумя вариантами. Первый заключался в том, чтобы оставить потенциальную жертву томиться в собственном соку в ожидании его приезда, и был вполне эффективным. Майк использовал этот вариант редко и только с самыми хрупкими личностями. Преимуществами второго, которому он отдавал предпочтение, было то, что у его жертвы не было времени что–то спланировать, сбежать и подготовиться к нападению.

Он вошёл в ресторан и поискал глазами нужный ему стол. Найдя искомое, он проследовал туда.

— Добрый вечер, дамы и господа, — фальшиво улыбнулся Майк, без приглашения занимая свободное место, что было непростительным нарушением этикета, на который сейчас ему было плевать. — мисс Джиллиан, на пару слов. Тет-а тет.

Майк достал из кармана подарочную коробочку, одним пальцем подвинул её через небольшой стол, оставив лежать перед побледневшей девушкой.

— Мистер Эймс? — Джилл подняла на него глаза в которых отчётливо читался страх.

— Собственной персоной.

Майк бросил лишь один взгляд в сторону и гостей Джилл словно ветром сдуло из–за стола.

Джиллиан довольно быстро удалось взять себя в руки.

— Чем могу быть полезна такой высокопоставленной персоне, — спросила она, натянув на лицо деловую улыбку и открывая коробочку. — Что за ужас Вы мне подсовываете, мистер Эймс! — развернув платок, она брезгливо отбросила от себя отрезанный палец.

— Не притворяйтесь, мисс Бригстоун, Вы прекрасно знаете о чём речь! Актриса из Вас никакая, но планируемые Вами преступления в некотором роде гениальные! Ваши бы таланты да на благое дело.

— Я не понимаю Вас!

— В самом деле? Ну хорошо. Тогда я сам Вам расскажу. Пока Вы играя на грани фола забавляли Шерли, я закрывал на это

глаза, полагая, что небольшое развлечение ему не повредит. Но Вы, мисс, перешли грань дозволенного. Вы покушались на его жизнь, а это уже не игра.

— При чём тут мистер Стивенс? Почему Вы о нём так печётесь? Вы — самый влиятельный человек в государстве, фактически управляющий им. Подозреваю, что даже президента выбрали с Вашей подачи, потому что сами Вы, оставаясь в тени, предпочитаете управлять марионеткой. Что Вам до наших игр с каким–то смазливым мальчишкой? Кто он Вам — друг, брат, любовник? А может быть сын?

— Поверьте, мисс, эта информация из разряда «меньше знаешь, дольше живёшь». Я прекрасно осведомлён о Ваших нежных чувствах к Шерли и уверяю Вас, ко мне его точно ревновать не стоит. Но и на ответные чувства с его стороны, также можете не рассчитывать. Он никогда не ответит Вам взаимностью.

— Почему? Потому что живёт с этой нищебродкой? Чем она лучше меня, позвольте спросить? И я не собиралась причинять никакого вреда Шерлиану.

— Значит Вы всё же признаёте, что это ваших рук дело.

— К чему отрицать то, что Вы уже знаете. Так чем же та девка лучше меня, можете ответить?

— Вы забываетесь, мисс! Но да ладно, спишем это на Вашу дикую ревность. Это просто его соседка. Ничего личного. Такой ответ Вас устроит? И прекращайте уже Ваши игры с Шерли. Потому что, если он пострадает, я уничтожу не только Вас, но по кирпичику разнесу всю вашу преступную империю, которую так скрупулёзно создавал Ваш покойный дед. Имейте уважение к усопшему. И помните, Ваш нелегальный бизнес всё ещё жив только потому, что это нужно мне. Своеобразное равновесие между добром и злом.

— А Вы, я так понимаю, на стороне ангелов.

— Может я с виду и ангел. Но не дай Вам Бог даже помыслить о том, что я такой же в душе, мисс Джиллиан. Поэтому впредь, прежде чем что–то делать, хоть немного думайте о последствиях.

— Вы мне угрожаете?

— Вы очень храбрая девочка, мисс Джиллиан — вкрадчиво шепнул Майк, — но это не угроза. Это, гнев. Вы очень разозлили меня, мисс. И если Вы будете искушать судьбу, продолжая Ваши криминальные игры с Шерли, последствия Вам не понравятся.

— Вы не посмеете…

Это прозвучало настолько глупо, что Майк рассмеялся.

— Послушай меня, девочка, — Майк поднялся на ноги, резко

переходя на неофициальный тон — не связывайся со мной. Потому что я самый отвратительный из всех, с кем ты когда–либо встречалась. Поэтому ты забудешь о существовании Шерли, и я притворюсь, что тебя не существует.

— Но…

— Если ты попадешься мне еще раз, если хоть чем–нибудь досадишь или обратишь на себя мое внимание, или же если я услышу, что твое имя звучит в одном предложении с именем Шерли… — Он замолчал, буравя её взглядом. — Ты не будешь первой, кто бесследно исчезнет, не издав даже писка. Также, ты не будешь последней. Если же тебе совсем не повезет, или если ты будешь уж очень сильно меня раздражать, я оставлю тебя в назидание. Сделаю из тебя пример того, что на самом деле случается с людьми, которые не придают моим приказам должного значения, — и одарив её жуткой улыбкой, закончил, — не дай всему зайти настолько далеко. Приятного вечера, мисс Бригстоун.

С этими словами, Майк развернулся на каблуках и ушел.

***

После впечатляющего разговора с Эймсом, Джилл медленно приходила в себя. Она подозревала, что у Шерлиана есть высокопоставленный покровитель, но чтобы он был настолько крут!..

«Интересно, кем он ему приходится, — думала Джилл, кусая губы, — отцом? Но Шерлиан на него не похож, разве что ростом, да и фамилии разные. Эймс одинок и детей у него нет, насколько я знаю. Если бы у него был ребёнок, неужели бы об этом не написали? Хоть одна паршивая газетёнка да узнала бы. Но ни в прессе и в других СМИ не было даже намёка. Тогда кто? О ком ещё можно так заботиться? Любовник? Не похоже. Как известно из той же прессы, «серый кардинал» предпочитает женщин. Тогда кто? Слишком мало информации. И этот пробел нужно восполнить как можно быстрее! Хм, он что в самом деле думает, что я испугалась?! Что отступлюсь от своего? Ошибаетесь, мистер Эймс! Я заполучу Шерлиана так или иначе и вы с вашей грёбаной властью и влиянием ничегошеньки не сможете с этим поделать. И чёрт с ним, если мне придётся расплатиться за это собственной жизнью. Потому что его я заберу с собой. Жизнь за жизнь. Всё или ничего, мистер Эймс! А игра обещает быть увлекательной. Но и приз за победу того стоит. Ну что, мистер Эймс, поиграем?!»

Глава 5

Десять дней, мы провели в особняке Майка. Шерли почти не показывался, хотя по ощущениям, всё время находился где–то поблизости, а я сходила с ума от одолевающих меня мыслей. Что произошло? Почему на жизнь Шерли покушались? И как вообще кто–то смог проникнуть на территорию, которая охранялась не хуже военной базы? То, что охраны почти не было видно говорило о её высоком профессионализме, тогда почему цепные псы мистера Эймса, проворонили диверсанта? Вопросов было столько, что скучать мне было некогда. Я даже слегка подзабыла о собственно виновнике всего этого переполоха, когда он по своему обыкновению, ворвавшись ко мне в комнату в пять утра, выдернул меня из кровати сообщив, что мы возвращаемся домой.

Идя по дорожке к дому, я поразилась — как можно за такой короткий срок сделать так, что ничего в этом месте не напоминало о взрыве. Я не знала точно, что именно было уничтожено, но по моему мнению, сад, окружающий наш дом, остался совершенно таким же.

Неделю, мы прожили довольно мирно, ни разу не поссорившись.

В воскресенье я пошла на свидание с бывшим однокурсником, которое отменилось десять дней назад по независящим от меня обстоятельствам, о чём я ему и сообщила, позвонив из дома Майка. Парень был неглупым, всё понял правильно и мы договорились встретиться позже. Встретились!

Как этот сукин сын, вычислил куда мы отправились, я понятия не имела! Но свидание он мне испортил качественно. Явившись в кафе, где мы ужинали, разодетый как жених Шерли устроил там шоу, выложив про моего несостоявшегося кавалера такие подробности, что у меня уши в трубочку свернулись. Парень естественно полез в драку, за что и поплатился. Подоспевший вездесущий Арвен мигом успокоил его хорошим хуком слева. Шерли отделался ссадиной на скуле и оторванным рукавом дорогущего пиджака. Видела я похожий на манекене в витрине бутика в центре города! Дважды нули на ценнике пересчитала, думала, осмотрелась нечаянно. Пиджачок стоил как хорошая квартира, блин. А этому паразиту хоть бы что. Конечно, папочка новый купит, в чём проблема. Этот, я была уверена, Шерли больше ни за что носить не станет. Метросексуал чёртов! Короче, мы снова поругались.

Однако, вдоволь позлиться друг на друга нам помешал инспектор Томсон, бессменный пастырь «тупоголовых баранов»,

как презрительно называл Шерли сотрудников доблестной уголовной полиции. Стивен — единственный из копов, к кому мой несносный сосед относился более–менее приемлемо, признавая у того наличие малой толики работающих извилин. Мне же кареглазый обаяшка Стив просто нравился. Если бы не обручальное кольцо на пальце и фотография лапочки–дочки в бумажнике, которую он с гордостью продемонстрировал мне едва ли не в первые часы знакомства, я бы, наверное, даже позволила себе маленький флирт с симпатичным инспектором.

В самый разгар моего очередного обвинительного спича в адрес Шерли, вошедший Арвен доложил о приходе инспектора. Прервавшись на полуслове, я гордо удалилась к себе в комнату, всем своим видом показывая, что дико злая и никуда с ним не пойду.

Шерли носило где–то два дня и его отсутствие позволило мне успокоиться. Я даже успела немножко соскучиться по своему несносному соседу, когда он появился на пороге. Похудевший, уставший с запавшими глазами, он молча прошёл мимо меня и скрылся в своей комнате. Я проводила глазами его высокую фигуру и направилась на кухню, в надежде уговорить его пообедать. В том, что он явится следом, я не сомневалась. Он пришёл спустя час, облачённый в любимый халат и уселся на табурет с таким видом, будто мы вообще не ссорились. В этом весь Шерли! Я же, похоже, к тому времени уже не могла долго злится на него.

Некоторое время мы жили относительно мирно. Пока не произошло следующее…

***

… — Да что же это такое?! Это не дом, а минное поле какое–то — не знаешь, куда ступить, чтобы он не взорвался с полуслова! Совсем озверел психопат чёртов! — вполголоса разорялась я, остервенело работая венчиком, взбивая омлет. Настроение уже с утра было такое, что хоть вешайся. — И чего, спрашивается, ему не хватает? Накормлен, в доме порядок, тишина, конечно, если сам не орет. Микроскоп на месте, червяки его дурацкие не сдохли, копошатся себе в баночке на верхней полке холодильника. Чем не рай? Так нет же, мечется по дому, как ненормальный, смотрит своими глазюками, аж страшно. Вот пусть только попробует что–нибудь сказать, так врежу, мало не покажется! И на хрена я вообще во всё это влезла! Жила бы сейчас с предками и в ус не дула. Нет, самостоятельности захотела!

Идиотка!

Сегодня, Шерли превзошёл сам себя. Того и гляди в горло мне вцепится. Как будто, я червяков его дурацких нечаянно уморила! Дебилкой обозвал. За что?! За заботу? За поддержку его безумных идей? Кто полночи просидел в кустах, едва не околев от холода, ожидая, когда мужик из дома на соседней улице вынесет очередной труп, в то время как Арвен метался по окрестностям, разыскивая нас.

А всё потому, что Шерли вообразил, что мужик — маньяк, расчленяющий свои жертвы. А бедняга всего лишь вынес в пакете очередную вазу своей помешанной на них жены!

После его выходки, нас навестил Майк и о чём–то долго беседовал с Шерли. Тот потом целый день не выходил из своей комнаты, а я чихала всю неделю.

Дверь с грохотом распахнулась, и я чуть не выронила миску с омлетной смесью.

— Шерли, сколько раз я тебе говорила, не врываться так неожиданно? Ты меня до смерти напугал. Я завтрак готовлю, не видишь? Хочешь есть?

Он отрицательно мотнул головой, смотря куда–то сквозь меня.

— Ты случайно не заболел?

Я поставила миску на стол, подошла и приложила ладонь к высокому гладкому лбу.

Лоб был приятный на ощупь и теплый, как и положено нормальному здоровому лбу.

— Тогда чего глаза закрыл? Болят? Слезятся?

Глаза открылись и на меня взглянул разъяренный тигр.

— Не смей прикасаться ко мне! — заорал Шерли так, что я отшатнулась и чуть не упала.

— Еще раз дотронешься, я…

И умчался.

— Уеду, — мрачно подумала я, — вот прямо сегодня соберу вещи и уеду! Задолбал, чёртов придурок!

После завтрака, я заканчивала мыть посуду и размышляла, как бы сообщить Майку о том, что хочу съехать и забыть этот кошмар как можно быстрей.

Неожиданно до моих ушей донеслось непонятное урчание. Низкое, гортанное, как будто в гостиной откуда ни возьмись появилась большая кошка. Оно врезалось в мою грудную клетку, заставляя ее дрожать и вибрировать. Я уронила намыленную и наполовину отмытую кружку в раковину и пошла на звук.

За время общения с Шерли, я уже немного успела привыкнуть к его странностям и закидонам, но то, что творилось сейчас не

лезло ни в какие ворота.

Шерли вытянулся на диване, пристроив босые ноги на подлокотник, запрокинув голову и выставив напоказ дрожащее горло. Он урчал, вяло шевеля пальцами на ногах, словно дирижируя. Его руки запутались в волосах, большие пальцы медленно выводили круги у висков, самыми кончиками скользя по коже.

Вжавшись в стену, я наблюдала, как он прижимал кончики пальцев к расположенным над скулой за глазами впадинам. Медленно, с большой тщательностью он вычерчивал на коже узоры: эллипсы, спирали, восьмерки. Его губы чуть разомкнулись и в комнате вновь раздалось урчание, а грудь равномерно вздымалась и опадала в такт дыханию. Складки его любимого домашнего халата облегали бесконечные углы гибкого худого тела.

— Оххх, — выдохнул он с закрытыми глазами, голова перекатилась по диванной подушке и урчание возобновилось.

Длинные пальцы снова зарылись в ворох темных волос, пробираясь сквозь них. Сначала движения были мягкие, но скоро он уже с усилием дергал пряди, крепко стискивая упругие завитки, сминая в кулаках. А потом начал извиваться так, что халат распахнулся, футболка задралась на одну сторону, а домашние штаны сползли с бёдер, обнажая гладкую кожу и выпирающую тазовую кость.

И тут Шерли задержал дыхание, его пальцы замерли на полдороге, словно обнаружив под кожей, что–то маленькое и твердое, вроде бусины. Сосредоточился, закусив нижнюю губу, нажал сильнее, стискивая виски, а затем резко их отпуская, вдавливая большие пальцы во впадинки над скулами. Застонав, он начал совершать пальцами колебательные движения взад и вперед, погружая кожу в кожу, совмещая выпуклое с вогнутым, а я зачарованно таращилась на него, признавая, что сейчас он красив неземной, почти потусторонней, сверхъестественной красотой. Казалось, что на диван опустился ангел с алебастрово–белой кожей, и от вырывающихся из его жемчужного горла звуков по всему моему телу разливалась слабость.

«Какого черта он творит? — пыталась я собрать в кучу разбегающиеся мысли, — Как это вообще называется? … Господи боже мой»!

Шерли тяжело дышал, гладил виски, под закрытыми веками бешено вращались глаза, словно он находился в беспокойном пьяном сне, полном видений. На шее, на руках, на оголённом бедре блестел пот. Он весь содрогнулся от макушки до пяток, одна нога соскользнула с подлокотника на пол, но он этого даже

не заметил. Пальцы двигались быстро, ожесточенно, но самого Шерли здесь явно не было. Внезапно он выгнул шею, приподнял бедра, прикусил костяшки пальцев, громко застонав, а затем, словно лишившись всех костей, упал обратно на диван.

Меня будто гвоздями к полу приколотили; и рада бы убежать, но не было сил.

Шерли распахнул глаза и повернул голову в мою сторону. Его расширенные зрачки, напоминали небо в беззвездную ночь. Грудь по–прежнему тяжело вздымалась и опадала.

— Анита? — он сел, скрестив ноги и уставился на меня.

— Что это сейчас такое было? — нервно спросила я, стараясь придать голосу уверенность.

— Перезагрузка.

— Что-о?

— Разве отец не сказал тебе? — в его голосе сквозила едва заметная нотка удивления, — ты живешь с роботом, Анита. С компьютером, которому иногда требуется перезагрузка. Обычно все люди, которые здесь были до тебя, узнав об этом, сразу же сбегали. Так что ты тоже можешь паковать чемодан. Жить с машиной, что может быть унизительней? — его начало ощутимо потряхивать, как будто ему было холодно.

Я подошла к нему и присев на корточки, взяла в руки ледяные ладони:

— Ты не машина, Шерли. И я никуда не уйду. Но объяснения мне всё равно нужны, и я их получу. От твоего отца. А пока тебе нужно отдохнуть. Чаю хочешь?

— Хочу, — в светлых глазах что–то мелькнуло и быстро погасло.

— Я сейчас.

Я сходила в его комнату, принесла плед и укутала его. Шерли била дрожь, он был слабым и беспомощным как котёнок. Затем, заварила крепкого чаю, щедро подсластив, и сунула ему в руки кружку.

— Пей и ложись спать. Я скоро вернусь.

Затем, вышла на крыльцо и подошла к розовому кусту, в котором по моим точным сведениям пряталась камера наблюдения.

Майк, была бы его воля, рассовал бы «жучков» по всему дому, но Шерли их находил в мгновение ока, поэтому их не было, а вот во дворе и в саду они были понатыканы везде.

— Майк, — сказала я, глядя в самый центр розового куста, — нам нужно поговорить. И Вы не смеете отказаться!

Через десять минут к дому подъехал знакомый лимузин.

***

На этот раз я оказалась в роскошном кабинете. Стоимость одного кресла, в котором восседал спокойный как сфинкс Майк, превышала стоимость всей гостиной моих родителей. Однако меня этот факт нисколько не смутил. Я прошла и опустилась в кресло напротив с таким видом, будто всю жизнь посещала исключительно такие вот кабинеты.

— Я Вас слушаю, Анита, — Майк кивнул головой в знак приветствия и уставился куда–то мне в переносицу.

— Нет это Я Вас слушаю, Майк, — возразила я, — почему Вы не сказали мне, что Шерли… не совсем обычный человек. Почему не предупредили меня об этих его перезагрузках?

— Вы очень деликатны, Анита. Его бывшие соседи не стеснялись в выражениях и называли его…

— Прекратите!

— Теперь вы тоже оставите его как другие? После всего, что увидели?

— Я не другие. И я имею право знать, почему он такой и какие ещё сюрпризы меня ожидают.

— Хорошо. Если Вы пообещаете мне, что сумеете сохранить это в тайне.

— Обещаю. Но, а как же те, бывшие соседи? Они ведь тоже знают о его перезагрузках.

— Их больше нет, — равнодушно ответил он и у меня по спине, прокатилась волна ледяных мурашек. — Моя жена, — без всякого перехода начал Майк, — погибла в автокатастрофе. Она была на последнем месяце беременности. Неродившегося ребёнка удалось достать из неё и спасти. Но у него был повреждён головной мозг. Я в то время работал над одной очень секретной программой, связанной с искусственным интеллектом. Желая спасти сына, я пошёл на рискованный эксперимент — удалил повреждённые участки мозга, заменив на компьютерные чипы. Так появился Шерли. До шести лет, он был просто ребёнком, а потом начались проблемы. Тогда произошла не совсем приятная история с собакой. Если бы мы только знали, к чему это приведёт, мы никогда бы не забрали у него этого несчастного щенка! Он так плакал! Так переживал! Ко всему прочему, у него появилась новая няня. Видимо, всё это вместе спровоцировало эмоциональный срыв и Системе в его голове впервые потребовалась перезагрузка, как обычному компьютеру. Дальше — больше. Сначала он перезагружался примерно раз в месяц, потом это стало происходить чаще. Я провёл кучу исследований, выяснив, что Система каким–то образом пожирает живую ткань, и мы пока

ничего не можем с этим сделать. Я бьюсь над этой проблемой двадцать лет, но решения нет до сих пор. В отличие от обычных людей, его мозг задействован почти полностью, он может перерабатывать немыслимое количество терабайт информации, но участки, отвечающие за эмоции, чувственность и продолжение рода, программа посчитала ненужной и просто заблокировала, освободив место для более ценной. Он никогда не сможет полюбить, он абсолютно асексуален, он не знает слова «жалость» и может запросто убить, если система посчитает чье–либо поведение угрозой для себя. Слава богу, пока такого не случалось, но троих людей, он уже покалечил.

О том, что он мой сын, знают очень немногие. Шерли живет под фамилией матери, поэтому у меня развязаны руки. Когда я отправил его в университет, потому что ему необходимо общение с людьми, чтобы окончательно не превратиться в машину, его попытались изнасиловать. Парень, который был влюблен в него до умопомрачения. С внешностью Шерли, ничего не стоит свести с ума любого человека. Шерли чуть не убил его, сделав инвалидом до конца дней. Сейчас он находится в закрытой частной клинике, под присмотром лучших врачей, но это не делает моего сына менее виноватым в случившимся. Но Шерли считает иначе. Парень представлял для него угрозу, и он поступил так, как приказала ему Система.

Ему чужды такие чувства как вожделение или сострадание. Он их просто не понимает, а его система считает это опасностью. Потом была девушка. Которой он чуть шею не свернул, за один единственный поцелуй. Я пытался изолировать его от общества, чтобы больше не допустить подобного. Но одиночество убивает в нём личность. Поэтому я пошел на риск и поселил его в доме, разрешив сотрудничать с полицией. Расследование запутанных преступлений его развлекает. Чтобы он не жил в одиночестве, ему подбирают соседей. До сих пор, он был равнодушен ко всем. Всех прошлых соседей, он разогнал, нарочно спровоцировав перезагрузку. Полгода назад, он сломал руку своему соседу и жестоко избил, за то, что тот залез к нему в постель.

Вы первая, кого он терпит так долго. Вы первая, кого он потребовал вернуть, когда Вы решили устроить себе мини — отпуск, про кого он сказал: «я по ней скучаю». Вы себе не представляете, что со мной было, когда я это услышал! Это первая за двадцать лет жизни, по — настоящему осознанная им эмоция! И поэтому, даже если Вы надумаете уйти, я Вас уже не отпущу. Я сделаю всё, чтобы Вы остались. Я заплачу Вам столько, что хватит не только Вашим детям, но Вашим внукам и правнукам. А если Вы совершите чудо и разбудите спящие в нём

эмоции, перехитрите машину в его голове, я ради Вас жизни не пожалею!

Майк казался совершенно спокойным, лишь ходуном ходящие желваки, да покрасневшие скулы, выдавали то, что сейчас творилось в его душе.

Я помолчала, переваривая услышанное. В моей душе клокотала ярость вперемешку с острым чувством жалости к Шерли. Бедный парень! Да разве ж можно безнаказанно сотворить такое с живым человеком?! Ужасная, просто зубодробительная правда о Шерли никак не хотела укладываться у меня в голове.

— Вы чудовище, Майк, Вы знаете об этом? Вы превратили своего единственного сына в ходячий компьютер! Вы заперли его в доме не для того, чтобы оградить от него общество. А потому что Вам так удобней. Следить за ним. Что, до сих пор ставите на нём опыты? Как он поведёт себя? Неужели Вам его не жалко? Он же Ваш сын! Может не стоило спасать его? Может на небесах он бы смог стать счастливым!

— Не говорите ерунды! Никаких «небес» нет и быть не может. Есть только небытие! Я очень любил жену. Шерли — последнее, что от неё осталось, и я просто не мог его потерять, когда был шанс его спасти.

— Почему у него такое странное имя?

— Мою жену звали Шерон. Она хотела назвать сына Джулиан. Я собрал вместе два имени. Получилось Шерлиан. Шерлиан Уильям Стивенс — Эймс — он помолчал, а потом спросил, — Вы ему поможете, Анита? Я заплачу…

— Засуньте деньги себе в задницу, Майк! — перебила я его, — я останусь с ним ради него самого. И только посмейте ещё хоть раз назвать Шерли машиной! Он человек! И я вам это докажу. А сейчас отвезите меня к нему.

Я встала и направилась к двери.

— Спасибо, — донеслось до меня!

— Бессердечная скотина! — пробормотала я себе под нос и вышла.

Глава 6

Я застала Шерли там же где оставила. Он был горячим как печка и его трясло так, что аж подкидывало на диване. Градусник, засунутый ему подмышку, показал почти 40 градусов.

— Я не понимаю, что происходит, — жалобно проскулил он, стуча зубами, — у меня ещё никогда не было такого отката.

Я запаниковала и уже собралась метнуться к знакомому кусту, чтобы вызвать Майка, но он вцепился мне в руку:

— Не надо. Не уходи.

— Тебе нужна помощь, Шерли.

— Нет. Помоги мне добраться до комнаты.

Он почти повис на мне, и мы с трудом, шатаясь как пьяные, доползли до его комнаты.

— Я сгрузила его на кровать, накрыв двумя одеялами, а потом еще своё принесла.

— Лежи, я сейчас найду что–нибудь жаропонижающее.

Спустившись в кухню и достав аптечку, я замерла в нерешительности — что ни говори, а Шерли не обычный человек и хрен его знает, как отреагирует чёртова система в его голове на банальный аспирин. Вдруг ему станет хуже или он вообще умрёт? Я в панике оглянулась на дверь в прихожей, за которой скрывался спасительный куст, может всё же стоит сообщить Майку, но вспомнила своё обещание.

Тяжко вздохнув, я достала миску, развела в ней воду с уксусом, нашла мягкую тряпочку и вернулась к Шерли. Он лежал свернувшись клубком и накрывшись одеялом так, что торчал только кудрявый вихор на макушке.

— Шерли, — позвала я, приблизившись к кровати.

Он высунул голову, его обычно бледные щёки сейчас горели нездоровым лихорадочным румянцем.

— Нужно сбить температуру. Ты весь горишь. — Я поставила на прикроватную тумбочку миску. — Здесь слабый раствор уксуса. Ты позволишь обтереть себя? Я просто не знаю, можно ли тебе таблетки.

Шерли неуверенно кивнул.

Я осторожно подошла поближе и намочив салфетку, аккуратно приложила мягкую ткань к высокому лбу. Шерли лежал не двигаясь, прикрыв глаза и не делая никаких попыток броситься на меня. Осмелев, я обтёрла его лицо и нерешительно взялась за край одеяла. Но он убрал мою руку и сам отбросил его в сторону, чтобы следом задрать до подбородка футболку. Проделав всё это он снова покорно вытянулся на кровати.

Стараясь не делать резких движений, я обтёрла его торс, руки и снова укрыла одеялом.

— Лучше?

Он что–то неопределённо промычал и затих. Я села в кресло напротив кровати.

— Теперь постарайся заснуть. Я буду рядом, если что.

Не знаю, сколько времени я так просидела, потому что тоже задремала, убедившись, что Шерли уснул.

Разбудило меня его бормотание.

— Холодно.

Я открыла глаза. Он снова свернулся в компактный клубок и лежал, прижимая ладони к вискам.

— Голова. Болит.

— Может Майка позвать?

— Нет. — Его плечи дернулись вызвав тихий стон, — сделай что–нибудь.

Это прозвучало так по–детски, словно он отчаянно ждал, что я найду другой выход.

Потерев переносицу, я вздохнула перебирая в мыслях возможные варианты:

— Может быть горячий душ?

Шерли закрыл глаза, и его губы искривились в болезненной гримасе.

— Не получится. Я почти не чувствую ног, а тебе меня не дотащить.

Блин! Я уже сто раз пожалела, что не вызвала Майка. Он бы обязательно что–нибудь придумал. А что могу сделать я? У нас не было даже грелки, чтобы согреть его! Все, что я могла предложить, была я сама.

Я судорожно сглотнула, обдумывая эту идею.

Вопрос был очень серьёзным. Учитывая, что я узнала о Шерли, на кону стояла ни много ни мало — моя жизнь. Если система Шерли посчитает меня опасностью, он свернёт мне шею не взирая на собственную болезнь.

Шерли опять затрясло, и я решилась. Разделась до футболки и трусиков и под его немигающим взглядом, скользнула под одеяло, пытаясь действовать так, словно это было обычным делом.

— Тепловое излучение тела, — объяснила я. — Это лучшее, что я могу предложить. Возможно, от меня исходит не так много тепла, но, если нам повезет, это должно помочь.

Я смотрела, как Шерли поворачивается ко мне: движения были медленными и осторожными, взгляд прищуренных глаз мутным, спутанные кудри стояли дыбом, но выглядел он вполне

невинно и безопасно.

— Так нормально? — спросила я, глядя, как он подвигается ко мне, ни в коем случае нигде не прикасаясь, но стремясь оказаться так близко к теплу, как только мог.

Тихий выдох был единственным ответом: Шерли закрыл глаза, мышцы его расслабились, я чувствовала, как уходит, вытекает из его тела напряжение. Ресницы темными полукружьями легли над выступами острых скул, и болезненная складка между бровями разгладилась.

Не знаю, откуда у меня взялось столько самообладания, но я не дернулась, не шевельнула и мускулом, когда его рука обвила мою талию, и почти не дышала, когда он завозился на подушке, прижимаясь к моему виску. Дыхание его стало спокойным и глубоким, и только тогда я, наконец, отважилась на него взглянуть. Шерли спал.

Его лицо сейчас было мирным, спокойным, и мне показалось, что в уголках губ притаилась улыбка, хотя я ещё ни разу не видела, как он улыбается. Он даже начал тихо посапывать. Я тяжело вздохнула. Мимолетная мысль о том, чтобы выползти из–под руки Шерли, прокрасться к себе и доспать там, испарилась при одном только взгляде на его умиротворённое лицо. Я не знала точно, как долго лежала глядя на Шерли, наблюдая как острые черты лица разгладил сон. Усталость давила на тело тяжелым грузом, но я упорно не закрывала глаза, наблюдая за Шерли, отмечая каждый вдох. У меня было ощущение, что рядом заснул опасный хищник. Его сонное дыхание, наконец, убаюкало меня и проваливаясь в сон, я молилась только об одном — проснуться.

***

Шерли было тепло и очень спокойно. Он никогда в жизни не чувствовал себя настолько расслабленно. Он открыл глаза, на мгновение у него замерло сердце — он осознал, что лежит у Аниты на плече. Он чувствовал, как её грудь вздымается и опадает в такт дыханию под его рукой, чувствовал, что его обнимает за плечи её рука. Он прислушался к себе. Голова не болела. Это был абсолютно новый жизненный опыт. Никогда он не просыпался рядом с кем–то. Он долго лежал, размышляя, встать или остаться рядом с теплой Анитой.

Решение было принято за него: веки закрылись, и он снова заснул, успев заметить, что на часах было 5:42 утра.

Впервые в жизни, он спокойно проспал всю ночь рядом с

девушкой, и его система не посчитала это опасностью.

***

Первое, что я ощутила — яркий солнечный луч, бьющий прямо в лицо, и отвернулась, прячась от его назойливого света. Телу было… странно. Жарко. Тесно. Я пошевелилась и уловила знакомый запах. Твою мать! На мне развалился Шерли, длинные ноги переплетены с моими, темноволосая голова на моём плече, и, чёрт! Я сама обнимала его, прижимая к себе. Вот же самоубийца! Я прикусила губу, лихорадочно пытаясь сообразить, как выбраться из кровати, пока мне не открутили голову, но мои слабые попытки выползти из–под его руки, были пресечены на корню. Он ещё крепче прижал меня к себе, зарываясь носом в шею. Судя по лицу, которое снова приобрело свой обычный алебастровый оттенок, я поняла, что жар спал. Слава богу!

Я скосила взгляд на будильник. Десять часов утра. Полежав ещё полчасика, я всё же выпуталась из тёплых объятий, подобрала валявшиеся на полу вещи и поспешила покинуть комнату.

Войдя к себе, я залезла в душ, размышляя о вчерашнем дне и прошедшей ночи и о том, что будет после того, как Шерли проснётся.

***

Волновалась я напрасно. Шерли проснулся ближе к обеду и крикнув на бегу, что звонили из полиции умчался на встречу с инспектором. Спасибо, что меня с собой не прихватил. Целый день я была предоставлена самой себе. Сходила на обед в любимый ресторанчик, прогулялась по магазинам, а вернувшись домой зависла в интернете. Такого спокойного дня у меня не было уже давно.

Шерли вернулся к ужину. От еды отказался, попросив только чая.

Пожав плечами, я поставила перед ним кружку, наложила себе в тарелку порцию побольше, порезала стейк и повернула её так, чтобы мясо было ближе к нему. Таскать кусочки с моей тарелки, было любимым занятием Шерли, и я знала об этом. За ужином, мы ни словом не обмолвились о прошедшей ночи. Поужинав, я вымыла посуду и снова уткнулась в компьютер, а Шерли, переодевшись в домашнее, возился в кухне с очередным

экспериментом. Слава Богу, не очень мерзким. Я просидела на форуме до тех пор, пока не начали закрываться глаза, закрыла ноут и пожелав ему спокойной ночи, направилась к себе.

— Анита… — тихо окликнул он. — Ты не смогла бы снова переночевать со мной?

Я замерла, затаив дыхание, потом развернулась и уставилась на него. Он сидел, согнувшись над столом, с преувеличенным вниманием разглядывая содержимое колбы. Я подошла ближе и остановилась напротив него:

— Что, прости?

Шерли покрутил в руках колбу, наполовину заполненную какой–то гадостью.

— Я… ну… мне было так тепло, спокойно… и я подумал, — он кашлянул, — может, ты сможешь снова поспать рядом? — последние слова он пробормотал совсем тихо, и залился краской от шеи до ушей.

Как ребёнок, ей богу! Я улыбнулась и встретилась с ним взглядом.

Шерли просил меня о помощи. Он верил мне, я была первой, кому он выказывал своё доверие и была уверена, что он не причинит мне никакого вреда. Я прочитала это в его глазах.

— Хорошо. Только за подушкой схожу.

***

Шерли не смог сдержать радостной дрожи в руках, когда Анита ответила согласием. Он встал со стула и перепрыгивая через две ступеньки понёсся к себе в комнату. Мысль о том, что ночью он будет не один, что ему снова будет тепло, привела его в состояние лёгкой эйфории. Он так устал от одиночества. Войдя в комнату, он остановился и прислушался к себе. Система молчала и работала в обычном режиме.

«Пожалуйста! — шепнул он, — всё будет хорошо».

Он сходил в ванную, умылся, почистил зубы и переоделся в пижаму. Потом вернулся в кровать. Сегодня Анита снова будет рядом.

Система молчала.

Шерли улыбнулся.

***

Я переоделась в закрытую пижаму, прихватила любимую

подушку и пошла к Шерли. Войдя в комнату, я застыла на пороге, открыв рот от удивления.

Шерли сидел в кровати, подтянув длинные ноги к груди, умытый, причёсанный, в забавной пижаме с машинками. Сидел и улыбался мне яркой, солнечной улыбкой, а в обычно холодных прозрачных глазах сверкали бирюзовые искорки.

«Господи! Шерли. Какая же у тебя улыбка! — улыбаясь ему в ответ, подумала я, — это просто праздник какой–то!»

— Устал? — спросила я, подходя к кровати.

Скользнула под одеяло, взбила подушку, и откинувшись назад, растянулась рядом ним.

— Не очень, — тихо ответил Шерли, укладываясь рядом.

Он повернулся на бок, положил голову на сгиб локтя и уставился на меня.

— Что?

— Расскажи мне что–нибудь, — попросил он, поёрзав.

— Сказку? — хихикнула я.

— Можно и её. Мне никогда не рассказывали сказок.

— Совсем–совсем никогда?

— Совсем–совсем.

— Почему? — слегка поколебавшись, я протянула руку и ласково пробежалась пальцами по темным густым волосам, задерживая руку на затылке. Они были на удивление мягкими, прикасаться к ним было приятно.

— Ну. Я был необычным ребёнком, — Шерли не оттолкнул моей руки, наоборот, легко мотнул головой, подставляясь ласке, — все считали, что мне это не нужно.

— Глупости, — возразила я, продолжая пропускать меж пальцев шелковистые кудри, — любому ребёнку необходимы сказки, — хорошо. Тогда слушай.

Я прикрыла глаза и начала рассказывать ему свою любимую сказку, которую слышала от бабушки. О маленьком мальчике и злой королеве, превратившей его сердце в кусок льда. О храброй девочке, которая преодолела много преград, но нашла своего друга, о добрых людях, помогавших ей…, я рассказывала, уютно устроившись под одеялом, ощущая тепло, исходившее от Шерли и чувствовала, как тонкие лодыжки прикасаются к моим ступням. А потом он аккуратно выпростал руку, укрывая меня до самого подбородка, и его рука так и осталась лежать поверх одеяла. Я сбилась и посмотрела на него. Он задержал дыхание, встретившись со мной взглядом:

— Не бойся, — выдохнул он, и от его низкого голоса по спине пробежала дрожь, — я тебя не обижу.

— Я не боюсь. Закрывай глаза, Шерли.

Он послушно зажмурился, и я продолжила.

Я говорила и говорила, пока не начали слипаться глаза, пока Шерли не заснул, снова прижавшись ко мне. А затем его рука обняла мои плечи, а голова уютно устроилась на груди, и я заснула, уткнувшись носом в волосы своего невозможного соседа.

***

Это было самое безоблачное утро, с момента моего знакомства с Шерли. Он не капризничал как обычно бывало, безропотно съел овсянку и даже вызвался сам помыть посуду, на что я отреагировала с большим энтузиазмом. Надо отдать ему должное, вопреки моим опасениям, что он перебьёт все чашки, Шерли обращался м ними очень аккуратно, и я, водрузив последнюю вымытую посудину на место, от избытка чувств чмокнула его в щёку. Шерли ничего не сказал, лишь удивлённо посмотрел на меня, прижав к щеке ладонь. Уже выходя в гостиную, я краем глаза успела заметить, как он улыбается. Почти так же, как и вчера вечером и если бы не озадаченное выражение лица и складочка между бровями, я бы даже сказала, что он доволен.

Нашу идиллию нарушил Стив, ворвавшись в гостиную, невзирая на протестующие вопли Арвена.

В руках у него был конверт.

— Это пришло сегодня на твоё имя, — забыв поздороваться, Томсон протянул Шерли конверт.

Тот взял его, зачем–то обнюхал со всех сторон и не задумываясь вскрыл.

В конверте обнаружился телефон ядовито–желтого цвета. Терпеть ненавижу такие вот кислотные цвета! И кто их только выдумал?! От них у меня начинает болеть голова и начинается изжога. У Шерли же, похоже проблем с цветобоязнью не было, ибо достав телефон и повертев его в руках, он лишь неопределенно хмыкнул:

— Джилл.

О, если бы я тогда знала, кто такая Джилл и к чему приведут игры Шерли с этой дамочкой, я, наплевав на личную неприязнь, обязательно настучала бы Майку. Но к с сожалению, о роли этой сучки во всей этой истории, я узнала слишком поздно.

Едва Шерли успел включить телефон, как тут же раздался звонок.

Какая–то девчонка, всхлипывая и заикаясь, по включенной громкой связи рассказала нам, что её заперли в машине, обвесив

взрывчаткой. Никаких внятных требований не выдвигалось, кроме разве что решения одной головоломки. На решение адской задачки было отпущено полсуток. В противном случае, машина вместе с заложницей взлетит на воздух. Если же хоть кто–то попытается приблизиться к автомобилю в попытке вытащить несчастную, большой трах–бабах случится раньше.

Когда заложница отключилась, мы затаив дыхание уставились на Шерли.

Конечно же все мы прекрасно знали, что только он может разгадать этот ребус. Лично меня всегда поражала его способность с легкостью распутывать практически стопроцентные «висяки». И он в полной мере оправдал наши надежды.

Едва мы оказались в непосредственной близости от заминированной машины, он, собрав всю необходимую информацию, бесцеремонно умыкнув парочку улик из–под носа криминальных экспертов, скороговоркой надиктовал Томсону предварительные выводы. Затем тут же сорвался с места и унесся прочь, таща меня за собой и удовлетворённо урча.

Учитывая, кем был его папочка, а также полное отсутствие тщеславия — деньги и восхищение его блестящим умом, Шерли не интересовали. Бушующий в крови адреналин, вот что по словам самого Шерли, заставляло его сотрудничать с полицией, компенсируя необходимость общения с недалекими служителями Фемиды, и откровенное презрение свидетелей и подозреваемых, с которыми он сталкивался по мере расследования. Все, чтобы только его вечно работающий мозг мог насладиться эффектными загадками.

И начался марафон.

Сначала Шерли за десять часов раскрыл дело о маньяке педофиле и девушку позволили освободить.

Ещё двенадцать, ушло на раскрытие мошенничества в особо крупных размерах, в котором был замешан главный тренер известного футбольного клуба. Похищенного мальчика, фото которого прислали, сразу же, едва освободили девушку, вернули родителям.

Потом известный автогонщик, погибший не на трассе в гоночном болиде, а на обыкновенном автобане.

Шерли не спал, не ел, держась только на кофе, который мы со Стивом ему периодически подсовывали. Не выпускал из рук телефон, часами торчал в судебном морге или криминалистической лаборатории, вглядываясь в окуляр микроскопа. Листал бесконечные сайты в интернете, молчал, глядя перед собой невидящим взглядом, а потом вскакивал и мчался в только ему известном направлении. Мы с инспектором

неслись следом.

Только он, умел связывать бессмысленное и малозначительное крепкой стальной паутиной причинно–следственных нитей, невидимых остальным.

Он выглядел таким вымотанным, что у меня уже не один раз появлялась крамольная мысль позвонить Майку и выдернуть его из этого сумасшествия.

Наконец, безумная гонка закончилась и мы вернулись домой.

Не знаю, как Шерли, но меня хватило лишь на то, чтобы почти наощупь принять душ и рухнуть в постель.

Сначала я подумала, что лёгкое прикосновение к плечу мне просто приснилось. Приоткрыв один глаз, я обнаружила Шерли. Босой, в прикольной пижаме, он робко стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Можно к тебе? — просительно сказал он, прижимая к груди подушку.

Возражать и бояться у меня просто не было сил и я, приглашающе распахнула одеяло:

— Забирайся.

Шерли тут же оказался на кровати, как спрут опутывая меня своими длинными конечностями, и почти мгновенно засыпая.

— Сладких снов, чудо моё неугомонное, — пожелала я ему, погладив по непослушным кудряшкам и вслед за ним провалилась в объятия Морфея.

****

Дни летели за днями, недели превратились в месяцы и скоро Шерли уже не нужно было просить — я засыпала с ним рядом каждую ночь.

По определённым причинам, некоторое время нам всё же пришлось провести отдельно. Шерли не спал вообще. Ходил злой и подавленный, изводил меня нытьём и капризами, вкупе с истошными звуками плохо настроенной скрипки, на которой он периодически отвратительно играл. Дошло до того, что в прошлом месяце, мне пришлось банально сбежать к родителям, чтобы нормально выспаться. Но в остальное время, между нами царило полное взаимопонимание, абсолютно лишенное какого–то сексуального подтекста. Нам просто было хорошо вместе. Было здорово осознавать, что после сумасшедшего дня, с безумными погонями, лазаньем по крышам и чердакам, торчанием в морге или на месте очередного убийства, дома нас ожидала уютная кровать. Одна на двоих. И за всё это время, система Шерли ни

разу не потребовала перезагрузки.

Глава 7

Где–то через полгода нашего совместного проживания с Шерли, я поняла, что и для меня пришло время познакомиться с коварной особой по имени Любовь. Нет, я конечно и раньше влюблялась. Но то была именно влюблённость не более того. Потому что парень, казавшийся мне на тот момент идеалом, почему–то начинал обрастать кучей недостатков. Самый длительный мой роман растянулся почти на год и к моменту расставания мы уже практически ненавидели друг друга. Хотя начиналось всё очень романтично! Цветы- конфеты, любовь–морковь и всё такое. Но потом начались ссоры, ревность на пустом месте, скандалы и недопонимания…даже вспоминать неохота. В общем, когда наши отношения подошли к концу, мы оба вздохнули с облегчением. Слава богу, у нас хватило ума и такта расстаться, если не друзьями, то хотя бы хорошими знакомыми. Потом я ещё пару раз влюблялась, но всё заканчивалось примерно так же.

Сейчас же всё было иначе. Шерли был редкостным засранцем: взбалмошным, капризным как избалованный донельзя ребёнок, иногда мне от души хотелось врезать ему за его идиотские выходки, но… он был таким родным, близким и любимым до невозможности. Осознание факта, что я люблю это гениальное чудовище, едва не вогнало меня в состояние депрессии. Ведь по словам Майка, о взаимности со стороны Шерли нечего было и мечтать, но поразмыслив немного, я пришла к выводу что рано опускать руки. В конце концов, я же обещала всё тому же Майку доказать, что его сын способен на чувства, так чем чёрт не шутит? Вдруг у меня получится? Не попробуешь не узнаешь, так ведь? И я решила попробовать. Разбудить Шерли, научить его любить так, чтобы его долбаная система разлетелась вдребезги! Правда, я пока не знала, с чего начать и просто фантазировала.

Особенно меня накрывало по утрам. Я просыпалась от его тихого сопения, видела, как он доверчиво прижимается ко мне, по- детски чмокая губами, и на меня накатывала волна такой невероятной нежности к этому невозможному созданию, что хотелось плакать. Я тихонько гладила его спутанные волосы, (чёрт! любая женщина многое бы отдала за такую роскошь на голове), невесомо проводила пальцем по припухшим губам, просто созданным для того чтобы их целовали, почти неслышно прикасалась к длинным пальцам с идеальными ногтями и мечтала о том, что когда–нибудь… Эх ё-моё, о чём я только не мечтала! Иногда мои фантазии заводили меня так далеко, что я,

стараясь не разбудить его, тихонько сползала с постели и неслась в душ. Включала холодную воду и стояла там до тех пор, пока не начинала стучать зубами от холода. Зато возбуждение спадало на раз и я, шла готовить завтрак. Чтобы, когда проснувшийся, бодрый свеженький как огурчик и ничего не подозревающий о моих страданиях Шерли появлялся на кухне, побаловать его чем–нибудь вкусненьким. Удавалось это не всегда, ибо он обычно ограничивался только большим бокалом кофе и мне приходилось чуть ли не польку–бабочку танцевать перед ним, чтобы заставить его съесть хоть кусочек. Зато Арвен уплетал мои кулинарные шедевры за обе щёки, а когда начинал на все лады расхваливать меня, мол, ему бы такую хозяйку в дом, в глазах Шерли загорались недобрые искорки, и он начинал буквально плеваться ядом в своего верного телохранителя. Который, как я уже не однажды убеждалась, готов был жизнь за него отдать и относился к нему если не как к сыну, то как к младшему брату точно. Но Арвен никогда на него не обижался и даже иногда специально провоцировал, чтобы вызвать у Шерли хоть какую–то эмоцию. Закрываться и уходить в себя, нашему подопечному было категорически нельзя.

***

Сегодня за завтраком Шерли объявил, что вечером мы идём в театр. Слушать оперу. Зачем ему это было нужно, я понятия не имела, но раз он того желает, почему бы и нет. Музыка, особенно классическая действовала на него благотворно, и он часами мог слушать её. Для меня же классика была получше любого снотворного, и я обычно мирно засыпала, свернувшись калачиком на диване. В оперном театре я была лишь однажды в далёкой юности, когда бабуля, решившая приобщить меня к высокому искусству едва ли насильно меня туда притащила. Весь первый акт, я честно таращилась на сцену и недоумённо хлопая глазами, пыталась представить вместо пятидесятилетней тётки необъятных размеров, двадцатилетнюю девушку, коей по замыслу автора должна быть главная героиня. Фантазии не хватило, и я начала клевать носом, если бы не бдительность бабули, точно бы врезалась в спину впередисидящей тётеньки. Короче, наш вояж в оперу закончился тем, что бабушка потом дулась на меня почти неделю, даже мой подхалимаж в виде её любимых пироженок не помог.

Решив, что поход в театр довольно ответственное мероприятие и без нового прикида мне никак, я помчалась в

банк, чтобы снять денег и навестить небольшой магазинчик недалеко от центра, где за приемлемую цену продавались весьма недурные вещи. Когда я ещё только начала соседствовать с Шерли, мистер Эймс выдал мне пластиковую кредитку и велел мне не стесняться в расходах. Я и не стеснялась, ибо почти все мои покупки так или иначе касались его сына. Но тратить чужие деньги на себя, мне не позволяли гордость и воспитание. В банке, у меня глаза на лоб полезли и ненадолго отнялся язык, когда я увидела состояние своего счёта. Нет, я всё понимаю, проценты там и все дела, но не до такой же степени! Откуда на моём счету взялась такая охренительная сумма, даже гадать не нужно. Майк, что б его, кто ж ещё! Тем не менее, я обрадовалась и решила воспользоваться моментом и в кои–то веки прикупить себе что–нибудь стоящее. Сняв внушительную сумму, я поехала в центр. Навестив несколько бутиков и едва не заработав сердечный приступ от ценников, я всё же зашла ещё в один и зависла там возле шикарного брючного костюма. Из тонкой шерсти сливочного цвета с лёгким медовым оттенком и неуловимым шелковистым блеском, это был не костюм — мечта! Но цена просто запредельная! Из ступора меня вывел мелодичный женский голос. Я обернулась и обнаружила за своей спиной ослепительную блондинку. Сначала я подумала, что это продавец, но заметив в руках девушки пакет с магазинным логотипом и платье, простота и нарочитая скромность которого буквально кричали о его баснословной стоимости, поняла, что она тоже покупательница.

— О, милочка, — обворожительно улыбнулась красавица, — Вы просто обязаны примерить это. Костюм словно на Вас шили. Вам он очень пойдёт, поверьте мне. Такой бриллиант как Вы, просто обязан иметь достойную оправу.

— Вы полагаете?

— Я в этом уверена! — она сняла с вешалки приглянувшуюся мне вещицу и решительно взяла меня за руку:

— Пойдёмте, я Вам покажу где примерочные.

За примеркой, мы познакомились. Девушку звали Венди, и она так расхваливала костюм и меня в нём, что я не выдержала и купила его. К костюму она помогла подобрать мне туфли в тон, а так же бельё и симпатичный клатч. В конце концов, один раз живём, чего мелочиться–то. Прямиком из бутика, Венди потащила меня в крошечное кафе, где как она сказала подавали шикарный латте. Я его не очень люблю, но отказаться было неудобно. За кофе, моя новая знакомая трещала без умолку, и я сама не зная зачем, рассказала ей о том, что сегодня иду в оперу, слегка приврав что Шерли мой парень. Потом, она проводила

меня до такси и назвав водителю адрес, вручила мне визитку своего стилиста, после визита к которому, мой кавалер по её словам «ахнет» и «рухнет». Зная Шерли, в это верилось с большим трудом, но попытаться стоило.

Новая знакомая мне бы даже понравилась, если бы не одно «но». На протяжении всего нашего общения, она смеялась, болтала, шутила, всячески строила из себя тупую Барби, но взгляд её небесно–голубых глаз всё это время был холодным как арктический лёд и очень злым. Про людей с таким взглядом моя покойная бабушка по отцу, в городке, где она проживала слывшая колдуньей, говорила, что у них чёрная душа и каменное сердце. В детстве я постоянно чем–нибудь болела. Бабушка считала, что в основном из–за «порчи» и когда мне исполнилось десять лет, она научила меня защите. Всё очень просто — представляешь зеркало во весь рост, мысленно выставляешь его перед собой как щит и всё! Все недобрые взгляды, проклятия и прочая гадость, отскакивают от тебя как мячики от стены, возвращаясь бумерангом к тому, кто эту напасть тебе послал. Гарантия стопроцентная. Отвечаю. Проверено на себе и не один раз. Так что взгляды Венди мне были до лампочки, но дальнейшее общение с ней меня не слишком грело, поэтому я с лёгким сердцем дала ей фальшивый номер мобильника, а её визитку выбросила по дороге.

Со всеми этими хлопотами домой я примчалась за полчаса до времени «икс». Шерли в гостиной не было и мне удалось благополучно пробраться в свою комнату. «Рухнет» и «ахнет» это естественно не про него, но устроить ему сюрприз мне очень хотелось.

Я вертелась перед огромным в пол зеркалом рассматривая себя со всех сторон. Безусловно, костюм мне очень шёл и сидел безупречно, но я ещё никогда не носила такой дорогой одежды. Мой новый образ смотрелся на миллион фунтов… жаль, что он не добавлял мне уверенности на ту же сумму. Шикарный прикид, что уж тут скажешь, но эта роскошь лишний раз показывала глубину социальной пропасти между мной и Шерли.

В которую я, будучи в здравом уме, ни за что бы не полезла. Но ведь недаром говорят, что все влюблённые немного чокнутые.

Тихо открылась дверь за моей спиной, и в зеркальном отражении возникла такая картинка, что я моментально почувствовала себя гадким утёнком.

Вошедший Шерли, склонив голову, застегивал запонку на левом манжете рубашки.

Россыпь бриллиантовых искр разметалась по ткани цвета насыщенного кобальта, словно разноцветный снег. Почувствовав

мой взгляд, он поднял глаза, вопросительно вскинув бровь. От легкой улыбки на его щеках проступили ямочки, а ложбинка над верхней губой обрела графическую завершенность. От спутанной копны волос не осталось и следа. Ее сменила выверено–небрежная волнистость уложенных волосок к волоску прядок, умелой рукой зачесанных к затылку. Чётко очерченные скулы придавали его лицу запредельно аристократический вид.

Темная синева костюма эхом отразилась в омуте светлых глаз, заполнив радужки предгрозовыми тенями. Черная рубашка, при движении отливавшая лунным серебром в каждой мимолетной складке, подчеркнулась стальным галстуком с единственной кроваво–красной полоской тоньше волоса…

Стройный, высокий — идеальный экземпляр высочайшей породы. Он не был красив. Он был смертельно прекрасен! Невозможно сексуальный, невероятный, недостижимый и … почти бесчувственный. Инопланетянин.

— Анита? — он почти навис надо мной. — Что–то не так? Ты дышишь вообще? Что ты застыла как идол с острова Пасхи?

— Да, конечно… — я очнулась от наваждения, почти насильно заставив себя дышать, говорить и вообще двигаться… — Если ты готов…

— Я — то готов. — Он оглядел меня с головы до ног и хоть комплимента от него я так и не дождалась, было видно, что мой внешний вид ему понравился. — Пошли уже — он предложил мне руку и мы вышли из дома на гравийную дорожку.

Вообще–то я ожидала увидеть наш обычный угловато–угрюмый «Мерседес» с Арвеном на водительском сиденье, хотя и сильно сомневалась, что это средство передвижения будет уместно на таком достаточно светском мероприятии. Но, блин!

Если Шерли решил устроить мне сюрприз, ему следовало быть осторожнее в своих затеях. Потому что этим вечером у меня и так было достаточно поводов для полноценного сердечного приступа.

На площадке, в самом конце похрустывающего под ногами гравия, лаково сиял черными, сыто лоснящимися боками «Кёнигсегг ССХ». Хищный, опасный, прочно упирающийся в грунт низкопрофильными шинами, словно дикий зверь, припавший брюхом к земле за миг до броска. Прямо Шерли в металле и хроме… У машины даже фары в своем хрустально–прозрачном великолепии, хранили поразительное сходство с его глазами.

Совершенство стоимостью в два с половиной миллиона фунтов. Это был полный… шах и мат!

— Что это? — с трудом проглотив застрявший в горле комок, хрипло спросила я.

— Это? Вообще–то это был подарок, — Шерли улыбнулся и сунул руку в карман брюк, так смяв полу безупречного пиджака, что мой неслучившийся инфаркт получил второй шанс. — На мое совершеннолетие… Отец думал, я на это куплюсь, — презрительно фыркнув, он извлек из кармана ключи на брелоке и лёгким движением ладони расправил складку. — Хочешь за руль?

— Издеваешься да? Я не сяду за руль машины, стоимость которой мне даже выговорить страшно. А ты сам–то водить умеешь?

Он снова фыркнул, преувеличенно–галантно обогнул меня, распахнул передо мной дверь и вытянулся струной, заложив руку за спину.

— Сомнения?

— Зараза! — Вздохнула я, неэлегантно плюхаясь на пассажирское сиденье.

Восемьсот лошадей несли наш болид по пылающим неоновыми огнями улицам, две турбины под гладким капотом толкали ее послушное, обтекаемое тело сквозь рвущееся навстречу пространство, рассекая слепящим лучом фар само время.

Кожаный салон баюкал меня в своих ласковых объятиях, скорость вжимала затылок в мягкий подголовник, уши заполняла тихая музыка, теплый полумрак окутывал волшебным одеялом. Что–то безостановочно мелькало за тонированными стеклами, низкий утробный гул волной передавался телу, призывая расслабиться, но у меня плохо получалось.

Потому что в нескольких дюймах от меня, Шерли вел машину одним легким касанием тонких пальцев к обтянутому дорогой кожей спортивному рулю. И это выглядело очень сексуально. Словно кончики этих самых пальцев скользили по моей коже, касаясь груди… живота… бедер… И мне казалось, что это я сейчас летела, вгрызаясь широкими шинами в асфальтовое покрытие дороги, за три секунды разогнавшись до ста миль в час и скользя в плотном стальном потоке, словно хоккейная шайба по льду. Легко и невесомо. Наслаждаясь каждым движением управляющей мной руки…

Низ живота очень некстати полыхнул огнем, закручивая болезненно–сладкую спираль.

— Анита? — голос Шерли выдернул меня из фантастически–эротических фантазий. Весьма кстати, иначе неизвестно до чего бы я дофантазировалась — Тебя что, укачало?

— А? — Я моргнула, возвращаясь в реальность.

Шерли усмехнулся одним уголком рта.

— Мы уже приехали. Можешь начинать дышать…

Скорость упала также незаметно, как и появилась. Угрюмое рычание двигателя сначала стихло, а потом и исчезло совсем. Тихий шорох покрышек завершил их полет. Короткая инерция позволила остановиться точно напротив входа, и восхитительный рукотворный зверь замер в покорной красоте.

Бросив на Шерли короткий взгляд я глубоко вдохнула и решительно толкнула дверь. Он неслышно возник рядом, тронув за локоть, и я не успела заметить, как исчез за моей спиной автомобиль.

Мой нынешний визит в оперу сильно отличался от того, когда я посещала её с бабушкой. Тогда был главный вход и многочисленная толпа, кричащая пышность убранства холла, блеск драгоценностей разодетой в пух и прах элиты.

Сейчас же был вход для актёров и персонала, синяя ковровая дорожка, приветливая улыбка привратника, придерживающего для нас открытую дверь. Высокий, одетый во фрак мужчина средних лет проводил нас до закрытой ложи у дверей которой истуканами замерли два дюжих охранника.

Соприкасаясь пальцами рук, мы молча вошли внутрь, и я оказалась в царстве сдержанной роскоши, утонченной классики и незыблемых традиций. Пока Шерли наслаждался оперой, я развлекалась тем, что из глубины ложи разглядывала в театральный бинокль местных знаменитостей всех мастей — начиная от видных политиков и заканчивая популярными актёрами. В антракте нам принесли лёгкое вино, корзинку с фруктами и крошечные пирожные, и я искренне недоумевала, на кой фиг мы с Шерли так вырядились, если покидать ложу нам никто не позволил. Второй акт я благополучно проспала, использовав вместо подушки плечо Шерли, о чём узнала только когда он разбудил меня. Спектакль закончился, и мы покинули театр. На обратном пути я успела заметить неотступно следующий за нами чёрный автомобиль с охраной.

Глава 8

— Ты разочарована, — резюмировал Шерли, едва мы переступили порог дома.

Он прошёл в гостиную, скинул пиджак, небрежно бросив его на журнальный столик, ослабил узел галстука и забравшись с ногами, уселся на спинку кресла.

— Шерли! Разуйся сейчас же! Что ещё за детские выходки. Почему ты решил, что я разочарована?

— Не решил. Увидел. Весь первый акт, ты была где угодно, но только не на сцене. А второй — бессовестно продрыхла на моём плече. Кстати, колье на шее супруги вице–премьера, которое ты с таким интересом рассматривала, обычная фальшивка. После прошлогоднего ограбления, он никогда бы не позволил жене нацепить на себя оригинал.

— А ты откуда знаешь про колье и про то, куда я смотрела? Ты–то как раз был полностью поглощён спектаклем.

— Я расследовал это дело. Поэтому в курсе. И достаточно наблюдателен, чтобы заметить куда ты смотришь.

— Ну раз ты у нас такой наблюдательный, мог бы и догадаться, что я не люблю оперу. У тебя шикарная машина, мы могли бы просто покататься на ней. Съездить к морю, например. Обожаю скорость и морской пейзаж. На кой чёрт, спрашивается, нужно было тащиться в театр, чтобы два часа просидеть в закрытом пенале, откуда нас даже в антракте не выпустили? Нет интерьер и обслуга впечатляют, конечно…

— Это было романтическое свидание, — перебил меня Шерли на полуслове, — наше с тобой, — добавил он, пока я безуспешно пыталась вернуть на место отвалившуюся челюсть.

Я подавилась воздухом, пытаясь осмыслить то, что он только что ляпнул.

— Я прочитал в интернете, что подруг принято приглашать на свидания, — не обращая внимания на мои потуги, продолжил он, — опера достаточно романтическое место на мой взгляд. Мне там нравится, значит и тебе тоже должно было понравиться. Ты ведь моя подруга. Единственная! — заключил он и почти обиженно уставился на меня.

Детский сад, ей богу!

— Кхм, вообще–то у подруг принято спрашивать, куда бы они хотели пойти, — прокашлявшись возразила я, — а не руководствоваться только лишь собственными предпочтениями. Но всё равно, спасибо, Шерли! Я польщена, честно! У меня ещё никогда не было такого романтического свидания. Всё это… — я

неопределённо помахала в воздухе рукой, — сногсшибательный спутник, роскошная тачка. Чёрт с ней с оперой, всё остальное было просто зашибись!

— Ты правда так думаешь?

— Я тебя когда–нибудь обманывала?

— Нет.

— Ну вот. Зачем мне сейчас тебе врать? Поездка с тобой мне действительно очень понравилась. В какой–то момент, мне даже показалось, что мы с тобой одни на всём белом свете. Ты и я. Несёмся в болиде по трассе, а перед нами бесконечность. Если бы не машина охраны, всё бы почти так и было.

— Это была не охрана.

— А кто?

— Никто. Я сам разберусь. Лучше скажи, ты действительно считаешь меня красивым?

— Шерли! Что за глупые вопросы на ночь глядя? Конечно! Ты потрясающий! Все мои подруги сдохли бы от зависти, если бы увидели тебя хоть один раз. Всё. Давай закончим с дискуссией. Поздно уже. Я спать хочу.

— А я нет, — Шерли едва заметно улыбнулся на комплимент, — свари мне кофе.

— Ты обалдел? Какой кофе! Ночь на дворе. Давай лучше ты сходишь в душ, а я принесу тебе кефир. Ну, или чай на крайний случай. Ты его выпьешь и …

— Нет. Свари кофе. Пожалуйста! Я хочу ещё посидеть. А ты иди ложись.

— Ладно, — вздохнула я, понимая, что спорить бесполезно, — только обещай мне, что не будешь торчать здесь до утра.

— Хорошо.

Я поставила перед ним чашку ароматного кофе, убрала со стола пиджак, аккуратно повесив его на спинку стула и пошла собираться ко сну, отметив, что Шерли так и сидит, угнездившись на спинке кресла, не шевелясь и уставившись в одну точку.

«…В интернете он нашёл, — улыбнувшись подумала я, уже практически засыпая, — романтическое свидание… вот чудик… интересно по каким таким сайтам он ползает вообще… горе моё луковое…»

Сквозь сон, я слышала, как Шерли возится, укладываясь у меня под боком, и мне уж точно приснилось, как он шепнув «сегодня ты была особенно красива», легко прикоснулся губами к моей щеке.

…Мне снился сон. Горячий, сладкий как расплавленная патока; его руки на моём теле, губы, дарящие

умопомрачительные поцелуи, я стонала и извивалась под ним, чувствуя в себе…

…Господи Иисусе! Я вынырнула из тягуче–обжигающего, до краёв заполненного эротизмом сна, с гулко бьющимся сердцем и почти болезненными спазмами в низу живота. Вот чёрт! Делить постель с шикарным мужиком, до судорог хотеть его и знать, что это желание практически не осуществимо. Куда там средневековым инквизиторам с их испанскими сапогами! Я слабо пошевелилась, пытаясь выровнять дыхание, успокоиться и хоть немного отодвинуться от него. Минуточку! А это что такое?! Я замерла и покосилась на Шерли. Он тихо сопел, уткнувшись носом мне в макушку, по своему обыкновению сложив на меня все свои конечности, а к моему бедру прижималось что–то очень подозрительно похожее на возбуждённый член. Что?! Если до этого момента, я и пребывала в полусонной прострации то сейчас проснулась окончательно. Поймите меня правильно. У нормальных здоровых мужчин — утренняя эрекция вполне себе обычное и закономерное явление. Но для Шерли, с его полнейшим отсутствием тяги к сексуальным забавам, это было из ряда вон выходящим событием. Прямо–таки локальный апокалипсис в отдельно взятой спальне! Мой недотрога–асексуал упирался мне в бедро нехилым таким стояком!

«Мистер Эймс, — умильно хихикнула я про себя, отодвигаясь ещё на пару сантиметров, — с вас сто грамм и пончик! Что вы там говорили про заблокированные участки? Похоже, они решили срочно разблокироваться и наши совместные ночи сыграли в этом далеко не последнюю роль. Вот теперь только попробуйте сравнить его с машиной! Молодец, Аниточка! — я мысленно погладила себя по голове, — недаром бабуля всегда говорила, что перед моим обаянием никто не устоит».

Я ещё немножко полежала, глупо улыбаясь и мечтая об открывающихся в свете последних событий пикантных перспективах, пока наглый солнечный луч, пробившийся сквозь неплотно задёрнутые шторы не залез мне прямо в глаз, намекая на то что пора вставать.

В самом радужном настроении я тихонько, стараясь не разбудить Шерли, выбралась из–под его руки и направилась в ванную.

После водных процедур и обязательной коротенькой зарядки, я занялась завтраком. Выжала сок. Напекла блинчиков, выложила румяную горку на тарелку и полезла в холодильник за сметаной, когда из комнаты Шерли раздался крик.

Даже не крик — вопль, полный ужаса и боли был таким громким, что я выронила банку и едва не вписавшись лбом в

косяк, вылетела из кухни и помчалась вверх по лестнице. Краем глаза, успев заметить распахнувшуюся входную дверь и перепуганное лицо Арвена.

— Звони мистеру Эймсу, немедленно! — крикнула я на бегу, врываясь в спальню.

Шерли скрючившись лежал на полу, вцепившись руками в волосы. Он глухо стонал, периодически срываясь в крик и мотал головой, будто хотел что–то вытряхнуть из неё.

— Шерли! Что с тобой?! — одним прыжком я оказалась рядом и рухнула на колени, попытавшись обнять его за плечи.

— Не трогай меня! — почти взвизгнул он, уворачиваясь, — уходи! Пожалуйста! — я поймала его почти безумный взгляд и резво отползла в угол.

Шерли повернулся ко мне спиной и почти по–звериному завыл. Его так ломало и корёжило, что моё сердце зашлось от жалости, а из глаз потоком полились слёзы.

— ШерлиШерлиШерли- повторяла я как молитву, захлёбываясь в рыданиях.

В какой–то момент я не выдержала и снова поползла к нему. Но на полдороге меня перехватил Арвен. Сгрёб в охапку и вынес в коридор. Я брыкалась, пиналась, пытаясь вырваться из его мёртвой хватки, но он упорно тащил меня вниз, приговаривая:

— Анита. Успокойтесь. Туда нельзя. Он убьёт вас. Анита. Сейчас прилетит Майк. Он знает, что делать. Вы меня слышите?

Я слышала. Но не понимала, почему мне нельзя к Шерли. Почему, я должна оставить его, когда ему так плохо?!

Наконец входная дверь с треском распахнулась, впуская взъерошенного и сердитого Майка.

— Где он?

— У себя, — тихо ответил Арвен.

— Смотри за девчонкой. Головой за неё отвечаешь, — Майк вихрем промчался вверх по лестнице.

***

Майк готовился к выезду в парламент, когда зазвонил телефон.

— Майк. Ты должен немедленно приехать. Шерли…

Но Майк уже не слушал. По доносившемуся из трубки нечеловеческому вою, он понял, случилось что–то ужасное.

— Инесс! Отмените все встречи. Вертолёт на площадку. Живо!

Десять минут полёта до дома Шерли показались ему

вечностью.

Вбежав в дом, он увидел зарёванную Аниту, бившуюся в руках Арвена и снова услышал крик. Господи!

Влетев в комнату сына, он застыл на пороге, прокручивая в голове ситуацию. Шерли катался по полу, впиваясь ногтями в глаза и выл как раненый зверь. Его пижамные штаны в области гениталий были натянуты как цирковая палатка.

Пресвятая Дева! Только этого не хватало! Судя по всем признакам, в организме Шерли произошёл гормональный взрыв. Человеческая природа, отчаянно пыталась взять верх над искусственным разумом, заполонившим его мозг, безжалостно взламывая заблокированные участки. Система бешено сопротивлялась, пытаясь перезагрузиться, но сексуальное возбуждение мешало ей это сделать, скручивая Шерли в бараний рог. Что сейчас творилось в голове сына, Майк боялся себе даже представить! Причину всего, Майк вычислил моментально, едва бросив взгляд на две лежащие рядом подушки. Шерли неизвестно сколько времени провел рядом с Анитой. С женщиной. Спал с ней в одной постели, совершенно не понимая, к чему всё это может привести.

Чёрт бы побрал Шерли с его маниакальной тщательностью выметать из дома все прослушки! И какого дьявола молчал этот придурок Арвен?! Ведь наверняка знал о том, что тут происходит! Но сейчас об этом некогда было думать, а вот потом он обязательно устроит «разбор полётов» своему старому другу. Сейчас нужно было срочно разбираться с последствиями.

Несколько раз за время совместного проживания Шерли с Анитой, он обследовал сына, с радостью отмечая, что некоторые участки его мозга, заблокированные до этого, стали подавать признаки жизни. Но он даже представить себе не мог, к чему приведёт первая эрекция. Взбунтовавшиеся гормоны — это не шутка и если сейчас же не помочь ему справиться с ними, мозг Шерли не выдержит и попросту взорвётся. И тогда его сын либо умрёт, либо впадёт в бессрочную кому.

За несколько секунд Майк принял решение. Единственное и правильное на данный момент. Он сбросил пиджак, ослабил узел галстука, сел на пол, притягивая Шерли к себе и устраивая между своих раздвинутых ног.

— Сейчас… сейчас, мой мальчик, потерпи ещё чуточку… мы со всем справимся… терпи, малыш…

Бормоча успокаивающие слова он левой рукой намертво зафиксировав бьющегося в судорогах сына, правой аккуратно приспустил его пижамные штаны, стараясь не потревожить вышедшую из–под контроля плоть.

— Шерли, сынок, ты слышишь меня… слушай мой голос… Шерли.

Шерли слабо кивнул, закатывая глаза, и Майк почувствовал, что ещё немного, и он потеряет сознание.

— Шерли, не смей отключаться! Слушай мой голос, — его тон стал почти командным.

Он схватил руку сына и положил её на каменный член.

— Вот так. Давай, сожми его.

Шерли вцепился в себя мёртвой хваткой.

— Э-э… Шерли…, потише… Немного слабее… — Майк без колебаний положил свою ладонь поверх его руки и задал медленное мягкое движение, мысленно прося у Господа прощение за то, что сейчас собирался сделать.

Шерли вздрогнул, его вновь скрутило судорогой, но быстро отпустило, и он откинул голову на плечо Майка.

— Вот так, — шептал Майк. — Расслабься… — он уверенно вел руку Шерли, который затих у него на плече.

От невероятности происходящего, его словно кипятком окатили, страшно хотелось пить, но он упорно продолжал своё дело. В ушах шумело, на душе было так паскудно, что казалось ещё немного и ему самому станет дурно, а в голове билась мысль: «Вот она — расплата! Господи, прости меня! Прости меня, Шерли!»

Он не мог заставить себя посмотреть вниз и первые признаки просто почувствовал.

Тело Шерли вытянулось струной, дыхание стало хриплым и прерывистым, никаких целостных звуков больше не срывалось с пересохших губ. На лбу блестел пот, а несколько кудряшек прилипли к вискам. Глаза были закрыты, щекой он почти болезненно прижимался к его плечу. Дрожь. Пауза. Короткий миг оцепенения и наконец, долгожданная пульсация под рукой.

— Вот так, мой мальчик…вот так…да…ты молодец, малыш…

Абсолютная преданность и уязвимость, доверие, удивление и удовлетворение, успел прочитать Майк в глазах сына, прежде чем он ушел в перезагрузку.

Медленно и аккуратно, он откинулся на спину, укладывая Шерли на себя, чтобы потом повернуться на бок и встать на ноги, оставляя его лежать на полу. Он сходил в ванную, намочил полотенце, обтёр Шерли, подложил ему под голову подушку и накрыв пледом, покинул комнату.

Самым большим желанием Майка на данный момент было напиться до беспамятства. Он спускался вниз, проклиная день и час, когда решился на свой грёбаный эксперимент.

Однако, он сумел взять себя в руки и в кухню уже вошёл

прежний собранный и властный Майк. Там он обнаружил тихо всхлипывающую Аниту с чашкой воды в руках и стоявшего за её стулом Арвена.

— Оставь нас.

Тот мгновенно подчинился.

— Анита, почему вы не сказали мне, что спите с Шерли в одной постели, — Майк уселся на стул напротив девушки, угрожающе глядя на неё.

— Разве это так важно?

— Всё что касается Шерли — важно. Тем более такое. Как давно?

— С момента нашего с Вами последнего разговора.

— Почти четыре месяца?

— Да.

И тут Майк сорвался. Он вскочил на ноги, перегнулся через стол и почти выдернул девчонку со стула.

— Вы что, охренели, милочка?! — прошипел он. — Вы хоть понимаете, что едва не убили его?!

— Мне… я думала… он сам этого хотел… между нами ничего не было, — сбивчиво бормотала Анита, испуганно глядя на него, — он даже не разу не перезагрузился.

— Вот именно, что не было! Шерли просто не понимает, что это такое! Я же говорил вам, Система блокирует природные инстинкты. Ночь за ночью, рядом с вами, он дышал исходящими от вас феромонами, его поры впитывали в себя ваш запах. Запах женщины! Чёрт! И его организм взбунтовался. Из–за вашей дурацкой выходки, он чуть не погиб. Вы понимаете это?!

— Не кричите на меня! — взвилась в ответ Анита. — Откуда мы знали, что всё так произойдёт. Вы сами говорили, что Шерли абсолютно и полностью асексуален! Вы сделали его таким, не я. Это из–за вас он чуть не умер! А Вы…

Майк вспомнил, на что ему пришлось пойти несколько минут назад, и от ярости едва не придушил девчонку.

— Арвен! — гаркнул он, вцепившись ей в плечо, отчаянным усилием воли беря себя в руки.

Тот появился мгновенно.

— Взять её! Запереть в спальне и не выпускать до моего возвращения.

— Майк…

— Какого дьявола, Арвен?! С тобой у нас будет отдельный разговор. А сейчас, делай, что я сказал!

— Это приказ?

— Можешь считать, что да! Запри девчонку и поднимайся к Шерли. Поможешь мне. Его срочно нужно отвезти в лабораторию.

Глава 9

Я стояла у окна и размазывая по щекам слёзы, мрачно смотрела на лужайку, куда приземлился вертолёт Майка. Сами понимаете, после всего случившегося, от утреннего позитива не осталось даже памяти, а после общения с мистером Эймсом, настроение вообще скатилось куда–то на уровень канализации.

Нет я всё понимаю и то что случилось с Шерли это просто кошмар какой–то, но вот так вот взять и обвинить в случившемся меня?!

Ничего, что это благодаря «мистеру учёность» Шерли стал таким? Холодным, бесчувственным, единственным в мире человеком с жестким диском вместо мозгов. Гением! Да кому на хрен нужна такая гениальность? Любой мужик руками и ногами открестился бы от такого «подарочка», из–за которого даже утренняя эрекция превращается в трагедию! А что, вы думаете я дура и не поняла из–за чего весь этот ужас?! Помнится, кто–то говорил, что жизни ради меня не пожалеет, если я перехитрю эту долбаную систему. И вот вам пожалуйста. Стоило Шерли, фигурально выражаясь, «приоткрыть один глаз», как папочка тут как тут. И чего он так озверел–то спрашивается? Что такого могло произойти в спальне, из–за чего он чуть душу из меня не вытряс?

Меня буквально трясло от обиды, злости и переживаний за Шерли. Бедный парень! Вот за что ему такие страсти?! Мать–покойница, наверное, в гробу переворачивается, видя всё это. Я бы на её месте (не дай бог конечно) еженощно в кошмарах муженьку являлась за такие издевательства над ребёнком. Ох, что–то я совсем расклеилась! Нужно взять себя в руки и думать, что делать дальше. Ничего, мы ещё поборемся! Раз меня не выгнали сразу, а просто заперли здесь, значит ещё не всё потеряно. Костьми лягу, но вытащу Шерли из этого дерьма! А он умница, он со всем справится, я уверена. Главное, чтобы вернулся, а там разберёмся.

Я вытерла злые слёзы и снова уставилась в окно.

Рядом с геликоптером стоял незнакомый охранник. Не то чтобы я знала их всех в лицо, но после инцидента со взрывом, Майк полностью сменил штат охраны нашего дома. Кроме Арвена, разумеется. И если те ребята были профи, то эти, я бы сказала, вообще больше походили на бойцов элитного подразделения спецназа. Из дома вышел Арвен, неся на руках закутанного в плед Шерли. Он то ли спал, то ли был без сознания, я так и не поняла, но вид у него был такой, что краше в гроб кладут. Рядом шёл Майк, что–то выговаривая Арвену, но тот

по своему обыкновению был спокоен как танк. Вот это выдержка, блин! Лишь передав Шерли на попечение охранника и Инесс, он схватил Майка за руку, отвёл в сторону и что–то зашептал ему, яростно жестикулируя. При этом, вид у него был такой, что он сейчас заедет Майку в морду. А Майк… ё-моё, я даже глаза протёрла, Майк как будто оправдывался! Ни фига себе расклад! Это что же такое делается, товарищи?! Нет, мистер Эймс конечно козёл и сволочь. Но сволочь влиятельная, и чтобы он вёл так себя с обычным охранником?! Не дом, а ящик Пандоры какой–то! Сплошные загадки. Я всегда считала Арвена обычным секьюрити. Ну не совсем обычным конечно, он был начальником охраны и все такое, но что он настолько близко знаком с «императорской особой» так сказать, я даже не подозревала.

Наконец, Майк залез в вертолёт, Арвен направился в дом, а я пошла в ванную, чтобы умыться и привести себя в относительный порядок. Включила холодную воду и посмотрела на себя в зеркало. Ну и рожа! Господи! Во сне приснится, колом не отмашешься. Глаза как у ангорского кролика, веки опухшие, нос красный, прямо мисс мира среди Квазимод! Такой бы видон да час назад! Даже бы Майка звать не потребовалось. У Шерли бы само собой всё потухло и погасло… и вряд ли бы снова встало.

Мда, Анита, неудачная шутка. С этим надо что–то делать. И с лицом, и с настроением заодно. Я не особенная любительница макияжа и предпочитаю естественность, ну или в крайнем случае что–нибудь нейтральное, но в данном случае, пришлось приложить немало усилий, чтобы привести себя в божеский вид. Не боевой раскрас индейцев, конечно, но хоть Арвен не испугается и на том спасибо. Я всё же надеялась, что он не совсем бездушная скотина и выпустит меня из заточения. Особенно после того, что увидела на лужайке. И не ошиблась. Не успела я выйти из ванной, как в замке повернулся ключ.

— Чаю хотите, Анита? — он застыл на пороге, сложив руки на груди.

— Только если вы меня выпустите отсюда.

Он молча посторонился, и мы прошли в кухню. Она просто сияла чистотой, видимо Арвен постарался. Тарелки и сковорода вымыты, разлившаяся сметана с пола исчезла, на столе, застеленном свежей скатертью стояло блюдо с блинчиками и бутылочка с кленовым сиропом, а на плите закипал чайник.

— Если хотите, можем пойти в столовую.

— Спасибо. Мне и здесь неплохо. Арвен.

— Да?

— У нас коньяк есть? Ну или виски, или водка, я не знаю. Очень выпить хочется.

— У вас нет. Шерли запрещён алкоголь. У меня — да. Сейчас принесу.

— Интересно, что ему вообще можно? — мрачно подумала я, провожая Арвена глазами, — раскатывать на супердорогих тачках, ловить убийц, слушать оперу и дышать через раз? Всё остальное табу, да? Тогда про какие чувства и эмоции речь? Откуда им взяться–то? Вот суки! Убила бы!

Вернулся Арвен с бутылкой «Л'Эспри де Курвуазье» и двумя коньячными стаканчиками. Ничего себе! Неслабые такие заработки у начальника местной охраны! Или это подарок от босса? Он сел напротив меня, плеснул в них на два пальца, и мы выпили. Элитный коньяк мягким бархатом прошёлся по пищеводу, оставив во рту послевкусие свежевыпеченных фруктовых пирожных с оттенком лесных орехов, корицы меда и чего–то ещё. Прямо амброзия. В жизни не пила ничего вкуснее! Да и что я вообще видела в жизни до встречи с Шерли?

— Я видела вас на лужайке, — прервала я затянувшееся молчание, пока Арвен наливал нам по второй порции, — с мистером Эймсом.

— И?

— Просто, я всегда считала вас обычным телохранителем, а вы оказывается на короткой ноге с боссом.

Мы выпили ещё, Арвен усмехнулся и пристально посмотрел мне в глаза:

— Анита, неужели вы думаете, что Майк доверил бы жизнь Шерли постороннему человеку.

— Ну-у…

— Мы друзья. Давние и близкие.

Хм элитный алкоголь оказывается здорово развязывает язык и способствует неформальному общению.

— Насколько близкие? Вы любовники что ли? — Ох, зря я это ляпнула. Арвен даже в лице изменился.

— Если бы не ваша ценность, Анита, я бы свернул вам шею за такие отвратительные выводы. Что вообще творится с нашим миром, если словосочетание «близкие друзья», теперь равнозначно слову «любовники».

— Ради бога, простите меня, Арвен! Я правда не хотела вас обидеть. Вы правы. Мир действительно катится в бездну, раз некоторым позволено безнаказанно делать из родных детей биороботов.

— Вы не знаете о чём говорите, Анита.

— Да что вы! А как же Шерли?!

— Поймите, Майк такая же жертва обстоятельств, как и Шерли. Думаете, ему легко жить с этим? Ошибаетесь! Шерли, его

единственный ребенок и он в свое время просто хотел видеть его живым. Живым, понимаете?! Сын — единственное, что осталось у него от любимой женщины. Майк — гениальный учёный, и если у него был шанс спасти ребёнка, естественно он им воспользовался. Он даже помыслить не мог о том, к чему все это приведёт! Когда он понял, во что превратил сына, едва руки на себя не наложил. И только то, что Шерли останется один, остановило его. Двадцать лет жить с осознанием собственной вины, видеть, как твоё дитя медленно, но верно превращается в машину, по–вашему счастье великое?! Полжизни хранить всё в тайне, ибо узнай о Шерли военные, они тут же забрали бы его, сделать головокружительную карьеру, опять же для того, чтобы суметь противостоять в случае чего им же, и всё это время работать практически без сна и отдыха, пытаясь исправить хоть что–то, по–вашему легко? Так что не нужно делать поспешных выводов, мисс Новак.

— Вы так защищаете Майка. Почему?

— Потому что он мой друг! Лучший друг. Мы с первого класса вместе. Он столько раз выручал меня, мы столько пережили вместе, вам и не снилось. Я за него глотку любому перегрызу и за его сына тоже.

Мы почти ополовинили бутылку. Без закуски, между прочим. Я уже порядком окосела, да и Арвена похоже несло, так что у нас получился такой «междусобойчик откровений» и грех было им не воспользоваться. После слов Арвена, что они с Майком ровесники, у меня глаза на лоб полезли. Вот честно! При всей своей ухоженности и лоске, мистер Эймс выглядел старше Арвена лет на десять как минимум. Да уж! Я на минуточку представила себя на месте Майка — действительно, не позавидуешь. Арвену бы в адвокаты податься. Неплохую карьеру мог сделать. Мне даже стало немножечко жалко Майка. Самую чуточку. Видимо из–за коньяка. Потому что Шерли всё равно, было в тысячу раз жальче и я почувствовала, что сейчас снова разревусь. На глаза навернулись слёзы. Арвен это заметил, но видимо решив, что это у меня такая реакция на его пламенную речь в защиту мистера Эймса, потянулся через стол и успокаивающе погладил меня по руке. Точнее, по стакану в руке. Но это неважно.

— Послушайте, Арвен. У нас вроде как, встреча «без галстуков». Может на «ты» перейдём, а то как–то неудобно, — я подняла стакан на уровень глаз и покачала янтарную жидкость, — пьём дорогущий коньяк как воду, беседуем на наболевшие темы…

— Можно.

— Только без брудершафта, ага?

— Обойдёмся без резких движений.

Мы чокнулись как два заправских алкоголика и залпом выпили. Видели бы нас сейчас создатели сего божественного напитка! Расстреляли бы без суда и следствия за такое издевательство. Отвечаю.

— Ты сказал, что я ценная.

— Угу.

— Почему?

— Ты сейчас самый близкий человек для Шерли. Даже Майк не так дорог ему, как ты. Да простит он меня за такие слова.

— Почему?

— Потому что я вижу. Потому что дольше тебя живу на свете и неплохо разбираюсь в людях.

— Даже в Шерли?

— Ну, иногда мне кажется, что я знаю его лучше, чем Майк. Потому что всё время рядом с ним.

— Ты поэтому ничего не рассказал ему о нас с Шерли? Думал, что он может помешать?

— Иногда, в вопросах безопасности сына, Майка заносит на поворотах и ему требуется хорошая встряска, чтобы вернуться обратно в колею. Я сказал ему сегодня, всё что он должен был услышать. Он достаточно умён, чтобы понять это. Ты не злись на него, ладно. Он немного остынет и поймёт свою неправоту. Ещё извиняться прибежит. Он вообще–то хороший мужик. Просто жизнь такая сука!

— И не говори.

Мы допили бутылку и Арвен принёс ещё одну. Блин, я прекрасно представляла себе, что завтра будет с моей бедной головушкой, но раз пошла такая пьянка…

Дальше я всё помню смутно и очень отрывочно. Помню, как Арвен говорил, что его жена и дочь погибли при взрыве в каком–то ресторане и если бы не Майк, он бы не сидел сейчас тут со мной, а ночевал где–нибудь под мостом, потому что спился бы к чертям и что его семья теперь это Шерли. Помню, как приехал Майк и здорово орал на Арвена за то, что тот меня напоил, но потом успокоился и даже пропустил с нами стаканчик. Помню, как висела на плече Майка, и он почему–то тащил меня в комнату Шерли, потому что Арвен вырубился на диване в гостиной и транспортировать мою тушку куда–либо был не в состоянии. Пока он нёс меня, я что–то говорила ему про Шерли, заливаясь слезами… короче позорище! Дальше — аут.

***

Похмелье было настолько тяжелым, что даже глаза открывать было больно.

Это можно было сравнить только с побудкой в провинции семь лет назад, когда симпатичный бабушкин сосед попросил меня помочь с прополкой клубники, а потом напоил в благодарность. Спиртным благодарность не ограничилась, но подробности ночных приключений, выпали у меня из памяти. Утром бабуля два часа пыталась оживить меня огуречным рассолом, но инвалидом я себя чувствовала еще несколько дней.

Сегодня было покруче: тело ныло, как после побоев, а голова раскалывалась так, словно мозг поставил мне ультиматум — еще раз такое повторится откажусь на фиг функционировать! Некоторую информацию, он мне всё же выдал. Хотя, уж лучше бы молчал. О том, как я размазывая сопли, признавалась Майку в любви к Шерли. Пристрелите меня кто–нибудь! Чтоб не мучилась. Но, видимо, мистер Эймс, принял мои откровения за пьяный бред, раз я до сих пор здесь. Стоп. А где–здесь–то? Ах да! В спальне Шерли. Как мило. Если бы ещё не было так хреново. Кто бы попить принес … Я бы сейчас от бабкиного рассола не отказалась или в крайнем случае от холодного кефирчика. Арвена что ли позвать. Хотя, ему, наверное, тоже сейчас не очень. Вот вам и элитный алкоголь! Но ведь нормальные граждане его и не пьют в таком количестве… Пресвятая дева! Как же башка–то болит! Я тихонько застонала и тут же почувствовала, как в руку ткнулся прохладный стакан. Найдя край наощупь жадно отпила минералку.

— Спасибо, — прохрипела я.

— На здоровье.

Низкий насмешливый голос был до боли знакомым. Я распахнула глаза и уставилась на сидящего в кресле Шерли. Живого, здорового и ещё более красивого чем раньше. Потому что теперь, его обычно холодные глаза, полыхали пламенем горящего абсента. Вот что значит перепой, сплошные спиртные напитки на уме. То есть, я хотела сказать…

— Доброе утро, алкоголичка несчастная. Как ты?

— Доброе конечно, потому что ты здесь. Но было бы ещё добрее, если б голова так не трещала.

— Арвен, скотина! Убью паразита!

— Не надо. Он хороший.

— Ага, хороший. Мало того, что сам напился, так ещё и тебя напоил.

— Я сама напилась.

— А был повод?

— Ну да.

— И какой же?

— Ты. Я чуть с ума не сошла.

— Ты обо всем догадалась?

— Ради Бога, Шерли, — простонала я, — у меня самой сейчас перезагрузка случится. Хватит меня пытать! Да, я догадалась. Мне же не три года. Лучше скажи, как ты себя чувствуешь? Что отец сказал? Что обследования показали?

— У тебя же голова болит.

— Потерплю.

— У меня разблокировался гипоталамус. Полностью. Отец на седьмом небе от счастья. Дед тоже. Говорят, что ты совершила невозможное. Они двадцать лет бились над этим, а ты…

«То ли ещё будет, — проворчала я про себя, а вслух спросила»:

— А ещё?

— Что именно?

— Только гипоталамус? Больше ничего?

— Дед сказал, что даже это- уже чудо. Он очень хочет познакомится с тобой.

— Позже.

— Конечно. А сейчас, просто вставай и иди в душ. Тебя внизу Арвен с аспирином дожидается.

— Можно, я ещё чуточку полежу?

— Нет. Душ. Аспирин. Завтрак. Прогулка.

— Узнаю старого доброго Шерли!

— Нахалка. Быстро вставай!

Он поднялся на ноги и направился к двери:

— Если через полчаса тебя не будет в столовой, я лично засуну тебя под душ. Холодный.

Я швырнула в него подушку, но не попала. Дверь уже закрылась.

Повалявшись еще минут пять, я почувствовала себя гораздо лучше. Одно появление Шерли действовало на меня получше всех аспиринов и антипохмелинов вместе взятых, потому что я снова почувствовала себя счастливой. Он здесь, рядом, мы снова вместе. И скоро пойдём гулять. Вдвоём!

Глава 10

Шерли приехал домой ранним утром, категорически отказавшись от наблюдения, которое настоятельно рекомендовал отец. Хоть и чувствовал себя не слишком хорошо, но давно уже научился скрывать своё состояние. Он не любил этот дом и комнату, больше похожую на больничную палату, примыкающую к обширной лаборатории, напичканной суперсовременным оборудованием.

У него и раньше случались приступы, когда Система отвоёвывая себе очередной участок, посылала в мозг сильнейшие электромагнитные импульсы. Тогда у него в голове всё перемешивалось, ощущения путались друг с другом, у звуков появлялся вкус, нарушалось зрение, речь становилась бессвязной, наступала дезориентация и всё это сопровождалось адской головной болью. Он научился распознавать симптомы с девяти лет, хотя ему говорили, что всё началось гораздо раньше. В детстве, они были не частые, раз в год — полтора и отец довольно успешно научился с ними справляться.

Всё изменилось, когда Шерли исполнилось шестнадцать. Он рос как на дрожжах, началось половое созревание, что привело к практически неконтролируемым перезагрузкам и беспрерывным головным болям. Однажды его, беспомощного от боли, почти ослепшего, продержали в медикаментозной коме две недели. Когда он пришёл в сознание и его отключили от аппаратов, то впервые услышал, как плачет отец. Шерли не мог его видеть, но отчётливо слышал сухие всхлипы. И начался длительный период реабилитации — бесконечные капельницы, уколы и изматывающие обследования. Дольше всего восстанавливалось зрение. Он снова стал видеть, но как будто сквозь мутное стекло, мир утратил привычные краски. Ему ещё долго пришлось заново собирать в папки накопленную информацию, а эмоции заменило безразличие, периодически сменяющееся агрессией. Отец редко показывал Шерли результаты обследований, всегда говоря, что когда–нибудь он станет как все. Но, рассматривая срезы своего мозга на серии томограмм, на которых тёмная тень закрывала почти треть, пожирая живую ткань словно раковая опухоль, он знал, что это не так. Потом, приступы стали реже и гораздо слабее, пока к двадцати трём годам совсем не прекратились. Остались только перезагрузки, к которым он давно привык, научился контролировать и даже управлять ими.

И вот вчера это произошло. Снова! Шерли совершенно не был готов — боль пришла внезапно, да такая, будто у него в голове

взорвалась атомная бомба. Она огненной пеленой застилала сознание, мешая слышать, видеть, даже дышать. Все накопленные за годы папки рушились с ментальных полок, причинные связи обрывались, превращая тщательно отлаженный механизм в покорёженные руины. А потом среди хаоса появился голос — уверенный, успокаивающий. И он цеплялся за него остатками угасающего сознания как за последнюю связь с реальностью. Вместе с голосом пришло родное тепло и знакомый запах, и прохладная ладонь на его руке… Боль затаилась как готовый к прыжку зверь, тихо порыкивая, чтобы под воздействием каких–то незнакомых импульсов, поднимающихся по позвоночнику и концентрирующихся в самом центре мозга, уйти совсем, уступив место невероятному облегчению…

В себя он пришёл довольно быстро, учитывая силу и интенсивность приступа. Долго не решался открыть глаза, боясь, что снова ослеп. Но тихий успокаивающий голос отца, придал ему уверенности. Ощущение было такое, будто он очень долго носил тёмные очки, а теперь снял их. Боже! Шерли уже и забыл каким красочным может быть окружающий мир! Единственным ярким пятном до этого, была Анита, которая ассоциировалась у него с солнечным светом. До встречи с ней, ему всегда было холодно, даже в самые жаркие дни, и этот холод шёл изнутри. А рядом с ней, Шерли было тепло, и он цеплялся за этот островок тепла, до паники боясь, что тот когда–нибудь исчезнет.

Рядом с кроватью сидел отец и… улыбался.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — Шерли чуть кивнул и пошевелился. Боли не было, только невероятная слабость во всём теле. — Почти. Пить хочу и свет очень яркий.

Отец помог ему напиться и усадил, подложив под спину ещё одну подушку, всё время бросая на него довольно странные взгляды.

— Почему ты так на меня смотришь? У меня что, рог на лбу вырос?

— Вот, взгляни, — он положил ему на колени пачку распечаток с ядерного томографа. Шерли взял один и всмотрелся в снимок собственного мозга. На срезе промежуточного отдела ниже «зрительных бугров», скрытый до этого тёмным пятном, спелой вишенкой сверкал гипоталамус, образуя с не задетым Системой гипофизом единый функциональный комплекс.

— Что это?!

— Это чудо, Шерли! Огромный прогресс! Если дальше так пойдёт…

— … нет уж спасибо! Ещё одного такого кошмара, я просто

не выдержу! Уж пусть лучше всё останется как есть.

— Больше не будет так больно. Ведь именно здесь расположены центры вегетативной части нервной системы. Дальше будет проще.

— Не думаю

— Всё так и есть, сынок. Я подберу специальные ингибиторы. Правда придётся немного посидеть на уколах и научиться справляться с сексуальным возбуждением.

— Это–то тут при чём?

— При том, что именно твои совместные ночи с женщиной, вызвали настолько сильную гормональную бурю в организме, что под её натиском Системе пришлось отступить. Правда, не всё так безоблачно, как кажется, но первый шаг сделан. А это уже немало. И всё благодаря этой девочке. Конечно возмутительно, что вы не поставили меня в известность…

— Её зовут Анита.

— Я помню. И знаю теперь, чем ей обязан.

— У тебя виноватый вид. Ты её обидел.

— На то была причина. Я был очень расстроен и… я извинюсь. Непременно.

— Хорошо. — Глаза Шерли слипались, сказывался кумулятивный эффект седативных препаратов, которые обычно вводились после приступа. — Ты иди. Я спать хочу.

— Конечно, малыш, — отец склонился и поцеловал его в лоб, — спи, мой мальчик. Тебе необходим отдых. Сегодня ты прошёл через настоящий ад.

***

…Тьма опутывала, наваливаясь на плечи пробирающей до костей стужей, забивалась в нос, отравляя каждый вдох душными ядовитыми испарениями, и ей нечего было противопоставить: нигде не было даже крошечного огонька, чтобы согреться.

Повсюду был пронизывающий до костей арктический холод. Колючий снег летел в лицо царапая кожу. Передо ним лежала бесконечность. Он видел ее всю целиком, от начала до конца, от альфы до омеги, глядя на оскалившуюся над ним бездонную пропасть мирозданья. Без луны и звезд, без тепла и света. И он брёл одинокий и потерянный, отдав на расправу стихии своё обнаженное тело.

Откуда–то среди ледяного хаоса возникла дверь, из–под которой пробивался узкий поток теплого сияния, несущий свет и жизнь в его личный апокалипсис. За дверью была гостиная. Он

узнал её сразу — очаг спокойствия и приюта. Обои, подсвеченные мерцающим огнём в камине, диван и кресла, картина Рембрандта на стене, забытая на каминной полке скрипка… В кресле сидела девушка. Тёмные волосы, золотистая кожа. Анита. Тёплая, живая, совсем не такая как он — жалкое подобие человека.

Чашка чая исходящая паром на подлокотнике кресла, книга на её коленях, тихий шелест переворачиваемой страницы…

Внезапно она подняла взгляд, и он отшатнулся, отступая в ледяную мглу. Нельзя, чтобы она видела его таким — сломленным, горьким созданием смерти и разрушения. Он не желал быть тем, кто принесет ужас в жизнь этой хрупкой девушки, не хотел видеть даже проблеска отвращения на милом открытом личике. Тепло и свет были не для него.

Но прежде, чем он успел двинуться, на запястье сомкнулись тонкие пальцы, втягивая его в комнату.

Анита улыбнулась, в её взгляде засияло облегчение. Схватив одеяло, она набросила его ему на плечи, укутывая мягкой тканью изможденное, напоминающее труп существо, в которое он превратился.

— Ты где–то блуждал один, — прошептала она, заключая его в объятия, — но теперь вернулся домой. Я скучала по тебе, Шерли

Кровь пронеслась по его телу, проталкиваясь по спавшимся венам, устремляясь дальше и возвращая к жизни.

Она приподнялась на цыпочки, прижимаясь к его губам и сердце уверенно забилось в груди, запущенное её прикосновением. После холодной бесконечности он вспомнил, что значит согреться…

… Шерли вздрогнул и проснулся, понимая, что это всего лишь сон. Возможно в детстве ему и снились сны, но он их не помнил. Засыпая, он проваливался в чернильную темноту без сновидений, чтобы утром проснуться от привычной команды системы. Сейчас же ему приснился настоящий сон. И пусть сначала это был кошмар, но потом он превратился в сказку и ему очень хотелось, чтобы этот сон стал вещим.

Он прислушался к себе. Голова не болела. Часы, стоявшие на прикроватной тумбочке показывали четыре утра. Из лаборатории пробивалась полоска света, значит отец не спал. И ему до смерти захотелось домой. К Аните. К теплу и свету, ко сну, ставшему реальностью.

Шерли вскочил с кровати и прошёл в лабораторию:

— Отвези меня домой.

— Шерли?! — Отец, что–то рассматривающий в микроскоп, вздрогнул и обернулся.

В другое бы время, Шерли было бы интересно узнать, что он

там нашёл, но только не сегодня. Сейчас он хотел только одного — домой.

— Я хочу к Аните.

— Может быть ты немного подождёшь? Ещё очень рано. Она спит.

— Я не стану её будить. Отвези.

— Мне надо ещё раз тебя проверить.

— Делай что хочешь. Только быстрее. И поехали.

Отец знал, что спорить с ним себе дороже. Поэтому уже в шесть часов, вертолёт приземлился на лужайке у дома.

Анита спала в его кровати, обняв его подушку. Вид у неё был несколько помятый, но всё равно Шерли был ужасно рад её видеть. Отец говорил ему об их с Арвеном вчерашнем загуле. Но он почти не злился. Может быть совсем чуть–чуть. Арвен не тот человек, чтобы просто взять и напиться. Значит так было нужно. И вовсе не лично ему. Он только с виду казался тупым охранником. Старый друг отца на самом деле был очень умным, и Шерли привык доверять ему.

Дожидаясь пробуждения Аниты, Шерли прикрыл глаза и погрузился в себя.

Не то чтобы он ничего не знал о человеческих взаимоотношениях, просто они ему были не интересны. Пока всё не изменилось. Пока некоторое время назад, он не начал ощущать связь с Анитой на ментальном уровне.

Как будто между ним и ею протянулась невидимая ниточка. Тонюсенькая, как волос, который с каждым проходящим днем утолщался, становился прочнее, превращаясь в струну, пока он не оказался прочно привязан к ней. Внешне они всё еще были независимы и автономны, но уже взаимосвязаны и погружены в симбиоз.

Иногда эта связь ощущалась Шерли просто как тепло и комфорт: вечера, когда они смотрели очередную чушь по телевизору, и он сдерживался, чтобы не дразнить Аниту своими умозаключениями о том, что будет в финале. Дни, когда она просто сидела в интернете, а он возился с экспериментами, которые порой заканчивались мирно, порой — разгаданным убийством, а один раз даже небольшим пожаром, за который ему порядком влетело от отца.

В тишине спальни — струна накалялась, натягивалась сильнее, пытаясь заставить приблизиться друг к другу. Иногда просто находиться рядом бок о бок было недостаточно, и все, чего он тогда хотел — позволить границам стереться, чтобы прижаться к ставшей почти родной Аните. И с каждым прожитым днём эта связь увеличивалась, шаг за шагом приближая его к тому, что

случилось вчера. Шерли пока не мог дать этому чёткого определения. Что это? Может быть любовь, про которую когда–то говорила Анита. Которую она так яростно защищала. Любовь…

Когда–то, ещё в юности, он создал папку, посвящённую ей. Создал просто так, на всякий случай и никогда в неё не заглядывал. Однажды, даже хотел удалить за ненадобностью. Но что–то помешало ему это сделать. Может быть пришло время её открыть?

Шерли перебирал открывшиеся файлы, и они казались ему мягкими словно перья — так много значений в единственном понятии: Филия, Агапе, Сторге, Эрос. Четыре грани одной всеохватывающей эмоции. Той, которую жаждут все люди, и которая проявляется столь разнообразно.

Филия — дружба. Это есть между ним и Анитой — уникальное явление в его жизни, бесценное сокровище само по себе.

Сторге — семейная привязанность, что существует между ним и отцом. Но Анита — не семья. Узы крови ничего не могут противопоставить готовности убить и быть убитым во имя жизни другого.

Агапе — жертвенная, бескорыстная любовь. Этой грани не было места в жизни Шерли, даже когда он пребывал в самом лучшем из настроений. Все люди, включая сострадательных от природы, в глубине души эгоисты. Даже отец в своих научных изысканиях стремился к тому, чтобы он оставался с ним рядом в статусе человека, а не бездушной железки. Конечно же отец заботился о нём, и Шерли был благодарен ему за возможность жить как все. На поверхности могло показаться, что отец делал это только ради него, но ниже всё равно залегал широкий пласт собственного интереса. Он делал это потому, что нуждался в нём. Шерли был уверен в этом.

И наконец Эрос. Плотская любовь. Бывали моменты, когда они не могли отвести друг от друга взгляды, и Шерли хотелось ощутить вкус её поцелуя. Анита целовала его пару раз. В щёку. Но никогда не прикасалась к губам. Вообще, до встречи с ней, Шерли ненавидел чужие прикосновения. Они вызывали у него зуд, раздражение и злость. Никто, кроме отца, не имел на это права. Те, кто посмел прикоснуться к нему, горько пожалели. Анита — первая, кто вызвал в нём интерес, а не агрессию. Первая, к которой он сам захотел прикоснуться, которую принял в свою постель. Примет ли она эту сторону отношений, если будет предложено? Если он захочет их предложить? А он захочет непременно. В свете новых открывшихся перед ним возможностей. Природа подарила ему шанс стать полноценным

человеком, и Шерли не собирался его упускать. Когда это произойдёт — другой вопрос. Выглядеть идиотом и жалким девственником в её глазах ему не хотелось. Поэтому стоило немедленно заняться изучением этого аспекта человеческих отношений.

Услышав шорох, Шерли открыл глаза. Анита просыпалась. Милое, взъерошенное, похмельное чудовище.

Папка с пометкой «важно» была отложена в сторону. Ни о каком удалении теперь и речи не шло. Только доскональное исследование и максимум дополнительных данных! Но не стоит торопить события. Лучше отвлечься и дать ей попить, пока его «Ева» не загнулась от жажды.

Глава 11

После завтрака, мы прогулялись по парку, расположенному неподалёку, купили булочек, чтобы покормить плавающих в пруду уток, съели по мороженому и вернулись домой. При этом Шерли всё время старался коснуться меня — то плечом заденет будто невзначай, то чёлку поправит, то просто погладит по руке, а когда мы уже подходили к дому, вообще несильно сжал мою ладонь и не отпускал, пока мы не вошли в гостиную. Мы почти не говорили, он вообще мог молчать часами, так что в этом не было ничего удивительного.

От обеда он отказался, взял ноут и растянулся на диване, нацепив наушники. У меня тоже аппетита не было, поэтому я заварила нам чаю, насыпала в вазочку маленьких вафелек, в надежде, что так он хоть что–то съест. Обычно, увлёкшись, он машинально брал то, что лежало на подсунутой под руку тарелке или вазе и жевал. Как я уже говорила — накормить его было целой проблемой. Если не следить за его питанием, Шерли мог не есть сутками. Я взяла со стола свой ноут и хотела было уйти к себе, но меня остановил его голос:

— Ты куда?

— К себе в комнату. Не хочу тебя отвлекать.

— Ты мне не мешаешь. Посиди со мной. Пожалуйста!

Ох уж эти его «пожалуйста»! Когда он произносил это слово, своим низким, до невозможности сексуальным голосом, я готова была достать для него луну с неба. Не то что остаться в комнате.

Переписываясь с подружкой на фейсбуке, я случайно поймала на себе его взгляд и в первую секунду даже вздрогнула от неожиданности. В его глазах снова было пламя горящего абсента. И если с утра в спальне, я решила, что мне просто привиделось с похмелья, то сейчас, это уже нельзя было списать на последствия знакомства с элитным коньяком. Раньше он никогда так не смотрел.

Сейчас это был не бесстрастный и замкнутый Шерли, к которому я привыкла; откровенный, изучающий, подёрнутый блестящей поволокой взгляд, казалось шёл откуда–то из самой глубины его разума. Он тягуче проследовал по моей груди и шее, плавно перетёк на лицо, но едва наши глаза встретились, абсентовое пламя потухло, сменившись непроницаемой сталью. Б–р–р, я даже поёжилась. Вот бы узнать, что творится в его гениальной головушке!

Ближе к ужину, нас навестил Майк и я ушла к себе в комнату — после вчерашнего мне не очень хотелось в ним общаться, даже

не смотря на адвокатство Арвена. Однако, уже через десять минут, раздался лёгкий стук в дверь и на пороге показался мистер Эймс. Надо отдать ему должное, извинялся он вполне искренне, ну, насколько вообще могут быть искренними такие люди. В завершение своего коротенького визита в мою комнату, он заявил, что не против наших совместных ночей, но какое–то время нам с Шерли придётся провести отдельно. Надо так надо, кто бы спорил.

После ужина, Шерли нашёл канал с любовными мелодрамами. Обычно, он предпочитал научно- познавательные каналы, а если и смотрел что–то другое, то исключительно детективы или боевики, которые после его комментариев больше напоминали комедии. Сегодня же была именно «мыльная опера». Шерли презрительно фыркал, но на экран смотрел внимательно, время от времени с абсолютно серьёзным выражением лица выдавая такие комменты, что я просто покатывалась со смеху.

Он не сказал ни слова, когда я, пожелав спокойной ночи, направилась к себе. Выключил телевизор и открыл ноут, видимо спать в ближайшее время не собирался. Мне тоже не спалось в одиночестве. Прокрутившись как волчок часа два, превратив постель в воронье гнездо, я принялась считать овец. На две тысячи тринадцатой овце, дверь в мою комнату отворилась и на пороге показался Шерли с подушкой в руках и одеялом подмышкой:

— Отец запретил нам спать в моей постели, но ни слова не сказал про твою, — объяснил он своё появление.

Вот же хитрюга, блин! Всё равно нашёл способ вывернуться!

Я молча подвинулась, он устроился рядом, завернувшись в одеяло как в кокон. Стоило ему уткнуться носом мне в шею, как я почувствовала, что засыпаю.

Ни свет, ни заря нас разбудил Арвен, сообщив о том, что в кухне дожидается инспектор Томсон с очередной расчленёнкой. Это была уже третья жертва неизвестного маньяка, но то ли Стив решил, что справится сам, то ли мистер Эймс запретил ему беспокоить сына, за помощью он явился только сейчас. В гостиной на диване валялся ноутбук Шерли. Точнее то, что от него осталось.

— Я смотрю, ты тут вчера неплохо повеселился, — я указала на две отдельные половинки, бывшие ещё вчера навороченным гаджетом, — и чем тебе не угодил несчастный ноут?

— Мерзость! — Шерли брезгливо скривился и перевёл разговор на другую тему, — Лучше собирайся побыстрей, нас там Стивен уже заждался.

— Понятно, — я положила пострадавший ноут на стол и

пошла умываться, подумав про себя: «интересно, что кроме мерзости ты хотел найти на порносайтах, мой милый друг? Учебное пособие по вышиванию крестиком?» В том, что он ползал именно там, я почему–то не сомневалась.

За кофе, Шерли едва не подпрыгивал на стуле от нетерпения, выспрашивая у Стива подробности.

Уже через полчаса, мы стояли у полицейского ограждения, в парке возле двухэтажного дома, пока Шерли буквально ползал по растерзанной жертве в поисках улик. Дом выглядел ухоженным и респектабельным — в жизни бы не подумала, что внутри находится весьма специфический «клуб по интересам».

— Чувствую себя собакой, которую берут с собой на прогулку, а потом привязывают у забора, пока хозяин занимается черт знает чем, — пожаловалась я Арвену. — Ну, зачем было тащить меня сюда, если я всё равно торчу рядом с тобой?

— Так он чувствует себя спокойно, — чуть ухмыльнулся Арвен.

— В каком смысле? — не поняла я.

— Ему нужно, чтобы ты находилась в поле его зрения, но под моим присмотром. Так понятней?

— Нет.

— Находясь рядом со мной, ты в безопасности. Можешь считать, что таким образом он заботится о тебе.

— Глупость какая. Можно подумать, место преступления, самое безопасное на свете. За стенами дома, я чувствовала бы себя более защищенно. С чего ты вообще так решил?

— Я уже говорил тебе, что успел хорошо изучить его. Пока он не узнает с чем или кем имеет дело, он сделает всё возможное, чтобы ты находилась поблизости. Он тебя видит и никакой угрозы рядом. Для него это важно.

— Всё равно глупость.

— Я и не утверждал, что это правильно. Я всего лишь пытаюсь помочь тебе понять, что таким образом он защищает тебя. И будет защищать. Он… странный и… — Арвен тепло улыбнулся, как будто говорил о собственном сыне — невероятный.

— Это да! — подтвердила я, тоже улыбаясь, — а еще он заноза в заднице.

— Невероятная заноза в заднице, — согласился Арвен, и мы оба рассмеялись.

Шерли услышал и подошёл к нам:

— Это место убийства вообще–то, — его голос был сухим и холодным, — не понимаю, что вас так развеселило.

— Извини, Шерли, — я мигом перестала улыбаться, —

видимо это нервное.

Шерли взял меня за руку и отвёл к полицейской машине.

— Отсюда ни шагу! Нам с Арвеном нужно кое с кем пообщаться. Присмотрите за ней, — кивнул он двум здоровенным копам.

Я без возражений устроилась в машине с любопытством озираясь.

***

В последние время дела у Джилл шли из рук вон плохо. Она даже успела пожалеть о том, что не прислушалась тогда к словам Эймса, понадеявшись на удачу и идя на поводу у собственных амбиций и желаний. Последняя её выходка с заложниками стоила ей потери контроля над несколькими стратегически важными для её синдиката объектами.

«Серый кардинал» принял брошенный ею вызов. Вот только Джилл не учла, что игры с Шерли и игры с мистером Эймсом, это вовсе не одно и то же. Как говорит народная мудрость «не будите спящую собаку». Джилл же, похоже, разбудила не просто собаку, а трёхголового Цербера. С подачи Эймса, на неё ополчились не только вся полиция Города, различного рода спецслужбы, включая пожарников и эпиднадзор, но и Интерпол. Нужные нити обрывались, клубы и игорные дома закрывались, её люди арестовывались пачками, а счета замораживались. Джилл понимала, что если и дальше так будет продолжаться, любовно созданная покойным дедом империя, пойдёт ко дну. Но выбрасывать белый флаг? Признавать поражение? Да ни за что в жизни!

— Ничего, мы ещё посмотрим кто кого? — сказала как–то Джилл своему верному телохранителю и по совместительству штатному любовнику Винсу, в ярости бегая по кабинету, после очередного ареста двух подпольных казино.

Преданный ей до мозга костей Винс, попытался было вразумить её, сказав, что не принимать всерьёз предупреждение Эймса — чистой воды самоубийство, а уж бороться с ним, это как идти с ручной гранатой на атомный авианосец, но получил в ответ летящую в лицо тяжёлую папку и очередную истерику. Джилл и сама понимала, что ведёт себя как истеричная сука, но поделать с собой ничего не могла.

Все её попытки хоть что–то выяснить о Шерлиане тоже не увенчались успехом. Она приложила немало усилий, потратила кучу денег, чтобы выйти на одного из его бывших соседей, но к её

великому сожалению, мужчина не просто ничего не помнил о своём соседстве с мистером Стивенсом — он утверждал, что вообще никогда не был в Городе. Складывалось впечатление, что бедолаге основательно промыли мозги, подменив воспоминания. Но это было настолько из области фантастики, что Джилл отбросила эту мысль как насквозь бредовую. Она возлагала большие надежды на закрытую клинику, в которой лежал ещё один человек, который лично знал Шерлиана. За эти сведения ей пришлось заплатить отвратительной ночью с пожилым толстым как носорог, потеющим главврачом клиники, после которой её пару дней с души воротило, но и такая жертва с её стороны оказалась напрасной. Где–то на полпути к клинике, когда она ехала по узкой горной дороге, её автомобиль едва не улетел в пропасть. И это вовсе не было случайностью. Обогнавший её здоровенный тонированный джип резко затормозил, развернувшись поперёк дороги и из приоткрытого окна высунулось дуло автомата. Ясно давая понять, что дальше ехать не следует. Джилл была умной девочкой и быстро сообразила, что будет лучше, если она отложит свой визит в клинику на потом.

Удача ей улыбнулась всего однажды, когда она совершенно случайно в одном из модных бутиков встретила нынешнюю соседку Шерлиана. Девчонка оказалась не только недурна собой, но ещё и довольно умна, хотя и не из их круга; вращаясь в мире криминала, Джилл всё равно причисляла себя к высшему обществу. Она битых четыре часа потратила на Аниту — помогла с костюмом, сводила в кафе, мило общалась с ней, всё время подавляя желание вцепиться зубами ей в горло. Даже к стилисту своему отправила, и всё ради того, чтобы вечером как бы случайно быть представленной Шерлиану в опере. Но удача помахала ей ручкой из окна такси, ибо в театр–то Шерлиан с соседкой приехали, но весь спектакль находились в закрытой ложе. В отчаянье, после спектакля, она как дура потащилась вслед за ними. Хорошо, что машина была такого же класса, как и у Шерлиана. Видимо его охрана, не посчитала угрозой одинокую девушку и Джилл удалось проводить его почти до самого дома. Зачем? Она и сама не знала ответа на этот вопрос. Желание быть с ним превратилось для неё в болезненную одержимость, а вожделенное «лекарство» в лице Шерлиана было недостижимо и вряд ли когда–нибудь станет доступным.

В довершение всех несчастий, на территории её любимого клуба, нашли растерзанный до неузнаваемости труп. Узнав об этом, Джилл пришла в бешенство- клуб был закрытым, для любителей «клубнички» погорячее, а если выразиться более

конкретно — «пожёстче». Клиенты туда приходили анонимно, далеко не самые бедные, ибо один сеанс BDSM- игры стоил бешеных денег. Сильные мира, устав быть «сильными», очень уважали подобные «игрища» и Джилл, сама не раз принимавшая в них участие, только диву давалась, насколько послушные получались из них сабы. Мальчики и девочки, работающие в клубе, чётко знали своё дело, неукоснительно придерживаясь правил, а если и случались какие–то инциденты, то только по вине клиентов. Приводить с собой партнёра никому не возбранялось. Была парочка случаев, когда заигравшиеся домы напрочь забывали «стоп- слово» и Джилл через прикормленных врачей приходилось разбираться с последствиями, но она умела прятать концы в воду. Всё происходило непосредственно в стенах заведения и никогда не выплывало наружу. А тут такое! Не хватало ещё из–за какого–то урода, потерять золотых, в прямом смысле слова, клиентов!

— Долбаный придурок! — Ругалась Джилл сквозь зубы, подъезжая к клубу, — Джек–потрошитель выискался тоже мне! Разбирайся теперь с копами! Знала бы кто- собственными руками убила бы. <dd Однако, настроение="" резко="" повысилось="" сразу="" на="" несколько="" градусов,="" когда="" она="" узрела="" среди="" толпы="" полицейских="" Шерлиана.="" Ну="" конечно!="" И="" как="" могла="" забыть,="" что="" для="" него,="" выпотрошенная="" девчонка,="" просто="" подарок="" Рождество.="" Она="" немного="" успокоилась-="" раз="" за="" дело="" взялся="" мистер="" Стивенс,="" то="" поимка="" маньяка,="" это="" вопрос="" нескольких="" дней="" и="" ей="" даже="" стало="" интересно="" побывать="" по="" другую="" сторону="" баррикад.="" Естественно,="" он="" изъявил="" желание="" пообщаться="" с="" владелицей="" клуба="" Джилл="" любезно="" пригласила="" Шерлиана,="" его="" телохранителя="" инспектора="" полиции="" к="" себе="" в="" кабинет.="">

Пока Шерлиан излагал цель визита, Джилл исподтишка рассматривала его. Чёрт! Он сидел в двух шагах от неё и несмотря на раннее утро выглядел так, словно только что сошёл с подиума. Она прекрасно знала его возраст, но выражение холодного высокомерия и незаурядный интеллект, светившийся в почти прозрачных глазах, делали его несколько старше. Хотя на первый взгляд, его облик был так прост и безыскусен, словно он, поднявшись с постели, натянул первое, что подвернулось под руку. То, что было надето на нём, могло продаваться в любом магазине, но Джилл сомневалась, что даже в брендовых бутиках можно приобрести готовые вещи, сидящие столь безупречно.

Джинсы облегали Шерлиана словно вторая кожа, настолько тесно, что у неё проскочила шальная мысль, что он надел их прямо на голое тело. Рубашка была им под стать, обтягивающий черный хлопок, четко обрисовывал торс. Стройный поджарый, он напоминал вышедшую на охоту чёрную пантеру, настолько гармоничным было сочетание гибкой силы и незаурядного ума. Но больше всего Джилл поразили его глаза — сумрачное серебро, подчёркнутое тёмными ресницами… </dd Однако,>

«Пресвятая дева! Это просто живое воплощение секса, а не парень, — в отчаяньи думала Джилл, прикусив изнутри щёку, пытаясь сосредоточиться на словах Шерлиана, — ну как тут не сойти с ума! Да я душу готова продать за один час с ним».

Механически отвечая на вопросы, Джилл, чтобы отвлечься от наваждения, перевела взгляд на двух других мужчин. Инспектор был довольно мил, но не более того, а вот белокурый телохранитель Шерлиана, был весьма недурён собой. Арвен — почти двухметровый голубоглазый викинг, под деловым костюмом которого скрывались литые мускулы. Джилл удалось собрать о нём малую толику информации. Наполовину швед, отсюда и скандинавская внешность. Бывший военный, за плечами которого довольно внушительный список командировок в горячие точки планеты. Потом несколько лет, проведённых на Востоке, возможно на пару с Шерлианом. Это всё, что удалось узнать об этом человеке. Для того чтобы узнать больше, требовался приоритет «ультра», да только где бы его взять. Но и так было ясно, кто перед ней. Профессиональный убийца в роли дуэньи Его Таинственного Высочества. Неплохо! Вот только зачем?

В любом случае, не будь Джилл одержима Шерлианом, она была бы не против провести ночь с таким мужчиной, даже несмотря на приличную разницу в возрасте. Джилл не понаслышке знала, что такие вот викинги, только внешне напоминают ледышку — в постели они очень даже горячие мальчики. Но всё равно, Арвен даже в подмётки не годился своему подопечному!

Она настолько увлеклась, что не заметила, как Шерли замолчал, показывая, что выяснил для себя всё что хотел и встал с кресла, направляясь к двери. Уже у самого выхода, он задержался, пропуская инспектора и что–то шепнув телохранителю. Тот утвердительно кивнул и вышел.

— Почему Вы следите за мной, мисс Бригстоун? — неожиданно спросил он и Джилл вздрогнула от его глубокого голоса, — что Вам от меня надо?

— С чего вы взяли, мистер Стивенс?

— Я это знаю, — он сверлил её глазами и Джилл ощутила

лёгкое покалывание в висках, как при сканировании. — И мне не нравится Ваше пристальное внимание ко мне и моей соседке.

— А Вы не принимали в расчёт, мистер Стивенс, что Вы мне просто нравитесь. Вы чертовски соблазнительный мужчина! — Она встала из–за стола и приблизилась к нему, — о, эти Ваши глаза, губы, эти скулы…, вы знаете, о них ненароком можно порезаться…, — как во сне, она протянула руку, чтобы коснуться его. Но Шерлиан, резко перехватил её и больно сжал:

— Не смейте прикасаться ко мне, мисс Джиллиан, — прошипел он, буквально меняясь в лице.

— Почему? Что если я хочу Вас. Вам же нравились наши игры! Что плохого в том, если мы перенесём наши забавы в горизонтальную плоскость?

— Потому что Я не хочу Вас! Потому что Вы не моя женщина…

— А кто Ваша женщина, мистер Стивенс?! Ваша так называемая соседка? Да ладно! Зачем Вам это замухрышка.

В мгновение ока, рука, затянутая в чёрную перчатку, метнулась к её шее и пальцы сомкнулись на горле, больно сдавливая трахею.

— Не смейте даже имени её упоминать! Вы…

Он не успел договорить. За его спиной открылась дверь и раздалось тихое, но хлёсткое:

— Шерли!

Шерлиан тут же отпустил её и Джилл еле устояла на ногах, потирая пострадавшую шею.

Он вышел за дверь даже не попрощавшись, оставив Джилл наедине с собственными переживаниями и дикой ревностью.

— Да что он в ней нашёл?! — Тихо возмущалась она, возвращаясь за стол, — что она такое вытворяет в постели, чего я не умею? Ну сука! Видит бог, я этого не хотела, но ты не оставляешь мне выбора. Шерлиана я тебе не отдам!

Глава 12

— Я жду объяснений, генерал, — Майк сидел в кресле и внешне казался спокойным, но его голос был способен заморозить ад, а убийственно- холодный взгляд, казалось, смотрел в самую душу, стоявшего начальника военной базы, — как могло случиться, что с охраняемого Вами объекта, умудрились сбежать? Это база с приоритетом секретности «ультра» или проходной двор?

— Мистер Эймс… но…

— Вы хоть понимаете, что именно поставили под угрозу?! А уж если об этом узнают газетчики, то первым, чья голова окажется на плахе, будете Вы?! — Не обращая никакого внимания на попытки генерала вставить хоть слово, продолжил Майк, — уже есть три жертвы и Ваше счастье, что пока всё списывают на маньяка. Их будет гораздо больше, если Вы не сумеете отыскать его быстрее полиции. Кто ведёт дело в полицейском департаменте?

— Инспектор Томсон.

— Немедленно забирайте себе! Пусть им занимаются спецслужбы. С полицией я сам разберусь. И чтобы через час у меня на столе лежал развёрнутый отчёт о случившемся. Свободны.

— Есть, сэр!

Генерал ушёл, а Майк встал и нервно прошёлся по кабинету:

— Чёртовы идиоты! Говорил я им, что игры с геномом человека не доведут до добра!

Когда двадцать лет назад военные учёные начали разработку проекта «Alfa&Omega», он категорически отказался в нём участвовать, мотивируя это тем, что генетика не его сфера. На самом деле, после своего неудавшегося эксперимента с Шерли, у Майка пропало всякое желание вмешиваться в человеческую природу. Но курировать проект на пару с его создателем Николасом Сандерсом- учёным- биогенетиком ему всё же пришлось, чтобы только–только начавшая набирать обороты карьера политического деятеля не покатилась под откос.

Суть проекта заключалась в том, чтобы вывести новую, отличную от обычного человека расу людей, заменив в третьей базовой паре человеческой хромосомы два вида нуклеотидов, выделенных из хромосомного набора волка.

В свете последних десятков лет, когда по всему миру шествовала так называемая сексуальная революция, когда семейные ценности шли лесом, брачные отношения никого не

интересовали, рождаемость падала, а участившиеся камин–ауты известных людей проходили на «ура», делая из однополых пар чуть ли не героев, подобный эксперимент был в общем–то благим намерением. Особенно на фоне постоянной угрозы ядерной войны, между двумя могущественными государствами, зловещий призрак которой не первый год маячил над человечеством. Политики балансировали на грани, сохраняя хрупкий нейтралитет, но всем было ясно — малейшая искорка, может вызвать планетарный пожар. Учитывая все эти факторы, выжившим после ядерной зимы людям грозило вырождение.

В ходе длительных экспериментов Сандерс выяснил, что нуклеотиды хромосомного набора волков самые близкие к человеческим. Помимо звериной выносливости, весьма развитого для животных интеллекта, волки ещё и очень верные существа, чем по мнению учёного очень выгодно отличались от человека.

Вот только Сандерс забыл, куда обычно ведёт дорожка, вымощенная благими намерениями. Майк, на собственном опыте убедившийся, что значит спорить с Природой, попытался было отговорить Ника, которого неплохо знал и даже считал своим приятелем. Но тот ничего не пожелал слушать, и Майк подозревал, что помимо научного интереса, у Сандерса были личные причины для подобных экспериментов. За пять лет до этого, его супруга ушла от него к лучшей подруге, и Николас с тех пор слегка поехал крышей на почве супружеских измен и однополых отношений.

Эксперимент прошёл довольно удачно. Всего лишь после двух провальных попыток создать жизнеспособный эмбрион, Сандерсу всё же удалось заполучить искомое, на основе собственной ДНК и через девять месяцев родился первый младенец — альфа. А через несколько месяцев появился на свет и второй. С омегами–девочками дела обстояли несколько хуже. Только через четыре года, когда в специальном детском приемнике секретной базы подрастали уже семь альф, родилась омега.

На первый взгляд это были обычные человеческие малыши, но. Проведённые исследования показали, что все они по сути своей волчата. То есть в будущем, участникам проекта предстояло испытать все «прелести» гона, течек, вязок и прочее, свойственных обычным представителям этого вида. Но такой побочный эффект не показался чем–то из ряда вон выходящим — во всём остальном, дети росли и развивались, как и положено обычным человеческим детишкам. Они хорошо учились, обладали потрясающей выносливостью и обонянием, у них была великолепная память — на фоне всех достоинств, эти маленькие

недостатки можно было подкорректировать. Разве что половое созревание у альф началось несколько раньше ожидаемого, что не скажешь об омегах.

Проблемы начались, когда самому старшему альфе Адаму — почти двухметровому, отлично развитому во всех отношениях юноше, исполнилось шестнадцать лет. Он уже три года как вошёл в половозрелый возраст и инстинкт размножения требовал своего, но его омега была ещё сущим ребёнком, поэтому ни о какой вязке и речи не шло. Благодаря специально созданным препаратам, понижающим половое влечение, Адам вёл себя довольно смирно и агрессии не выказывал. Если бы не случай. Преподавательница математики, служившая на базе в чине капрала. Кто же знал, что в период овуляции у женщин меняется запах! И альфы прекрасно чуют его!

Тревогу подняли сами дети, услышав доносящиеся из комнаты Адама душераздирающие крики. Прибежавшим людям с большим трудом удалось оттащить разъярённого альфу от полумёртвой, жестоко изнасилованной им девушки. Адам бушевал ещё несколько часов, но его всё же удалось усмирить. Дело замяли, а девушку- капрала, после лечения, отдали Майку. Сейчас у неё другое имя, она счастливая замужняя мамочка с двумя детишками и даже при всём желании, не сможет вспомнить произошедший с ней кошмар.

Казалось бы, вот он- первый тревожный звонок, что всё идёт не так. Но к нему опять никто не захотел прислушаться, хотя добившись равного количества альф и омег, безбожно уничтожая альфа–эмбрионы, проект всё же закрыли.

В результате на данный момент, не считая уже повязанного Адама, на базе было шесть половозрелых альф из первой контрольной группы, омеги которых были слишком малы для вязки. Вторую и третью группы составляли совсем ещё дети.

Майк уже давно ожидал нечто подобное и даже удивился, что этого не произошло раньше. Помимо зашкаливающих гормонов, разбудивших инстинкт размножения, юные альфы обладали недюжинной силой, помноженной на звериную хитрость и человеческий разум. Как им удалось обвести вокруг пальца охрану объекта и сбежать, это Майку, как главному куратору, ещё предстояло выяснить. Пятерых удалось поймать почти сразу же. А вот шестого, самого старшего из беглецов, всё же упустили. Ларсу было всего восемнадцать, но это не делало его менее опасным для людей. Судя по всему, у него начался гон, он искал себе пару и не находил её, в ярости разрывая несчастных девчонок на части. Будучи на базе, в привычных условиях, альфа прекрасно осознавал, что его омега ещё маленькая и нужно просто

подождать. Но сейчас на воле, лишённый привычных подавителей, окружённый множеством различных запахов, Ларс просто слетел с катушек, и звериная сущность напрочь перекрыла в нём человека. Его нужно было найти как можно скорей. Полицию в это дело, Майку вмешивать очень не хотелось, а вот Шерли мог бы помочь.

***

— Джилл! Да очнись же ты наконец! — кто–то усиленно тряс её за плечи, вынуждая вынырнуть из наркотического дурмана.

Джилл редко позволяла себе что–нибудь крепче марихуаны, во избежание привыкания, но сегодня был именно такой случай. Встреча с Шерлианом, особенно его последнее высказывание совсем выбили её из колеи.

— Ну чего тебе? — она лениво приоткрыла глаза, узрев перед собой физиономию Винса, — отстань ради бога, мне сейчас не до тебя.

— Тебе всегда не до меня. И вообще — ты опять за своё?! Ты же мне обещала!

— Отвали, Винс! Ты не мой дедушка! Твоё место у дверей кабинета. Говори зачем пришёл и проваливай.

Винс так обиженно засопел, что Джилл даже стало его немного жалко.

— Ладно, не злись. Я пошутила. Ты у меня самый лучший! Просто день выдался ужасный. Труп ещё этот!

— Вот об этом я и хотел с тобой поговорить.

— О чём? О трупе?

— Пошли со мной. Только тихо! — Он приложил палец к губам и направился к двери.

Заинтригованная такой таинственностью Джилл пошла следом.

Винс спустился в подвал и проследовал в самое секретное место её заведения. По виду двери ведущей в помещение, можно было подумать, что это обычная пустая каморка для хозинвентаря, но на самом деле, за ними скрывался небольшой зал, для совсем уж извращённых клиентов. Если бы инспектор полиции вздумал провести обыск дома, Джилл бы огребла кучу неприятностей.

У дверей Винс остановился.

— Я тебе сейчас кое–кого покажу. Только прошу, не подходи близко.

— Да что за нафиг, Винс?! Что это ещё за тайны мадридского

двора? Кого ты там прячешь?

— Сейчас сама увидишь, — хмыкнул Винс отпирая дверь.

Они вошли, Джил нащупала выключатель. В тусклом свете единственной лампочки она увидела сидевшего на корточках у дальней стены полуголого парня, одетого только в какие–то грязные пижамные штаны. Его когда–то светлые китайские тапочки тоже были все в грязи и разводах, подозрительно напоминающих кровь. Мальчик был совсем молоденький и очень хорошенький. Белокурый с большими серыми глазами и симпатичной ямочкой на подбородке.

— Вау! Где ты нашёл это чудо? — Она смело направилась к юноше.

— Джилл… я же…

Винс не успел договорить. «Чудо» выпрямилось во весь свой немалый рост и оскалилось. Из горла вырвался утробный рык.

Джилл резво отскочила назад.

— Господи боже мой! Что это такое?! — Она во все глаза рассматривала стоявшего перед ней парня, состоявшего, казалось, из сплошных мускулов. Приподнявшаяся в оскале верхняя губа обнажала внушительные клыки, подходившие скорее животному, но уж никак не человеку. Но больше всего Джилл испугалась, когда он принюхался и в серых глазах зажегся огонёк чистой похоти.

— Спокойно, Ларс. Тише, — успокаивающе поднял руку Винс, поспешно задвигая Джилл себе за спину. — Это Джилл. Она хозяйка дома. Ты ведь не станешь обижать человека, предоставившего тебе убежище.

Ларс фыркнул, но клыки убрал, и похотливая искорка в глазах погасла.

— Пусть она уйдёт. Она готова к спариванию, а я могу не сдержаться.

— Что-о?! Что он такое несёт, Винс? — Джилл была оскорблена до глубины души. Какой–то сопляк, что он про неё сейчас такое ляпнул?! Вот козёл! — Какое в задницу спаривание?! Кто он такой вообще?

— Я тебе всё объясню, позже! — Винс уже почти выталкивал её из помещения, при этом обращаясь к парню:

— Ларс, посиди тут ещё немного. Я сейчас ей все объясню, а потом вернусь, хорошо?

Они буквально выпали в коридор и Джилл с которой напрочь слетел весь кайф, свирепо уставилась на любовника:

— Какого хрена тут происходит, ты мне можешь внятно объяснить? Пошли наверх, мне нужно выпить.

… — Ну? — упав в кресло и выпив залпом почти стакан

виски, Джилл потребовала объяснений, — и где ты откопал эту белокурую бестию?

— Я нашёл его сегодня ночью, когда возвращался домой. Ты же сама велела мне ублажить ту аристократку.

— Я помню. Дальше.

— Короче, мёртвая девчонка, его рук дело.

— Что-о? Винс, ты совсем охренел да?! Притащить маньяка в моё любимое заведение! А если копы узнают?!

— Не узнают. Мы его сегодня же перевезём в безопасное место.

Джилл уставилась на любовника как на буйнопомешанного, окончательно потеряв дар речи. Она конечно, любила авантюры, но не до такой степени, чтобы прятать у себя новоявленного Джека — Потрошителя. Да и жить очень хотелось, а судя по реакции этого урода, всё могло закончиться очень даже плачевно.

— Понимаешь, Джилл, он никакой не маньяк, он тоже жертва. Ларс сбежал из секретной лаборатории, — тараторил Винс, — он мне всё рассказал. Всё–всё. И тебе расскажет, если ты будешь себя правильно вести. Он не такой как мы…У него просто гон…

Слушая всю эту ахинею, Джилл лихорадочно соображала, как бы незаметно добраться до лежащего на столе телефона, чтобы вызвать психушку. У её любовника по всей вероятности совсем съехала крыша. Что было вполне возможно. С её–то характером и вечными истериками! Вот бедняга и не выдержал. Однако следующая реплика Винса заставила её изменить своё мнение о его адекватности.

— Не смотри на меня так! Я не псих. Это правда. Можешь сама у него спросить. Ларс… чёрт, я не знаю, как это правильно называется. В общем, он человек из пробирки. Это какой–то секретный проект! Новая раса людей. Он — альфа! Бля, Джилл, ну что мне сделать, чтобы ты поверила?

— Хорошо, Винс, хорошо, успокойся, я тебе верю. Правительственный проект значит. Как мило! Я слышала конечно, о некоторых незаконных экспериментах, но чтобы над людьми… Это что–то! Вот сволочи!

— Может правительство тут и не при чём. Может сами учёные…

— Ну конечно! Откуда у этих лабораторных крыс такие бабки? Хотя… если тут замешан Эймс… ах да, он же и есть правительство. И мы опять возвращаемся к тому откуда пришли.

— Ну не знаю…

— Ладно. Оставим это пока. Я сама поговорю с этим как его…

— Ларсом.

— …да, Ларсом. Лучше скажи мне, как тебе вообще удалось поймать его. Ты конечно здоровый бугай, но он… А ведь совсем сопляк ещё!

— Я и не ловил. Просто услышал шум, решил посмотреть, что там, а он сидит над трупом и ревёт как маленький и внутренности пытается обратно запихнуть. В крови весь, трясётся. Он же в сущности ещё совсем ребёнок. Жесть короче.

— Ни хера себе ребёночек! С такими–то зубками и темпераментом. Не хотела бы я познакомиться со взрослой особью, коли у них детки такие. Дальше–то что?

— Да ничего. Я только подошёл, а он отполз в сторону и скулит: «Я не хотел, я не хотел, простите меня…» и ещё пуще заревел. Мне его так жалко стало почему–то. Успокоил его как мог, сказал, что ничего ему не сделаю, а потом где–то сирена полицейская завыла. Я сам испугался до чёртиков. Ну представь, если бы меня там застукали! В жизни бы не отмазался. В общем провёл я его через чёрный ход. Зал тот как раз пустовал… вот.

— Мда, Винс! Жизнь всё же полосатая. Только вчера я думала, что всё настолько плохо, что дальше некуда, а тут такой нежданчик! Спасибо тебе! Этот Ларс просто подарок небес! Ты хоть представляешь какой у нас теперь козырь в руках?!

— Нет.

— А я представляю! Ну мистер Эймс, держитесь теперь! Я вам такую веселую жизнь устрою, вы мне Шерлиана в зубах принесёте. В подарочной упаковке с бантиком. Чтобы правда про ваши ублюдочные эксперименты не выплыла наружу.

— Ты точно самоубийца! Мало тебе того дерьма, что уже имеешь? Хочешь, чтобы он тебя совсем укокошил что ли?!

— Фигня! У нас теперь Ларс есть.

— Джилл…

— Всё, я сказала! Закрыли тему! Короче так — найди ему какую–нибудь одёжку понезаметней и отвези в мой домик на побережье. Мы там с тобой были однажды, помнишь?

— Угу.

— Он хоть и старый уже, зато на отшибе, да и сомневаюсь я, что копы в такую глухомань полезут. Понял меня?

Винс кивнул.

— И респиратор ему купи Я приеду ночью. Давай действуй, да смотри осторожней. Копы хоть и уехали уже, но хрен его знает…

Винс ушёл, а Джилл налила себе ещё стаканчик виски и подошла к окну:

— Новая раса значит… секретный проект… ну–ну… вот мне

интересно, может и Шерлиан тоже как его, блин… альфа? Неа, непохоже. Этот вон какой здоровенный, даром что мальчишка совсем, да и клыки, ох. ть можно! А Шерлиан… нет, о нём лучше не думать, чтобы снова не расстраиваться…

***

— Ни хрена не понимаю! — Шерли раздраженно откинулся на спинку высокого стула, оторвавшись от окуляра микроскопа.

Шёл второй час нашего пребывания в криминалистической лаборатории, где Шерли изучал результаты экспертиз с двух предыдущих мест преступления, хмурясь всё больше и больше. Сейчас он сидел над мазком взятым у последней жертвы, а если точнее- изучал сперму насильника–убийцы.

Мы со Стивом оторопело уставились на него, разинув рты от удивления. Было чему удивляться! Во–первых, Шерли вообще не ругался. Никогда! Во- вторых — он чего–то не понимает?!

— Шерли, — осторожно начал Стив, по–прежнему таращась на него, — что именно ты не понимаешь?

— Это невозможно! Все улики говорят за, что там был человек, а это…это не человеческий биоматериал.

— В каком смысле? А чей же тогда?

— Это сперма волка… — он закрыл глаза, словно сверяясь с данными со своего диска, — да, точно, волка. Хотя, есть и малая толика аминокислот, свойственная только человеку. И характер повреждений всех трёх жертв, указывают на то, что там поработал зверь. Я не понимаю, как такое может быть- две совершенно разные сущности в одном теле?

— Может быть это оборотень? — брякнула я и Шерли со Стивом тут же уставились на меня как на дурочку.

Стив укоризненно покачал головой, а Шерли выдал:

— Анита, хватит молоть всякие глупости! Мы не в мире Толкиена. Какие оборотни?! Такого вида в природе не существует.

— Ну я не знаю, вообще–то очень даже похоже.

— Анита…

Видимо Шерли хотел сказать очередную колкость относительно моих умственных способностей, но не успел. Дверь открылась и в лабораторию вошёл Майк в сопровождении двух людей, очень напоминающих секретных агентов. Прямо как в кино, честное слово! Одинаковые костюмы, совершенно незапоминающиеся лица, а взгляд… б–р–р…

— Инспектор, будьте любезны, передать дело мистеру

Смиту, — вежливо поздоровавшись со всеми произнес мистер Эймс, указывая на человека, стоявшего справа от него, — отныне это не ваша головная боль. Им займутся спецслужбы…

— Но почему?.. — возмущённо перебил отца Шерли, вскакивая со стула.

Я тихонько стояла у стены, делая вид, что меня вообще тут нет.

— Шерли, ты мне нужен! Поэтому, пусть Арвен отвезёт Аниту домой, ты приедешь позже. Где он кстати?

— Заправляться уехал. У нас бензин кончился.

— Значит, Анита дождётся его с инспектором.

— Нет. Она поедет с нами.

— Это невозможно.

— Отец!

— Нет, я сказал! Там, куда мы едем, для неё небезопасно.

Я начала тихо злиться. Да что ж это такое! Почему они всегда всё решают за меня?! Я им что — пустое место?! Только я собралась высказать всё что думаю по этому поводу, как Шерли развернулся и подошёл ко мне. Склонился и, взяв в ладони моё лицо, прикоснулся губами к моим губам, почти невесомо пробегаясь по ним языком, словно проверяя границы дозволенного. А потом…. Ох, что это был за поцелуй! Мягкий, нежный, с ноткой едва заметной робости, лёгким оттенком только что выпитого кофе и сладкий как моё любимое земляничное варенье! Я отвечала ему, чувствуя, как меня затапливает волна счастья, нежности и любви. Он отстранился, напоследок поцеловав краешек губ и тихо шепнул:

— Я скоро вернусь.

О боже! Наш первый поцелуй… он был как сказка, как ожившая мечта! Меня целовали тысячу раз, я целовала… но этот поцелуй был не похож ни на один прежний. Самый лучший, самый–самый…поцелуй любимого…

Я открыла глаза, спускаясь с небес на грешную землю. Выражение лиц присутствующих, это отдельная тема. Стив умильно улыбался. Вернувшийся Арвен стоял, вцепившись в ручку двери и глаза его подозрительно блестели. Майк сиял как рождественская ёлка. Даже спецагенты улыбались. Не знаю почему, но я смутилась и уткнулась носом в грудь Шерли. Он обнял меня, прижимая к себе:

— И чего уставились? Никогда не видели, как люди целуются? — раздался сверху его возмущённый бас, — могли бы и отвернуться для приличия.

— Шерли, не надо, — шепнула я, — ты иди. Я буду очень ждать тебя! Очень–очень!

— Ты моя. Я… — Он не договорил, резко отпустил меня и отошёл к отцу. — Арвен, присмотри за ней.

— Обязательно, Шерли! Не волнуйся.

Все вышли, оставив нас с Арвеном.

— Что? — спросила я, видя, как он до сих пор улыбаясь разглядывает меня, словно я диковинная зверушка.

— Ничего. Просто… спасибо тебе…

Глава 13

Джилл подъехала к старому дому на побережье уже после полуночи. Несмотря на глухой час, в окнах горел свет, её ждали. Затормозив у крыльца, она достала из сумочки французские духи и не задумываясь вылила на себя весь флакончик.

— Господи, ты что в духах искупалась? — спросил поднявшийся навстречу Винс, когда она вошла в комнату.

Сидевший в кресле Ларс поморщился и чихнул.

— Парфюмерную лавку ограбила, — огрызнулась Джилл, проходя в комнату и садясь напротив парня. — Это просто меры предосторожности. А то я к спариванию готова, забыл? — ехидно присовокупила она, в упор глядя на юношу. Тот смутился и отвёл глаза. — Ну что, Ларс, познакомимся? Меня Джиллиан зовут. Для друзей просто Джилл. Твоё имя я уже знаю. — Она решительно протянула руку, и мальчишка осторожно пожал кончики пальцев.

Ларс немного помялся, а затем потянулся к лежащему на столе респиратору.

— Что такое? Я вылила на себя целый флакон дорогущих духов, а ты всё равно меня чуешь?

— Да.

— Ничего себе! — Джилл переглянулась с Винсом, — почему?

— Ваш природный запах, ну… когда Ваш организм готов к оплодотворению, Вы… пахнете как ветка цветущей сакуры… — пробормотал парнишка краснея, — Ваши духи только подчеркнули его.

— О Боже! — Джилл закатила глаза, — эти духи с ноткой сакуры, были её любимыми. Неужели она выбрала их неосознанно, опираясь только на инстинкты?

— Возможно, это ваш любимый парфюм. Вы выбрали его для себя, даже не подозревая о том, что сами пахнете как японская вишня. — подтвердил Ларс её догадку.

— И что же нам теперь делать? — спросила Джилл отодвигаясь. — Мне необходимо поговорить с тобой.

Парень улыбнулся, обнажая белоснежные клыки. Его улыбка, больше напоминала оскал.

— Не волнуйтесь, Джиллиан, я надену вот это, — он показал на зажатый в кулаке респиратор, — к тому же Винс дал мне успокоительное…

Джилл перевела вопросительный взгляд на любовника.

— Ничего особенного, просто отвар аптечной ромашки с пустырником, — пожал тот плечами, — меня мама в детстве поила.

… — и я не такой уж зверь, чтобы совсем не контролировать свои инстинкты, — закончил Ларс, натягивая на лицо респиратор.

— Я бы так не сказала, — возразила Джилл, — учитывая твои подвиги и нашу первую встречу.

— Джилл…

— Что?! Отстань, Винс! Подвинь лучше стул и садись рядом. На всякий случай. Ну что, Ларс, надеюсь ты сумеешь продержаться полчаса и не наброситься на меня.

— Я смогу и дольше, — глухо прозвучало из–под респиратора. — Теперь, когда Винс так близко от Вас. Он Ваш партнёр, верно? Не истинная пара, но…

— Что значит — истинная пара? А, впрочем, давай–ка всё по порядку, а то я запутаюсь.

— Хорошо.

— Итак. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, что за проект, кто им руководит и что ты из себя представляешь? Ты мутант?

— В какой–то степени — да. Я точно не знаю, что за проект. Адам знает. Он однажды пробрался в кабинет отца и читал документы.

— Отца?

— Да. Мы его так называем. Это он нас создал.

— И как же зовут твоего отца, Ларс?

— Николас. Его зовут Николас Сандерс.

— Сандерс?! Всемирно известный учёный — генетик! — воскликнул молчавший до этого Винс. — Но он же погиб в авиакатастрофе двадцать лет назад. Я помню. Об этом тогда все газеты писали. Он летел тем же самолётом, что и твои…

— Видимо, не погиб. И вообще, заткнись! Продолжай, Ларс. Что значит — он вас создал?

— Ну, Адам сказал, что мы… наполовину волки… Что–то связано с генетикой. Я не знаю. В основном это касается репродуктивной системы. Адам читал, что отец хотел создать новую расу. Чтобы люди всегда находили себе истинную пару и были верны друг другу…

— Зачем?

— Я не знаю. Правда.

— Значит ты — альфа. Что это значит?

— Все особи мужского пола — альфы. Женского — омеги. У нас.

— И где же твоя истинная пара? Раз ты альфа, где–то же должна быть омега, так? Так. Ты что, таким вот жутким способом вычислял свою истинную пару?

— Нет. Я знаю свою омегу. Просто она ещё слишком мала.

— Ах вот в чём дело! Значит, тебе до усрачки захотелось

потрахаться, пара твоя ещё под стол пешком ходит, и ты решил порезвиться в одиночку?

— Нет, что Вы! Я… просто растерялся… в мире столько запахов…, столько… я…

Парень начал нервничать и Джилл боясь, что он сорвётся, подняла руку в успокаивающем жесте.

— Спокойно, Ларс! Никто тебя ни в чём не обвиняет. Я всё понимаю — незнакомый мир…ты просто запутался, да?

— Да.

— Хорошо. И сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Кто такой Адам?

— Он один из нас. Николас, его настоящий отец. Он самый старший и у него уже есть пара. У них скоро маленький будет.

— У-у. Надо же. Рада за них. И много вас таких?

— Не очень. Взрослых, таких как я, всего шестеро. Остальные дети ещё. А вообще нас двадцать альф. И столько же омег. Отец хотел дождаться, когда Энн — пара Бена, самого младшего из нашей группы, сможет повязаться. Тогда он бы создал из нас небольшую колонию, чтобы мы могли жить среди вас. Но мы сбежали…

— И как интересно… погоди–ка…ты сказал- вы?

— Да. Но всех поймали. Кроме меня.

Джилл вздохнула с облегчением.

— И как же вы умудрились сбежать? Вас же, наверное, охраняют покруче пресловутого инопланетянина из Розуэлла.

— Нам Адам помог. Он очень умный.

— А зачем убежали–то? С вами плохо обращались?

— Нет, что Вы! Просто там всё время одно и тоже. Скучно жить, запертыми в периметре, зная, что за стенами Базы целый мир. У нас есть интернет, но любая связь заблокирована. Мы можем только смотреть.

— Ты грамотный?

— Конечно! Нас учили и воспитывали как обычных детей. Нам же предстоит жить в вашем обществе.

— А если ты захочешь поиграть в какую–нибудь компьютерную игру?

— Мне её обязательно установят.

— А если онлайн?

— Это запрещено.

— Понятно. Видимость свободы. Мистера Эймса знаешь?

— Майка? Да, знаю.

— Он тоже участвует в экспериментах?

— Нет. Он приезжает. Очень редко. Адам сказал, что он

просто куратор от правительства. Он очень хороший человек. Очень! Добрый.

— Серьёзно?

— Да. Малышам всегда подарки привозит. И нам тоже. Только когда он с нами, почти всё время грустный. Не знаю почему. Вроде бы улыбается, шутит, а глаза всё равно грустные. И душа его будто плачет. Мы немного можем чувствовать чужие эмоции.

— Мистер Эймс–то хороший? Ну это кому как. А Шерлиана знаешь?

— Кого?

— Ну, Шерлиан. Ростом чуть пониже тебя, только не такой здоровый, в смысле не качок. Весь из себя стройный, гламурный, словом — красавчик и умница! «Кудряшка Сью» такой. Знаешь?

— Нет. А что такое «гламурный»?

— А, забудь. В общем ладно. Суть я поняла. Дальше сама разберусь. Короче так, Ларс. Пока здесь поживёшь. Винс вон за тобой присмотрит…

— Джиллиан, — перебил её Ларс, — а Вы не могли бы помочь мне вернуться. Я домой хочу.

— Что, нагулялся?

— Угу.

— Обязательно, малыш! Сделаю всё что в моих силах. Но чуть позже, согласен? Пока нужно отсидеться. Тебя ищет вся полиция. И не дай бог найдут. Им ведь по фиг, что ты не такой как мы. Альфа, омега, им же по барабану. Упекут в тюрягу, так там из тебя самого в два счёта омегу сделают. Поэтому слушайся тётю Джилл и не высовывайся. А там разберёмся по обстоятельствам. В общем, я пошла. Пока, мальчики. Не ссорьтесь тут без меня.

***

Проводив Джилл Винс вернулся в комнату. Ларс уже стянул респиратор и теперь сидел, задумчиво вертя его в руках:

— Зачем тебе мисс Джиллиан? Вы не подходите друг другу, и она… — парень помедлил, — …она не очень хороший человек. У неё довольно привлекательная внешность, но внутри…это… как гнилое яблоко. Я не могу объяснить, но Винс, если ты и дальше будешь с ней, эта женщина тебя погубит.

В глубине души Винс понимал, что парень прав, но бросить её было выше его сил. Он был старше её почти вдвое и помнил Джилл совсем девочкой, которой сходили с рук все её далеко не

невинные проказы и ему казалось, что она всегда был такая — не весёлым, беззаботным ребёнком, а злобной маленькой фурией. И с возрастом всё стало только хуже. Даже её дед — покойный Максимилиан вынужден был признать, что за ангельской внешностью милой блондинки с небесно–голубыми глазами скрывалось исчадие ада! Наделённая недюжинным умом, невероятно хладнокровная и изобретательная Джилл умело пользовалась природными данными, усыпляя бдительность врагов и конкурентов, чтобы потом ужалить беспощадно и смертельно. Многие, кто купились на лучезарные улыбки и сладкие речи этой демоницы во плоти, теперь кормили червей, а остальные, наученные горьким опытом своих несчастливых товарищей, просто боялись с ней связываться. Даже сейчас, когда любовно созданная её дедом империя рушилась буквально на глазах. И всё из–за этого чертового мальчишки Шерлиана, которого Винс ненавидел всей душой и которому при первой же возможности свернул бы шею.

— Мне кажется, или ты лезешь не в своё дело, а, Ларс? В первую очередь, эта мисс мой работодатель, а уж потом всё остальное. И откуда тебе, щенку малолетнему знать о том, что я к ней испытываю?

— Почему же? Я знаю. Ты её хочешь. Она привлекает тебя.

— Много ты понимаешь, бестолочь. Я люблю её!

Винс действительно безумно её любил и готов был простить всё что угодно, только бы не прогоняла. Это было невыносимо унизительно, но ничего другого, он знать уже не хотел. Прикосновения к Джилл, шелк её кожи, её хрупкость наполняли Винса такой неистребимой нежностью, что хотелось плакать. Это ему–то! Её ладное тело было для него источником наивысшего наслаждения. Но источником, не утоляющим жажду.

Винс желал любви, взаимности, единения, а получал только секс. Секс, от которого он

каждый раз практически умирал.

А Джилл просто милостиво позволяла ему любить себя, она ему доверяла как никому другому и за это он готов был отдать жизнь. Иногда он сравнивал себя с большой преданной собакой, которая, если надо, повиляет хвостом, но стоит только сказать: «фас» не задумываясь разорвёт на части любого.

После появления Шерлиана в их жизни, Джилл стала совершенно непохожа на себя прежнюю и Винс вынужден был признать, что этот потерянный вид, эта нездоровая бледность, круги под глазами от не проходящих бессонниц — всё это признаки того, что сжирает его самого. Безысходность неутолённой страсти.

Винс задыхался от бешенства и бессилия, понимая, что день за днём безвозвратно теряет её. Она часто куда–то пропадала одна и после этих странных исчезновений становилась совершенно неуправляемой в сексе, позволяя себе порою немыслимые вещи. И как бы не сгорал Винс от пожирающей его страсти, ему хотелось бежать без оглядки от этого многочасового безумия. А ещё ему хотелось медленно и вдумчиво порезать на ленточки эту бездушную тварь, этого холодного ублюдка, который заставлял так страдать его любимую женщину.

***

Майк привёз сына на базу, где жили альфы прямо из лаборатории. Он не знал точно согласится ли Шерли помочь ему, но всё же сделал временный пропуск, который к счастью пригодился. После случившегося побега, охрану удвоили, и чтобы оправдаться в глазах представителя правительства, без пропуска сейчас не пропустили бы и самого господа бога. Даже в сопровождении Майка.

Шерли в своей обычной манере ходил по объекту, осматриваясь, принюхиваясь, время от времени зависая в одной точке, и Майку казалось, что он слышит, как работает жёсткий диск в его голове, собирая и запоминая новую информацию.

То, что Система чуть отступила, ещё не говорило о том, что можно почивать на лаврах и ничего не делать. Всё могло стать только хуже. Или лучше. В зависимости от ситуации. С момента гормональной бури прошло слишком мало времени. Уровень гормонов в его организме всё ещё был критическим. Фигурально выражаясь, Шерли сейчас был как взведённый пистолет. Куда и когда выстрелит неизвестно. Майк был намерен сделать всё возможное, чтобы выстрел прозвучал в нужную сторону. И тогда может быть они смогут одержать ещё одну маленькую победу. Его сегодняшний поцелуй с Анитой, был лишь крошечным шажком, от которого у Майка чуть сердце не остановилось от счастья. Поцелуй… Казалось бы, ну что в этом особенного? Для всех людей в мире, это такая обыденность, к которой давно привыкли и почти не обращают внимания. Но ведь его мальчик необычный. Не такой как все. Каждый шаг, сделанный Шерли навстречу эмоциям, давал ему надежду. Майк понимал, что сын никогда уже не станет настоящим человеком, но примирить человеческую сущность с машиной, заставить их не противостоять, а сотрудничать теперь было возможно. И Майк не собирался эту возможность упускать.

Он спокойно наблюдал за Шерли и насторожился лишь тогда, когда к нему приблизился Адам. Парни замерли в нескольких шагах друг от друга, наблюдая и оценивая. Два совершенно противоположных существа. У одного гениальный разум, у другого почти животные инстинкты. Майк стоял в метре от них ничего не предпринимая и позволяя им познакомиться.

Адам принюхался оскаливаясь. Радужка Шерли позеленела — Система искала и не находила аналогов существа, стоявшего напротив. Казалось, ещё немного, и он бросится вперёд.

— Шерли, это Адам, — стараясь сохранять спокойствие тихо сказал Майк. Но так, чтобы слова дошли до его человеческого «Я». — Он альфа. Тот, ради которого ты здесь.

Шерли немного расслабился, его поза уже не была столь угрожающей.

— Адам, — так же спокойно продолжил Майк, обращаясь уже к альфе, — это Шерли. Мой сын. — Майк не мог сейчас лгать или изворачиваться. Было слишком опасно.

— Шерли, — повторил за ним Адам, сделав шажок в его сторону и ещё больше принюхиваясь. — Он не такой как ты. Почему?

— Ты прав. Он не такой, но всё равно он мой сын.

Шерли стоял, склонив голову набок и не делая попыток отступить. Даже когда Адам почти вплотную подошёл к нему и склонившись к его макушке, шумно втянул носом воздух, он лишь слегка дёрнулся, сжимая кулаки, но по–прежнему оставаясь на месте.

— Ты не альфа, — сообщил ему Адам, отступая, — но и не человек. Кто ты?

— Я Шерли.

— Это твоё имя. Твой природный запах перекрывает какой–то другой. Не могу понять. Так пахнет компьютер в кабинете отца или мой ноутбук. Человек не может так пахнуть. Кто ты?

— Система. — Шерли ткнул себе пальцем в лоб, — здесь. Да. Компьютер.

Адам непонимающе обернулся к Майку.

— Он тоже проект? Как и мы?

— Нет. — неожиданно сказал Шерли, — я ошибка. Его. Он не виноват. Хотел помочь.

Майк насторожился. Слова сына звучали очень отрывисто, словно он снова слышал только команды. Словно сейчас за него говорила Система. Но говорила очень странно. «Не виноват». «Хотел помочь» …

Адам снова шагнул к Шерли и обнял его, утыкаясь носом в макушку.

— Ты хороший, — он слегка отстранился и посмотрел Шерли в глаза. — И очень красивый. Твой природный запах такой вкусный. Яблоки и корица. Тебе нужна пара, Шерли. Очень нужна. Я чую это. Найди её. Обязательно! И тогда всё будет хорошо. Ты не такой как мы. Но ты один из нас. У тебя почти нет того, что в избытке у меня. Ты другой, как и я. Найди свою пару. Разбуди то, что дано тебе природой и тогда здесь, — Адам провёл ладонью по кудрявой голове, — наступит равновесие.

Затаив дыхание Майк следил за ними, мысленно поражаясь, как мог девятнадцатилетний юноша, почти мальчик и наполовину зверь понять, что именно нужно сделать?! Может быть потому, что он был очень близок к Природе? Майк не знал, да и не очень хотел сейчас разбираться в этом. Главное — Шерли его слушал. Не отстранялся как обычно, не сопротивлялся. Просто стоял, прижавшись к его груди и слушал.

Наконец, Адам разомкнул объятия и отошёл. Шерли улыбнулся и протянул руку.

— Спасибо, Адам.

— Пожалуйста, — серьёзно ответил тот, пожимая протянутую ладонь, — помни что я сказал. Яблоко и корица. У вас должен быть одинаковый запах. Ищи её. Ты можешь не почуять, но сердце тебя не обманет. Слушай своё сердце, Шерли.

Адам ушёл, а Шерли ещё довольно долго стоял неподвижно и смотрел ему вслед.

— Шерли, — осторожно окликнул его Майк.

— Да?

— Нам пора. Пошли в офис. Я покажу тебе документы.

— Да, отец. — Он встряхнулся, словно очнувшись от наваждения и проследовал следом за ним в сторону приземистого строения.

***

… — Это твой проект? — Шерли захлопнул последнюю папку и посмотрел на отца.

— Нет. Я в нём не участвовал. Только курировал, как представитель правительства. Мне предлагали возглавить проект на пару с его создателем, но я отказался.

— Почему?

— Ты знаешь.

— Из–за меня?

— Да. Мне хватило. Мне очень нужна твоя помощь, Шерли! Ларс… он совсем ещё мальчик.

— Ну да, мальчик. Однако юность не помешала ему зверски расправиться с девушками.

— Шерли, пойми, он просто попал в необычную для себя среду. И не смог сдержать свою звериную сущность. Их всех ещё этому обучать и обучать, а уж потом выпускать к людям.

— Этот проект чудовищный! Они… ещё хуже, чем я. Адам конечно хороший, но всё равно он — наполовину зверь. Чем думали люди, одобрившие его?

— Я не знаю, сынок. Знаю только одно, Сандерс хотел, как лучше. Очистить наш мир от пошлости и разврата, чтобы создавались истинные пары, семьи. Чтобы матери не бросали своих детей, чтобы…

— Ладно. Предположим, что эксперимент удался и что дальше? Что делать обычным людям, среди всех этих альф и омег? Учитывая, что новая раса в разы сильнее физически? Адам, живой пример тому. Да они же просто уничтожат человечество! Порвут на части, как Ларс. Ведь пока альфа не найдёт свою истинную пару, он волен делать всё что пожелает, я правильно понял? Всё это ещё хуже, чем война, отец! Так нельзя! Нельзя идти против Природы.

— Я это знаю, мой мальчик. Как никто другой. Поэтому я изначально был против. Но в то время, у меня ещё не было такой власти, какая есть сейчас.

— Тогда почему ты до сих пор не закрыл его?

— Проект закрыли шесть лет назад. Но дети–то остались. Что прикажешь делать с ними? Убить? Или выпустить в джунгли, пусть живут как Маугли?

— Ещё час назад, я бы сказал, что их нужно убить. Сейчас… не знаю.

— Ты поможешь нам найти Ларса?

— Да. Но у меня будет одно условие.

— Какое?

— Научи меня любить, — Шерли взглянул на него исподлобья и покраснел.

— Э–э–м-м…Понимаешь, сын, этому нельзя научиться. — Майк поначалу даже не понял о чём речь, — Оно приходит само, из самой глубины твоего сердца…

— Я в курсе, что такое любовь. У меня есть глаза и уши. Я много читал и слышал, но сейчас имел ввиду плотскую сторону отношений.

— Что?

— Я хочу научиться заниматься сексом. Так понятней?

— О боже! Шерли, да нет ничего проще…

— Угу. Для тех, кто постоянно им занимается.

— У всех бывает первый раз. Тело и разум сами все подскажут тебе. Просто слушай их.

— Сколько тебе было лет, в твой первый раз, отец?

— Э–м–м, пятнадцать… вроде бы. Я точно не помню.

— А твоей партнёрше? Столько же?

— Примерно. Может, чуть старше.

— Мне двадцать шесть. Чувствуешь разницу? И она не сопливая малолетка. Не хотелось бы выглядеть идиотом в глазах…

— Аниты, — закончил за него Майк. — Вот именно потому, что Анита уже взрослая девочка, она и не станет тебя упрекать. Ни в чём. Поверь мне.

— Я знаю, что Анита ничего не скажет. Но я сам так не хочу.

— Господи, Шерли! Я тебя не понимаю. Ты хочешь женщину…

— …Аниту…

— …да. И, ты сразу же желаешь выглядеть в её глазах опытным любовником что ли?

— Да.

— Сохранив при этом свою невинность для неё.

— Да!

— Так не бывает.

— Почему?

— Потому что для этого нужна практика. Которой у тебя нет.

— Вот я и хочу, чтобы она у меня была.

— Что–то я совсем запутался. Ты что, хочешь, чтобы я вызвал тебе проститутку?

— Нет конечно! Господи! — Шерли схватился за голову, — да что ж ты такой непонятливый, папа!

Майк замер, забыв, как дышать. Шерли назвал его папа?! Папа! Впервые за двадцать лет! Не отец, не Майк, а папа. Он уже и забыл какое это тёплое и домашнее слово.

— Что с тобой?

— Как ты назвал меня?

— Папа, а что?

— Ничего.

— Вот и не отвлекайся.

— Шерли, сынок, я правда не понимаю…

— Мне нужно это увидеть. Ну, что и как правильно делать.

— Так в сети же таких сайтов уйма!

— Там только грязь и мерзость! Меня чуть не вырвало. Ужас!

— Ну да. Может быть. Я как–то не подумал, прости. Так, постой, до меня вроде бы дошло. Ты хочешь увидеть, как занимаются сексом в режиме реального времени?

— Именно!

— Нет ничего проще. Сейчас я позвоню одной знакомой даме…

— Никаких борделей, папа!

— А где тогда?

— В твоём доме. Партнёршу можешь выбрать сам.

— А партнёр?

Шерли в упор смотрел на него, и на какое–то чудовищное мгновение, Майку показалось, что он назовёт его.

— Арвен, — выпалил Шерли и замер, ожидая его реакции.

— Ты с ума сошёл! Он никогда на это не согласится!

— А ты попытайся уговорить его.

— Почему именно он?

— Потому что он самый близкий мне человек, после тебя. Я имею ввиду мужчин. Мне будет легче расслабиться и представить себя на его месте. С чужаком у меня ничего не получится. Чтобы создать подобную папку, нужно визуальное наблюдение.

— Но, Шерли, обычные юноши с этим как–то сами справляются. Без всяких дополнительных данных.

— Меня довольно сложно назвать обычным юношей. Учитывая то, что у меня в голове. Не находишь? И к тому же, я это делаю не ради собственной прихоти. Система отступила немного. Но ты сам сказал, что она по–прежнему всё контролирует. Поэтому нужна информация. Иначе может случится всё что угодно. Я должен быть уверен, что во время любовного акта не оторву ей голову только потому, что Систему переклинит из–за нехватки данных. Не забывай, я по–прежнему такой же монстр, как Адам и Ларс. Может, чуть получше. Но всё равно.

— Ты не монстр, сынок. Теперь уже нет. Я же говорил…

— Отрадно слышать. И тем не менее, я хочу быть уверен. Так что это моё условие. Уговоришь Арвена, и я найду тебе Ларса.

— Хорошо. Я попробую.

— Тогда прикажи своим людям отвезти меня к Аните. Я передам Арвену, что ты хочешь его видеть. — Шерли поднялся с дивана, на котором сидел всё это время и подойдя к нему, чмокнул в щёку.

— Пока, папа.

Он вышел, а Майк ещё долго сидел уставившись в одну точку и прижимая ладонь к щеке, как будто пытаясь сохранить тепло, оставшееся после лёгкого поцелуя Шерли.

Глава 14

— Ты совсем что ли е……я, Майк? Я никогда в жизни не буду этого делать! — Арвен в ярости бегал по его кабинету, сшибая стулья и размахивая полупустым стаканом.

— Арвен, пожалуйста!

— Да хоть препожалуйста! Как тебе только такое в голову могло прийти! Я тебе что — грёбаный актёр из дешёвой немецкой порнухи?!Я профессионал между прочим! Который в один прекрасный день забил на свою карьеру, чтобы стать нянькой сыну лучшего друга! Который хрен знает сколько лет носится с вами как последний придурок и вот твоя благодарность?! Я делал для вас многое, Майк! Я убивал за тебя и Шерли. Я готов жизнь за вас отдать, но это… нет!

— Арвен…

— За что ты так со мной?

— Арвен, пожалуйста, выслушай меня. И тогда ты поймёшь…

— Что я должен понять? Что ты просишь меня трахнуть какую–то тёлку на глазах Шерли?! Прощай, Майк. Забудь, что у тебя есть друг по имени Арвен. — Он аккуратно поставил на стол стакан и направился к двери.

Уже выходя, он услышал тяжёлый вздох, почти стон, но всё равно упрямо хлопнул дверью.

Арвен сидел на террасе маленького прибрежного паба, сохранившегося ещё со времён их далёкой юности и пытался разобраться в себе. Он приехал сюда сразу же после разговора с Майком, заказал виски со льдом и теперь, приканчивая третий стаканчик, жалел о том, что сорвался. Хлопнул дверью, совсем не умея держать обиды на человека, из–за которого ничего не мог поменять в своей жизни. Сейчас Майк был далеко и не мешал ему прощать его и думать о возвращении к тому, что за столько лет они с ним перевидали, перепробовали, и через что прошли вместе. Они оба давно уже перешагнули рубеж за которым ни ему, ни Майку больше никогда не выпадет такая дружба, которой Арвен попробовал сказать: «Больше не могу». Остро пахло морем и волны, бившиеся о волнорез отсчитывали минуты его подчинения душевному равновесию и воспоминаний.

Можно конечно притвориться перед самим собой, проповедуя свою непоколебимую жизненную установку — из любого события выносить лишь опыт. Но никакое притворство не вытравит из памяти воспоминания, никакое притворство не заставит выжечь дружбу и привязанность. И установка даст трещину. И тогда поймешь, что нельзя просто забыть. Можно лишь сделать выбор,

убедив себя что другого не было, что это и есть самое правильное, единственно верное решение и жить с ним.

Арвен уже и сам не помнил, когда дружба с Майком превратилась для него в нечто большее. Это было сродни одержимости; защищать и оберегать того, кто стал для него ближе родного брата, которого у него никогда не было. Ибо для него, могущественный и влиятельный Майк Эймс, один из самых опасных людей в государстве, навсегда остался тщедушным маленьким мальчиком, которого однажды он — Арвен Миллиган нашёл заблудившимся в лесу и привёл домой.

Они были ровесниками, но Арвен был намного крупнее и сильнее единственного отпрыска местного аристократа Уильяма Эймса. Никто из взрослых тогда не мог понять, что общего могло быть у худенького очкарика Майки с задирой Арвеном — сыном местного шерифа, но с тех пор они стали неразлучны, переплетая свои судьбы в тугой клубок. К пятнадцати годам, Майк как–то незаметно превратился из невзрачного замухрышки в очень симпатичного тоненького как былинка кареглазого юношу у которого от поклонниц отбою не было. Арвен, которого вся школа называла не иначе как «викинг» за его стать, белокурость и голубые глаза, тоже не отставал от друга и в одночасье они превратились в самых популярных парней. Что, однако не помешало Майку с блеском закончить в школу и поступить в самый престижный университет. Бывали конечно прецеденты, когда их принимали за геев, но пара «задушевных» разговоров от Майки, и хорошая трёпка от Арвена, быстро вправляла мозги сомневающимся в их ориентации гражданам.

Учёба в военном институте и дальнейшие командировки, разлучили друзей на долгие годы. Часто Арвен находился там, откуда даже письмо написать было проблемой, но они всё равно любыми путями старались послать весточку друг другу. Когда Арвен узнал о гибели супруги Майка, он не смог быть рядом. Служба в элитном подразделении, постоянные командировки в горячие точки, кровь и смерть, вот что окружало его все эти годы. Он даже женился впопыхах, между делом и то только потому, что его подружка некстати залетела. Арвен был ответственным человеком, отказываться от ребёнка не собирался и был безмерно благодарен судьбе за маленькое солнышко по имени Дана, которую подарила ему супруга. Они виделись редко и Арвен так и не смог по–настоящему полюбить жену, но свою дочку он обожал до умопомрачения. Когда чудовищный врыв унёс их жизни, он просто слетел с катушек, уйдя в длительный запой и только безупречный до этого послужной список и понимание начальства позволило ему остаться на плаву и не вылететь из армии. В таком

плачевном состоянии и нашёл его Майк. Они тогда проговорили всю ночь и Арвен, думавший, что уж у благополучного во всех смыслах Майки всё должно идти как по маслу, узнал о его трагедии. Он согласился на предложение Майка не раздумывая и уже через месяц уйдя в отставку, стал личным телохранителем Шерли.

Арвен расплатился за выпивку и побрёл вдоль полосы прибоя, пытаясь осмыслить, почему он здесь? Почему уехал. Ведь он уже принял решение, едва взглянув в потерянное лицо лучшего друга. Сейчас он чувствовал себя странником, который в наивных поисках затерянного рая, нечаянно удалился в пустыню, еще раз убедившись, как прочно и привычно счастлив был там, откуда надумал изгнать себя. Понял, сколько всего придется зачеркнуть и разрушить, чтобы прижиться в покое, осознал, как категорически не хочет втягиваться в существование без Майки. Ему совсем не нужен был рай. Он ещё мечтал пожить по–человечески.

***

Он вернулся в дом Майка, когда на небе уже зажглись звёзды. Тихо вошёл в кабинет, обнаружив его хозяина по–прежнему сидящим за столом. Майк сидел неподвижно, обхватив голову руками и уставившись в стол. Как будто всё время, что Арвен провёл в прибрежном пабе, затаив дыхание ждал его решения. Потому что знал — он вернётся. Но стоило ему появится на пороге, как Майк встрепенулся и поднял на него глаза полные надежды и застарелой боли. И впервые в жизни, Арвен почувствовал злость на Шерли, этого бездушного засранца, который даже не подозревает, как больно может ранить близких людей.

Он подошёл к другу и взяв его за руку отвёл на диван. Протянув ему стакан с виски, Арвен тяжело вздохнул и спросил:

— Вот скажи мне, есть ли хоть что–то, на что бы ты не пошёл ради сына?

— Не знаю.

— Ты придурок, Майки! — Арвен присел рядом и притянул его к себе за плечи по- дружески обнимая. — Ты настолько погряз в собственной вине, что уже и сам не знаешь на что подписываешься. А если бы он тебя попросил? Ты бы согласился?

— Он бы не попросил. Знаешь, сегодня он назвал меня папой. Соглашайся, Арвен, пожалуйста!

— Ох, Майки, Майки! Как же с тобой трудно–то, а? Видел бы

тебя сейчас кто–нибудь из твоего окружения. Да разве ж кто поверил бы, что холодный и расчётливый Майкл Эймс, может быть таким как ты сейчас.

— Да уж…

— Мы с тобой два старых дурака. Идём на поводу у мальчишки!

— Если бы это был обычный мальчишка, я, наверное, давно бы уже дедом стал. Он бы и без нас со всем справился. Лет этак в пятнадцать. Как мы с тобой. Помнишь, как мы зажигали?

— Угу.

— Но я сломал ему жизнь…

— Хватит, Майк! Не начинай.

— Ты согласен?

— Да. Но с условием.

— И ты туда же!

— Всё произойдёт в моей квартире.

— Как скажешь.

— Ну я пошел?

— Да.

— Подружку–то хоть можно самому подыскать?

— Сколько угодно.

— Со временем как?

— Плохо. Ларса нужно найти в кратчайшие сроки.

— Понял. А что с Анитой делать? Пока нас с Шерли не будет?

— В доме чёртова уйма охраны! Что с ней может случиться за каких–то пару часов?

— И всё же?

— Я пришлю к ней Инесс. Ты так о ней печёшься.

— Просто, если бы не тот взрыв…моя Дана была бы сейчас всего лишь на пару лет моложе. Анита напоминает мне дочь. Поэтому я соглашаюсь на это не только ради Шерли, но и ради неё. Всё, я ушёл.

— Погоди. Вот держи. — Майк протянул другу небольшую капуслку. Добавишь в вино своей подружке.

— Что это?

— Новейшая разработка моего биохимика. Вызывает краткосрочную амнезию. По крайней мере три часа выпадут из её памяти. Нам ведь не нужны лишние сложности, верно?

— Верно. Пока, старый интриган.

Арвен сел в машину и задумался. После того как этическая сторона вопроса была более–менее улажена, моральная интересовала его меньше всего — за свою жизнь ему приходилось делать вещи и похуже, чем занятие сексом в присутствии кого–то ещё. Да и тройничок был ему не в новинку. Другой вопрос, что

этот «кто–то» Шерли — мальчик которого он знал с детства и любил как собственного сына. Но с этим Арвен надеялся справиться, тем более что он будет только смотреть. Мальчику нужен опыт? Да пожалуйста. Он им поделится, получив при этом максимум удовольствия. А вот партнёршу нужно выбрать такую, чтобы она могла не только показать класс в постели, но и поделиться эмоциями. И такая женщина у него была. Кейси — прехорошенькая мулаточка, хрупкая, изящная как танагрская статуэтка, и при этом чувственная раскованная и смело идущая на любые эксперименты, поэтому он точно знал, что его маленькая просьба не будет воспринята в штыки. Они встречались не часто, но Кейси всегда дарила ему такие ночи, после которых он готов был горы свернуть. Посмотрев на часы, он решил, что звонить и огорошивать подобными просьбами в три часа ночи девушку не стоит и всё это терпит до утра.

Арвен заехал в гараж и неслышно поднялся по лестнице. Даже лифтом пользоваться не стал, чтобы не потревожить своих подопечных. Войдя в гостиную, он заметил пробивающийся через неплотно закрытую дверь в спальню Аниты приглушённый свет ночника. Видит бог, он не хотел подглядывать! Просто намеревался выключить свет. Бесшумно приоткрыв дверь он тут же её захлопнул, сползая по стенке на пол, зажимая рот ладонью, чтобы не выдать себя. Безудержный смех радости и облегчения рвался из его горла. Это было невероятно, но это было! Анита и Шерли занимались любовью! С горячностью и энтузиазмом свойственным только молодости, с жадностью дорвавшихся до живительного источника путников. И, чёрт! Как же это было прекрасно!

Понимая, что сидеть под дверями и дальше было бы верхом глупости, Арвен потихоньку убрался к себе всё ещё посмеиваясь и размышляя — сейчас осчастливить друга или подождать до утра.

***

Выйдя от отца, Шерли уселся в машину и, отгородившись от водителя шторкой, погрузился в размышления. Мысли путались между собой, и он наспех создал папку «Ларс» сложив туда свои выводы и догадки относительно этого дела, намереваясь заняться им чуть позже. Адам и его слова занимали его сейчас гораздо больше. Удивительно, но он и правда пару раз чувствовал возникающий в его доме слабый аромат яблок с корицей, при чём всегда в комнате присутствовала Анита. Он не придавал яблокам особого значения, Анита обожала эти фрукты больше всех

остальных, отдавая предпочтение крепким зелёным плодам. Шерли однажды попробовал один — кислятина, но она грызла их постоянно и их запас в холодильнике, благодаря Арвену был неиссякаем. Но корицу Анита терпеть не могла и смесь этих ароматов Шерли запомнил лишь потому, что оба раза она почему–то становилась несносной злючкой, и они здорово поссорились. Природу возникновения яблочно–коричных ароматов, Шерли намеревался выяснить в самом ближайшем будущем, ибо концепция истинных пар была не лишена смысла. Возможно именно факт, что сама его сущность выбрала её на подсознательном уровне и позволил им находиться рядом, а система не считала её потенциальной угрозой.

Шерли так увлёкся размышлениями, что не заметил, как лимузин остановился у ворот его дома и створки плавно разъехались в стороны, пропуская их.

Он вошёл в гостиную, замечая поставленный на паузу ноут и надкушенное яблоко рядом. Из кухни со стаканом воды в руке показалась Анита.

— Привет, — улыбнулась она, — что–то ты долго.

Он смотрел на неё одетую в простенькую трикотажную кофточку с маленькими пуговками и голубые джинсы и не мог оторвать глаз. Он забыл о страхе причинить ей боль, забыл о неуверенности — яркий насыщенный, прямо–таки волшебный аромат затопил его сознание напрочь выметая из головы все связные мысли, кроме одной — взять её, почувствовать, пометить, сделать своей! Шерли замер в дверном проеме, во рту у него пересохло.

— Что с тобой? — на её открытом лице явственно читалась тревога, — Шерли, тебе плохо?

— Нет, — он в два шага приблизился к Аните и кончиками пальцев коснулся подбородка не в силах отвести взгляд от её губ.

Он не обратил внимания на донесшийся откуда–то издалека звон разбившегося об пол стакана, когда их губы соприкоснулись. Его захлестнула волна тепла, прокатившаяся от кончиков пальцев ног до самой макушки, в груди зарождалось чувство, которому он не мог подобрать определения, а брюки стали неимоверно тесными, когда Анита, издав низкий гортанный стон, выгнулась ему навстречу. Один–единственный поцелуй. Всего один, и от него буквально снесло крышу. Напрочь. Шерли хотелось прикоснуться всюду, узнать, какая она на вкус, отдаться на волю расцветающему внутри пьянящему чувству, из–за которого он чувствовал себя таким живым. Прикасаться к ней, чувствовать её прикосновения было почти непереносимо и потрясающе. Теперь Шерли понимал, что хотел Аниту и раньше. Он вспомнил все те

разы, когда подавлял порыв расстегнуть пижамную курточку и прикоснуться к обнажённой груди, чтобы ощутить под пальцами шёлк её кожи. Он отмахивался от этого, списывая все на простую жажду физического контакта, свойственную людям, но теперь видел ситуацию в ином свете. Его тело всегда желало Аниту, вот только разум отказывался это признать.

И теперь тело наконец–то получало свое, жадно впитывая, анализируя каждое ощущение. Больше всего это напоминало утоление голода, первый кусок пищи, взрывающийся на языке фейерверком невероятного вкуса. Каждая клетка кричала: «Да, так, еще», и, хоть он понимал, что это всего лишь химия, ощущения не ослабевали, не становились менее потрясающими. Шерли хотел, чтобы, она плавилась в его руках задыхаясь от желания, хотел запомнить каждую деталь, все увидеть и попробовать, всё ощутить. Он хотел, оказаться внутри неё, почувствовать каждое движение. Он собирался получить все и отдать ей больше, похоронив себя и её в ослепительном удовольствии.

Одним плавным движением, он сгрёб её на руки и отнёс в ближайшую спальню. Разум и тело Шерли находились в очень странном состоянии, представлявшем собой смесь спокойствия с сильнейшим, болезненным желанием. Он сделал мысленную заметку, намереваясь позже подробно исследовать протекавшие в его организме химические процессы и взаимодействие гормонов. Сейчас, впрочем, он мог лишь удивляться тишине в голове и полной сосредоточенности на собственных ощущениях — простой, четкой и ясной. Это было как откровение. Невероятно, просто потрясающе. Как он мог не знать? Как он мог, столько лет жить без этого? То, что происходило сейчас, почти пугало. Теперь он понимал, почему один человек мог впасть в зависимость от другого, пойти на что угодно — солгать, украсть, убить — ради того, чтобы удержать кого–то рядом. Он и сам за считанные минуты стал зависимым. Вероятно, Анита чувствовала то же самое. Разве можно так прикасаться, так целовать, так стонать и не испытывать при этом того же, что и он? С другой стороны, у неё было много партнеров. Быть может, она не видит во всем происходящем ничего особенного.

Шерли отбросил эту мысль. Анита лежала перед ним, такая отзывчивая и прекрасная, всё к чему он стремился, доставить ей удовольствие, выразить восхищение и трепет, которые испытывал, лаская всеми возможными способами.

Анита открыла глаза и протянула вперед руки. Она не произнесла ни слова, позволив чувствам отразиться на лице. Шерли встретил её взгляд и обхватив запястье, ласково поцеловал

ладонь. Он навис над ней, второй направляя себя, и выдохнув подался вперед.

Несмотря на страх что у него ничего не получится, Шерли справился. Может, все дело было в том, как смотрела на него Анита, каким открытым и беззащитным, почти детским, было выражение её лица, или в том, что она вела себя с ним так, словно он и в самом деле был её самым желанным и любимым. Это был не просто секс, они занимались любовью. Всем управляло сердце, а сердце не любит спешки. Они долго не разрывали глубокого поцелуя. Внутри Анита была такой горячей и тесной, и это было великолепно, все происходило именно так, как должно было, и она гладя по его спине, дарила ему поцелуи, отстраняясь лишь для того, чтобы снова и снова шептать: «Шерли»…

Бесконечно долгое мгновение оба они, лихорадочно вцепившись друг в друга, балансируя на самом краю, а потом она всхлипнула, застыла и Шерли, оторвавшись от её губ, чтобы простонать её имя, впервые в жизни растворился в лавине удовольствия.

***

Со вздохом Шерли перекатился на кровать. Он все еще держал меня за руку, и некоторое время мы просто лежали рядом, пытаясь отдышаться.

«Ничего себе девственник!» — подумала я, вспомнив количество испытанных оргазмов и тихонько рассмеялась.

— Что кажется тебе смешным? — спросил Шерли таким тоном, словно непременно оскорбился бы, будь у него на это силы.

— Ты же понимаешь, что сведешь меня в могилу своими экспериментами? В следующий раз не надо пытаться попробовать все и сразу, у меня ведь так сердце не выдержит.

— Планируешь проводить тематические вечера?

— Что–то вроде того.

Смех постепенно растаял в послеоргазменной дымке. Его пальцы были теплыми, и все это казалось таким правильным.

Его молчание стало многозначительным, даже немного печальным и я сжала его руку.

— Все хорошо?

Шерли глубоко вздохнул.

— Я вовсе не жду, что… Если хочешь, мы можем и дальше этим заниматься. Иногда. Только когда ты захочешь. Мы могли бы просто… делать это, пока оно имеет смысл. И так долго, пока

в этом есть смысл.

К концу фразы его голос сорвался, и, замолчав, он высвободил руку и отвернулся.

У меня сдавило грудь, в глазах защипало. Господи, ну что он несёт?!

Как бы то ни было, в силу обстоятельств в моих руках каким–то чудом оказалось сердце Шерли. Я понятия не имела, когда все успело так измениться, но точно знала, что сам Шерли никому не намеревался его вручать, притворяясь, что его вовсе не существует.

— Иди сюда.

Перевернувшись на бок, я обняла его, тесно прижимаясь, и погладила по спутанным волосам.

— Ты хоть представляешь, что ты значишь для меня?

Шерли не двигался, лишь его грудь лихорадочно вздымалась и опускалась, пока он пытался справиться с эмоциями. Я гладила его по спине, убеждая, давая время успокоиться. Он облегченно выдохнул, повернулся ко мне и прижал раскрытую ладонь к моей груди, прямо напротив сердца, зная, что я все пойму, и теперь задавал безмолвный вопрос.

Моё сердце билось спокойно. Все встало на свои места, целиком и полностью. Я понятия не имела, что будет завтра, но менять что–либо было уже поздно, да я и не хотела. Бывает, что жизнь преподносит тебе дар, которого ты по большому счету не достоин и к тому же слишком глуп, чтобы понять, что это — именно то, чего ты всегда желал. С мной рядом лежал Шерли, самый невероятный человек на всей планете и будь я проклята, если позволю кому–либо забрать его у меня. Я накрыла рукой прижатую к моей груди ладонь.

— Я не буду сейчас разбрасываться словами и говорить банальности. Ты и так всё прекрасно понял. Красивые слова — это просто слова и ничего более. Я твоя и только твоя, и так будет до тех пор, пока ты этого хочешь.

Шерли поднял голову, заглянул мне в глаза. Выражение его лица было спокойным, а взгляд — ясным и серьезным.

— Думай, что говоришь, Анита, потому что теперь я никогда не перестану тебя… хотеть.

— Тогда ты застрял надолго, — ответила я ласково прижимаясь к его губам.

Несколько долгих мгновений мы не могли друг от друга оторваться, и поцелуй, сначала нежный, становился все более страстным.

Наконец, Шерли, улыбаясь, отстранился.

— Знаешь, кажется я люблю тебя.

— Не стоит делать такой вывод, не проведя исчерпывающее исследование.

— И все же.

— На случай, если ты ещё не заметил, я тоже. Я тоже люблю тебя, чудо моё гениальное.

Глава 15

Это была неделя обжигающего счастья. Семь дней. Всего лишь семь.

Тогда я их не считала. Только потом, когда они остались в прошлом я перебирала их, как драгоценные жемчужины — каждый неповторимый день рядом с любимым. И пряные ночи полные блаженства. Я просыпалась в его объятиях и в его объятиях засыпала, растворяясь в тепле его рук, чувствуя себя маленькой девочкой, получившей на Рождество самый заветный подарок

Утром после нашей первой ночи, Шерли заперся в комнате с Арвеном и тот что–то глухо и яростно ему выговаривал, но потом целый день ходил с таким видом будто выиграл Джек–пот. У Шерли же наоборот, вид был несколько виноватый. Но потом как–то всё быстро вошло в свою колею.

Целыми днями они где–то пропадали вместе, а однажды и вовсе не пришли ночевать, но я не особенно беспокоилась, рядом с ним всегда находился верный Арвен. Постель без Шерли казалась мне холодной и чужой. Без него я сама себе казалась чужой.

Я даже не предполагала, что можно так скучать. И только утром, когда он едва не задушил меня в объятиях, моё сердце наполнилось покоем и радостью.

Всю неделю нам не удавалось побыть вечерами наедине, всё время кто–то был рядом из–за этого дурацкого расследования, но едва все расходились, мы набрасывались друг на друга как ненормальные, словно стремясь наверстать упущенное время. Кто бы мог подумать, что из него получится такой ненасытный и страстный любовник. Откуда только что бралось! Неутомимый, крайне изобретательный и удивительно нежный, он каждый раз доводил меня своими ласками до состояния полной отключки.

…А потом наступил этот день… В то утро они с Арвеном вместе уехали в полицейское управление. Я не знаю, как Шерли удалось обвести всех вокруг пальца и сбежать, но он один поехал на встречу с этой тварью. Группа захвата во главе со Стивом и Арвеном опоздала лишь на пятнадцать минут. Его машину нашли на дне глубокого ущелья в пятнадцати милях от дома, где прятали того мальчика. Так же, как и машину Джиллиан. Но кроме останков её телохранителя наверх не подняли никого. Шерли с Ларсом и Джилл бесследно исчезли. Люди Майка перевернули каждый камень, заглянули под каждый куст, облазили все пещеры и окрестности в районе ста миль —

безрезультатно. Трое людей как сквозь землю провалились. И только это давало нам всем надежду, что Шерли жив и вот–вот объявится. Но дни проходили за днями, а ничего не менялось и наша надежда таяла как снег под весенним солнцем. В такой аварии выжить невозможно. Спасти их могло только чудо. А я давно перестала верить в чудеса. Майк с Арвеном и подавно.

В первые дни я не могла не то что связно мыслить, каждый глоток воздуха давался мне с трудом. Чудовищное непоправимое горе обрушилось на меня огненным валом, погребая мой счастливый мир под обломками. Оно душило и разрывало на части и только воспоминания о нем помогали мне держаться и не сойти с ума. Каждую бессонную ночь я перебирала их в памяти, не замечая льющихся из глаз горьких слёз:

…вот Шерли обжегся, и на его пальце вздулся волдырь. Он тогда орал, как резаный, яростно тряся кистью, уворачиваясь от моих рук — боясь, что будет ещё больнее, если я засуну пострадавшую конечность под холодную воду. Я уговаривала его как маленького, уверяя, что не один он обжигался в этом мире и что это самый проверенный способ…

…вот он лежит на животе, уткнувшись в какой–то сверхумный сайт, а я бубню ему в ухо одно и то же: ужин, ужин, ужин… Он отбрасывает ноут, разворачивается и хватает меня за руки. И я падаю на него и… ужин приходится разогревать.

…у Шерли плохое настроение — он снова ездил куда–то, откуда появлялся мрачнее тучи и теперь с непроницаемым лицом неподвижно по–турецки сидит на диване. Я сажусь рядом, и он опускает голову на моё плечо…

… Шерли стоит у окна…

… Шерли моет посуду…

… Шерли вышел из душа…

… Шерли спит, опутав меня конечностями…

… Шерли разговаривает по телефону…

ШерлиШерлиШерли… Любимый мой, единственный, самый лучший в мире…Если бы я знала, если бы почувствовала, что ты уходишь от меня навсегда… я бы приковала тебя к себе цепями, залюбила бы, зацеловала и никуда бы не отпустила… если бы я только знала! Если бы…

Я уехала к родителям, потому что находиться в доме, где всё напоминает о нём, было невыносимо, но уже через три дня поняла, что вдалеке ещё хуже. Поэтому, когда Арвен появился на моём пороге с просьбой вернуться, я молча села в машину. Переживать горе в одиночку очень трудно, и мы с Арвеном старались держаться вместе и поддерживали Майка. Потому что ему было труднее всего. Я могла днями не выходить из комнаты,

Арвен мог целыми днями слоняться по дому, но Майку нужно было показываться на людях и держать лицо. Не знаю, как ему это удавалось. Он по — прежнему ходил гордо выпрямившись и безупречно одевался, но никакой лоск, никакие стилисты не могли скрыть его побледневшее осунувшееся лицо и потухшие глаза, будто подёрнутые пеплом.

Я и раньше не особенно следила за своим здоровьем, а теперь вообще стало как–то не до этого и своё утреннее недомогание списывала на нервный срыв. Пока однажды утром не грохнулась в обморок прямо на глазах Арвена. В частной клинике, выяснилось, что у всех нас появился стимул жить дальше. Жаль, что Шерли об этом никогда не узнает.

***

… — Шерли, вернись немедленно! — пальцы Майка до боли стискивали телефон.

— Нет! Я справлюсь, отец. У меня всё под контролем.

— Шерли! — Он метался по кабинету, чувствуя, как паника накатывает на него как снежная лавина.

— Дай мне полчаса и можешь спускать своих псов. Я сам хочу разобраться.

— Ты сбежал от полиции, от Арвена, ты не… — его голос срывался, — ты не мог просто подождать?! Шерли, не лезь туда в одиночку, дождись подкрепления, — он закрыл глаза, откидывая голову. — Пожалуйста.

— Нет.

— Шерли…

— Я не позволю им шантажировать тебя Ларсом. Я этого не позволю.

— Шерли, послушай меня…

… Майк вздрогнул и сел на кровати, с трудом выплывая из бесконечного кошмара. Последний разговор с сыном снился ему каждую ночь. Если конечно удавалось заснуть хоть на полчаса. Снилось, как он вылетает из офиса, отдавая приказы, рыча на всех, кто попадался под руку, заставляя подчиненных разбегаться кто куда. Даже во сне осознавая их тщетность. Он был недостаточно силен, недостаточно умен, недостаточно хорош, чтобы спасти, и каждый раз Шерли падал и падал в эту пропасть, чтобы потом исчезнуть, раствориться в воздухе. И каждый раз, когда он просыпался, откуда–то из подсознания всё время возникала мысль, что Шерли жив. Просто они не там ищут. И они с Арвеном продолжали искать. Везде.

Майк посмотрел на часы. Половина второго ночи. Сегодня он ночевал в доме Шерли. Он часто теперь оставался здесь. Находясь рядом с другом и девушкой сына, он не чувствовал себя совсем уж одиноким. Майк потянулся за стаканом, когда острая сверлящая боль вонзилась в висок, а перед глазами возникла яркая вспышка. Потом ещё и ещё одна, пока не образовалась смутная картинка. Голова разрывалась от боли, но на какое — то мгновение он увидел: … пожухлая трава, чахлые кустики, какие–то песчаные дюны, хлипкие строения, покрытые огромными листьями, полуголые чумазые дети, взрослые то ли индейцы, то ли аборигены, одетые лишь в набедренные повязки и столпившиеся перед костром и… запрокинутое к небу лицо сидящего в круге Шерли… Картинка исчезла. Сначала Майк подумал, что просто сходит с ума от горя, но гудевшая как колокол голова и отголоски жуткой боли, говорили о том, что всё было наяву. Второй приступ был длиннее, Майк чуть сознание не потерял от боли, но видение было чётче и ему даже удалось рассмотреть сидящего рядом с сыном Ларса и какого–то шамана с бубном, носившегося вокруг них…

Отдышавшись после приступа, Майк сполз с кровати и на ватных ногах поплёлся в комнату Арвена.

— Что случилось? — Арвен открыл глаза, едва скрипнула дверь.

— Шерли… господи… Арвен, он жив! — Майк судорожно хватал ртом воздух, сползая по стенке на пол.

Арвен слетел с кровати в мгновение ока, и подхватив его, усадил в кресло.

— Спокойно, Майки, давай по–порядку, — он протянул ему стакан воды.

— Я не знаю. Понять не могу, что это было. Мне как- будто специально послали картинку. Видение, Арвен. Но Шерли. Он точно жив. Он где–то далеко, и я не в состоянии объяснить, как он туда попал, но я видел его собственными глазами.

— Может быть тебе просто приснилось?

— Нет, это был не сон. У меня даже сейчас в ушах такой звон стоит, будто мне на голову кастрюлю надели, а потом врезали по ней половником со всей дури. А уж голова во сне так точно болеть не может.

— И что делать будем?

— Искать, что же ещё.

— Знать бы ещё где.

— Мы найдём его. Теперь обязательно найдём. Да я землю переверну ради этого.

— Не сомневаюсь. Ты плачешь, Майки?

— Глупости.

— Ты… плачешь. — Арвен шмыгнул носом, — облегчение — редкостная сука, верно, Майки? Его смерть не заставила тебя плакать. В горе можно собраться. Но облегчение, оно вселяет веру, дарует надежду и вырывает сердце.

Майк уже не обращал внимания на слёзы, катившиеся по щекам.

— Ты говоришь чепуху.

— Это не чепуха.

— Аните ничего говорить не будем. Она и так вся на нервах, а ей нельзя.

— Согласен. Появится хоть какая–то ниточка, тогда…

— Нет. Только когда будем уверены. Как думаешь, два часа ночи не слишком рано для виски.

— Ну, где–то уже давно день. Так что нормально.

Арвен достал из тумбочки бутылку и отвинтил крышечку.

— За Шерли, — сделал глоток прямо из горла и протянул её Майку..

— За моего сына. И за тех, кто не дал ему погибнуть.

Часть 2

Глава 16

Шерли сидел на вершине высокой скалы на берегу океана. Далеко внизу разбивались о громадные валуны волны, а сверху на него смотрели далёкие созвездия. Такие знакомые и такие чужие. Привычный устоявшийся мир рухнул в пропасть вместе с машиной, оставив его и товарищей по несчастью на крошечном островке, затерянном в океане на другом конце света. Даже для него, почти лишённого эмоций это было слишком. Что уж говорить о Ларсе и Джилл. Там, в другом мире для всех, они почти что умерли, ибо шансов на возвращения не было никаких. Шерли никогда не боялся смерти, и совсем недавно ему было все равно — жить или умереть. Но, с тех пор, как у него появилась Анита, он научился ценить жизнь и осознание того, что он больше никогда не увидит её, било наотмашь, причиняя невыносимую боль. Узнать, что значит любить и быть любимым и так внезапно глупо и безнадежно лишиться этого навсегда.

Три месяца более чем достаточный срок для того чтобы разобраться где они и что с ними произошло, они по — прежнему не теряли надежды, что их найдут хотя бы аборигены, но и она с каждым прожитым днём становилась всё призрачней.

Где–то там внизу в глубокой сухой пещере, найденной ими через месяц скитаний, спали Ларс и Джилл, а он сидел здесь и предавался воспоминаниям…

***

… Вычислить куда подевался Ларс ему не составило большого труда. Адам оказался прав- после чудесной ночи с Анитой, Система как будто смирилась с произошедшим. Даже не перезагрузившись, она отдала Шерли львиную долю контроля над эмоциями, но взамен заставила разум работать на полную катушку, позволив полностью сосредоточиться на поставленной задаче.

Ещё в первый день, побывав на месте преступления, он учуял тонкий, едва уловимый аромат лайма и мяты, но ещё не зная какую роль играют запахи в во всей этой истории, списал всё на свой чувствительный нос и на то, что кто–то из окружающих вечером перебрал мохито.

Но вернувшись туда же на следующее утро с Арвеном, он снова почуял всё те же лайм и мяту. Путем нехитрых для него умозаключений, Шерли пришёл к выводу, что это запах готового

к вязке Ларса и настроив что называется нос по ветру, пришел к неприметной дверце позади особняка.

— Мне нужно попасть внутрь, — обернулся он с к следующему за ним по пятам Арвену, — альфа совершенно точно здесь.

— Это невозможно, Шерли.

— Почему?

— Потому что во–первых это незаконно, а во–вторых, я уверен — парень не настолько дурак, чтобы прятаться под носом у полиции.

— Может быть, это как раз говорит об обратном? Как правило — хочешь что–то хорошо спрятать, положи это что–то на видное место.

— Ты ошибаешься.

— Может быть. Погоди–ка, — Шерли снова принюхался и пошёл прямо сквозь густо растущие кусты по едва заметной тропинке. — Да ты прав, — он вышел к высокому забору, — смотри.

Если сильно не приглядываться и не знать, что именно ищешь, заметить калитку было невозможно.

— Надо отдать должное хозяйке заведения, — пробормотал Шерли, подёргав запертую на замок дверцу, — она чертовски умна и изобретательна.

— Угу. Особенно учитывая направленность заведения. Надо бы сказать Стивену, чтобы присмотрелся повнимательней. Сдается мне, тут можно много чего нарыть.

— Обязательно. Вот только Ларса отыщем.

Искать пришлось долго, но Шерли всё же нашёл место, где прятался неуловимый альфа, когда ему на электронную почту пришло письмо от Джилл. В котором эта мерзавка угрожала подставить его отца, рассказав прессе о секретном проекте, незаконных экспериментах и явив миру Ларса как доказательство. Альтернативой был сам Шерли.

Прочитав послание, Шерли сначала пришёл в ярость и только близость и нежность Аниты, помешала ему сию же секунду рвануть на поиски этой дряни, чтобы свернуть ей шею. Уже потом, когда уставшая после любовных ласк Анита мирно спала у него на груди, пребывающий в нирване Шерли, решил, что сумеет обратить ситуацию в свою пользу. Тихонько, стараясь не потревожить спящую Аниту, он покинул постель и открыл ноутбук.

Утром, он вместе с Арвеном приехал в полицейское управление, а потом сбежал. Если бы он только знал тогда, к чему приведет его самоуверенность!

***

Домик, где держали Ларса находился в небольшой котловине на берегу моря прямо за ведьминым ущельем, как называли местные глубокую пропасть, по краю которой проходила дорога. Она была настолько узка, что настоящей дорогой её можно было назвать весьма условно, скорее тропа, где двум машинам не разъехаться. Да и кто сюда ездил на машинах, кроме Джилл и её подручного? Шерли выяснил, что никто. В котловине стояло только два строения — старая пастушья хижина и небольшой дом, служивший тайным убежищем ещё деду этой чёртовой интриганки.

Подъехав к самому узкому месту, Шерли остановился и вышел, чтобы пройтись и осмотреться. Гелендваген, позаимствованный у Арвена, не самая удачная машина для подобных поездок, а Шерли никогда не был автогонщиком, чтобы на удачу соваться на узкую тропу. Он прошёл несколько метров вперед, чтобы убедиться, что не свалится в пропасть. На обратном пути он подался чуть вперед и глянул вниз.

Про ведьмино ущелье ходило немало слухов, по большей части страшилки и бабкины сказки в которые он естественно не верил, но выглядел провал весьма устрашающе. Особенно если учесть клубившийся там туман странного зеленоватого цвета. Он поднимался откуда–то снизу, из–за чего дна ущелья не было видно и достигал почти середины. У Шерли закружилась голова и засосало под ложечкой от необъяснимого чувства неумолимо надвигающейся беды. Он отошёл от провала и потряс головой — не все просыпающиеся эмоции ему нравились и неведомое раньше чувство страха вызвало досаду. Обследовав дорогу, он сел за руль и продолжил путь.

Дальше всё пошло так как он и предполагал. Джилл приняла все его условия — Шерли даже был несколько удивлен, он считал её намного умнее и расчётливее. Если бы не тупоголовый охранник Винс, некстати приревновавший свою хозяйку и бросившийся вслед за ними.

Они уже почти миновали самое узкое место, когда догнавший их Винс, ударил машину сзади. От неожиданности Шерли вильнул, отправляя тяжелый джип в пропасть. Он еще успел увидеть неумолимо надвигающийся на них зелёный туман, краем глаза ухватить мертвенно–бледное лицо Джилл, услышать её крик, затем его бросило вперед, он услышал какой–то страшный треск, потом была невесомость, а потом страшный удар выбил из него остатки воздуха вместе с сознанием.

***

Очнулся Шерли от того, что его захлестывала вода. Судорожный вздох совпал с очередной волной, и он захлебнувшись начал откашливаться, еще не веря, что жив. Вот тут–то ему и пригодилась вся его безэмоциональность. Бояться и жалеть себя сейчас было равносильно смерти.

Едва придя в себя, он заметил барахтающуюся неподалёку Джилл. Видимо силы совсем оставили её, она начала уходить под воду. Он подгрёб к тому месту и нырнул следом. С третьей попытки ему удалось ухватить её за длинные волосы и рвануть вверх. Едва её голова появилась на поверхности, она кашляя и плюясь, попыталась взобраться на него, едва не утопив. Пришлось пережать ей на несколько мгновений сонную артерию.

С потерявшей сознание Джилл он попытался сориентироваться в пространстве и понять, какого дьявола, они вообще оказались в открытой воде, если по всем канонам должны были разбиться о дно ущелья. Оглядевшись, он увидел неподалеку дрейфующего Ларса, прекрасно державшегося на воде. Он махал ему, стараясь привлечь внимание и указывая куда–то вперед. Шерли пригляделся — вдали виднелись какие–то вершины. Придерживая висевшую на нём бесчувственную Джилл, он поплыл к спасительной земле. Шерли не знал, сколько времени провёл в воде, но когда силы были уже на исходе, волны выбросили их на сушу. Ларс был гораздо выносливее, он доплыл первым, помог выбраться ему и лишь оттащив его и Джилл от кромки прибоя, рухнул рядом тяжело переводя дыхание.

Мышцы Шерли дрожали от напряжения, он судорожно дышал, но осознание того, что им всё же удалось спастись придавало ему сил. Главное, что они живы, а отец его быстро найдёт. С этой уверенностью, Шерли даже начал дремать, когда рядом раздался такой отчаянный вопль, что его подбросило на месте. Кричала очнувшаяся Джилл. Шерли настолько устал, что у него даже не было сил злиться на её истерику. Зато Ларс молча подтянул к себе дрожащую девушку и обняв стал что–то тихо нашептывать. Постепенно Джилл успокоилась и пригревшись в объятиях заснула. Шерли тоже вырубился, уткнувшись носом в песок.

***

Проснулся Шерли от того, что кто–то бесцеремонно тряс его за плечо. Привычные инстинкты заставили его резко сесть и

открыть глаза:

— Не прикасайся ко мне! — чужие прикосновения по–прежнему были ему неприятны.

— Подумаешь, какие мы нежные! Мы с Ларсом тебя уже полчаса разбудить пытаемся. — Джилл уже не плакала и была злая как фурия, — вставай, горе–водила. Будем думать, как выбираться из этого дерьма, в которое мы попали по твоей милости.

— Нас что, ещё не нашли? — Шерли посмотрел на запястье, стрелки «Ролекса» вращались как сумасшедшие и сколько он проспал было непонятно.

— И не найдут. Пока ты дрых, мы тут осмотрелись чутка. Так вот мы на необитаемом острове. Маленьком. Посреди океана. Вдали от судоходных путей и если твой покровитель, я имею ввиду Эймса, нас найдёт — это будет чудом. Дошло?!

— То есть как это на острове?

— Так это. Понятия не имею как нас сюда занесло, хотя есть у меня одна теория. Об этом долбаном ущелье вечно всякие слухи ходили, будто в нём люди пропадают, но я не верила дура. Думала, что всё это брехня и детские страшилки. Но видимо не врали люди. По ходу в нём что–то вроде портала.

— Возможно. Я читал о подобном. Пространственно-временные завихрения…

— Может мы просто все умерли и это такой рай, — вставил в дискуссию свои пять монет Ларс, — или ад?

— Тогда куда подевалась встречающая сторона, — возразила Джилл, — райские врата, Пётр ключник да и остальные вновь преставившиеся? Знаешь сколько народу умирает ежедневно? Да тут должно быть целое столпотворение. А нас почему–то всего трое. Уж скорее коллективная галлюцинация.

— Давайте оставим дискуссии на потом, — вмешался Шерли, — нам нужно отойти подальше от берега и решить, что делать дальше.

— А что делать. Нужно воду найти и убежище хоть какое–нибудь. Ночь скоро. Не ночевать же на берегу.

Шерли посмотрел на небо. Солнце клонилось к закату, так что света у них было не больше чем на пару часов.

Неподалёку виднелись какие–то заросли и уже через несколько минут они были уже на краю небольшого леса, судя по растительности — тропического. Идти было ужасно неудобно. Туфли сгинули в океанской пучине, а высохшая одежда, пропитавшись солёной водой, стояла колом и сковывала движения. Побродив немного по лесу, они не нашли никаких следов хищников, зато обнаружили небольшую полянку и родник

с пресной водой. Родничок был маленький, но напиться можно и все они с жадностью припали к вожделенной воде, которая показалась Шерли очень вкусный. Фруктовых деревьев было достаточно, так что смерть от голода им не грозила.

Там же, все трое произвели ревизию своих карманов. У Ларса они были пусты, у Шерли тоже, если не считать носового платка, зато Джилл похвасталась чудом уцелевшей зипповской зажигалкой и маленьким ножичком, который по её словам она всегда носила с собой. Вообще, Шерли считал, что для попавшей в такую чудовищную ситуацию девушки, она вела себя очень достойно. Не истерила, не падала в обморок. Им всем было страшно и глупо было утверждать обратное, но нужно было принимать случившееся таким как есть и не сдаваться. Если они хотели выжить и дождаться спасения.

Кроме родника, Ларс нашёл несколько птичьих гнезд, а Джилл указала на лианы и деревья, сказав, что они вполне пригодны для постройки шалаша.

— Что? — возразила она на скептический хмык Шерли, — когда я была мелкая мы с дедом часто в походы ходили. Он говорил, что в нашем деле науку выживания нужно знать назубок. Эх, жаль, что Винса нет с нами…

— Неужели тебе вообще может быть кого–то жаль? — съехидничал Ларс.

— Заткнись! Винс между прочим был единственным человеком который любил меня и принимал такую какая я есть. А вообще, с ним было бы намного легче. Но раз его с нами нет, будем обходиться своими силами.

Ворча и переговариваясь, они снова выбрались на берег на противоположной стороне леса и пошли по кромке прибоя, вглядываясь в мелководье.

— Так, рыба здесь водится, это хорошо, — бормотала Джилл, — о, а вот и раковины- она наклонилась и подняла одну, — пустая. Ну, раз есть раковины — есть и те, кто в них живет. Надо будет поискать…

Джилл болтала без умолку и Шерли понял, что за этим она просто скрывала свой страх перед будущим. Неизвестно когда их найдут и найдут ли вообще. А оказаться на необитаемом острове в обществе двух мужчин, один из которых — озабоченный альфа, наверное не самое приятное развлечение. И как бы она не храбрилась, было очевидно — Джилл боялась.

Они насобирали хворосту и вернулись на полянку, рядом с родничком. Пока Ларс разжигал костёр, Шерли и Джилл собрали несколько фруктов на ужин.

Сидя у костра и запивая фрукты родниковой водой, Шерли

думал о том, что он меньше всего приспособлен к выживанию в подобных условиях и что завтрашний день будет весьма насыщенный, он собирался попросить Джилл научить его тому немногому что она знает.

— Шерлиан, — вывел его из задумчивости голос Джилл, — посмотри на небо.

— Я Шерли, — на автомате поправил он.

— Да по фиг! Посмотри.

Шерли поднял голову:

— Невероятно! — над ними сверкал и переливался Южный Крест, — похоже твоя теория верна. Мы действительно в другом полушарии.

Заснули каждый по свою сторону костра, решив с утра соорудить указательный знак из яркого шейного платка Джилл, чтобы хоть как–то привлечь к себе внимание и заняться постройкой временного жилища. С молчаливого согласия всех, заключив между собой перемирие.

Глава 17

Утро для Шерли началось с головной боли — нервное перенапряжение и усталость не прошли для него даром. Он старался не показывать виду, что ему нехорошо, умылся и даже запихнул в себя какой–то фрукт, но на полпути к берегу, куда они направлялись чтобы попытаться поймать рыбу палкой, которую Ларс заточил наподобие остроги, почувствовал, что падает.

Очнулся Шерли довольно быстро, морщась от отголосков боли. Он открыл глаза — рядом с ним сидел на корточках Ларс с круглыми от удивления глазами, а откуда–то сбоку доносился визгливый голос.

Шерли повернул голову.

— Ну спасибо! Послал же боженька испытание, — разорялась Джилл, нервно бегая вокруг них, — один самец озабоченный, второй вообще какой–то припадочный! И мне теперь с вами тут куковать?! Вот за что мне всё это?!

— Можешь попробовать пожить одна, — глухо отозвался Ларс, по- прежнему с любопытством оглядывая Шерли — тебя никто не держит.

— Как же, размечтался! Я по–твоему самоубийца что ли?

— Тогда заткнись. Сама ты припадочная. Чем орать и жалеть себя, принесла бы лучше воды.

— Угу, разбежалась, сам иди если надо, — парировала Джилл, но за водой всё–таки пошла.

— Слава богу! — Ларс заметил, что он очнулся и склонился почти к самому лицу, — больше не пугай так. Мы уж было подумали, что ты помирать собрался. Ты в порядке вообще?

— Да. Уже все прошло.

— Ты что болен?

— Нет. Но со мной такое часто бывает, — Шерли попытался встать, но Ларс удержал его.

— Куда собрался? Давай–ка полежи ещё немного, мы никуда не торопимся.

— Так и знала, что с тобой что–то не так, — заявила появившаяся рядом Джилл, подавая воду в импровизированном стаканчике из свернутого в кулёк пальмового листа, — уж слишком много секретов вокруг тебя было. Так кто же ты, Шерлиан? Очередной эксперимент этого безумца Эймса?

— Не смей так говорить о нём! И не называй меня Шерлиан!

— А ты мне не указывай! Ишь, раскомандовался! Чуть коньки не отбросил, а туда же. Подружкой своей командовать будешь…

— Заткнись.

— Сам заткнись!

— Заткнитесь оба! — рявкнул разозлённый альфа. Ещё слово и вам обоим не поздоровится!

Джилл хотела что–то ответить, но заметив угрожающе оскалившегося Ларса, промолчала, зато Шерли ответил:

— Ещё раз плохо отзовешься о мистере Эймсе и я сверну тебе шею.

— А я помогу. — поддакнул Ларс. — Мы же вчера договорились, никаких ссор! А ты всех провоцируешь. Ещё раз говорю, если чем–то недовольна — вали отсюда на хрен! Если ты думаешь, что мы будем плясать вокруг тебя, только потому что ты женщина, то глубоко ошибаешься.

— Ой да ради бога! Только можно всё же узнать, что это такое с ним было? Эти его телодвижения и вообще… в конце концов, а вдруг он и правда серьёзно болен?

— Не надо говорить обо мне в третьем лице.

— В самом деле, Шерли, — Ларс вопросительно посмотрел на него, — я считаю, что в таких вопросах между нами не должно быть тайн. Всё–таки это остров и помощи нам ждать ох как долго. Если вообще дождёмся…

— Перезагрузка, — перебил его Шерли.

— Что?

— Это была перезагрузка. Здесь, — Шерли дотронулся до своего лба, — компьютерные чипы. Я наполовину машина.

— Но я не понимаю…

— Шерлиан хочет сказать, — встряла Джилл, — что мальчик он только внешне. На самом деле, у него компьютер вместо мозгов. Очередной эксперимент вроде тебя, Ларс. И я даже знаю кто с ним такое сотворил. Но лучше промолчу.

— Очень мудрое решение.

— Ну раз уж здесь собрались все такие неординарные, придётся с этим как–то справляться, — опять влезла Джилл, — поэтому позволь мне дать один совет, Шерлиан, — не шляйся по острову один. А то мало ли. Ищи тебя потом в зарослях.

***

Весь последующий месяц все трое притирались друг к другу. Получалось не очень, в основном из–за выпадов Джилл. Да и Шерли был далеко не подарок, поэтому они постоянно ссорились и все старания Ларса хоть как–то примирить их, пропадали втуне. Вот что стоило например Джилл уступить и называть так как он хочет? Но она упорно называла его Шерлиан, доводя до белого

каления. И вообще, вела себя вызывающе, как будто бросая им обоим вызов и показывая свой невыносимый характер.

Однажды, в очередной раз поцапавшись с Шерли, Джилл демонстративно покинула их маленький лагерь, видимо надеясь, что парни побегут её искать. Но они лишь вздохнули с облегчением, радуясь временной передышке. Хватило её ненадолго. Уже через пару часов неподалёку раздался истошный визг, который буквально сорвал их обоих с места с мыслью, что хищники здесь все же водятся и Джилл напоролась именно на него.

«Хищником» оказалась самка богомола, создание действительно страшненькое, но для человека безобидное. Едва завидев бегущего к ней Ларса, она кинулась ему на шею, умоляя спасти её от этого чудовища.

— Не знал, что наша доморощенная нахальная принцесса испугается обыкновенного насекомого, — усмехнулся подоспевший следом, запыхавшийся от быстрого бега Шерли.

— Ничего себе безобидное! — возмутилась Джилл, выглядывая из–за плеча Ларса. В его объятиях она снова почувствовала себя уверенно, — да это же какое–то исчадие ада.

— Ну не всем же быть совершенством.

— Отпусти, — Джилл выпуталась из объятий Ларса и направилась к лагерю.

— Что, ваше высочество уже наигралось в самостоятельность? — язвительно бросил ей вслед Шерли.

В ответ Джилл выдала такое замысловатое ругательство, что Шерли впервые в жизни не знал что ответить, а Ларс вообще стушевался и покраснел:

— Ни фига себе! Откуда она такие слова знает?

— С кем поведешься. Всю жизнь со всякой шелупонью якшалась вот и научилась. И потом, здесь же не светский прием, можно и показать свое настоящее рыльце, лишний раз доказывая, что за смазливым фасадом скрывается вульгарная стерва.

***

Дни летели за днями, неделя сменяла неделю, а вблизи их острова не было даже намёка на хоть какой–нибудь проходящий мимо корабль. Несколько раз их загоняли вглубь леса ураганные ветра, разносившие временный лагерь ко всем чертям, но они упорно возвращались туда же. Кроме рыбы и фруктов, их меню пару раз разнообразили птицы. Яиц в гнездах уже не было, зато Ларс научился ставить силки. Мясо было жестким и с душком, но

есть можно, особенно если приправить птичек травками и корешками, которые находил уже Шерли.

Шерли и Джилл научились ловить рыбу с помощью самодельной остроги, Ларс под руководством Джилл сплёл из лиан что–то типа ловушек и у них на обед частенько были крабы. Из подручных материалов, им удалось построить две небольшие хижины, больше напоминающие шалаши. На старом поваленном дереве Джилл придумала делать зарубки, отмечая каждый прожитый день.

Ларс оказался хорошим подспорьем в их нелегкой жизни — сильный, выносливый, он практически в одиночку притащил найденные в лесу поваленные ураганом деревья для их будущих хижин. Он же помог им с Джилл добраться до спасительного леса, когда внезапно налетевший ураган со штормом, едва не смыл их обоих в океан.

Ларс и Шерли, жили довольно дружно, стараясь не ссориться по пустякам и не усугублять и без того непростую ситуацию. Перезагрузки у Шерли случались ещё пару раз, но вечно крутившаяся рядом Джилл, всегда оказывалась где–нибудь поблизости. Ворча и жалуясь на свою нелёгкую жизнь, она оказывала ему посильную помощь и не давала расшибиться о землю, а Ларс видимо всё же считая, что он серьёзно болен, подсовывал ему кусочки повкуснее. Это очень раздражало Шерли, но он молчал, боясь обидеть парня.

Однажды утром, встающий раньше всех Ларс примчался с берега, куда ходил проверять расставленные ловушки для крабов с криком:

— Пошли скорее, там помощь твоя нужна! — и развернувшись побежал обратно.

Шерли рванул следом, краем глаза замечая, что Джилл выбралась из своего шалаша и бежит за ним.

У кромки прибоя лежал дельфин. Видимо, случившийся ночью шторм выбросил его на берег.

— Вау, сколько мяса! — присвистнула Джилл.

— Ты совсем охренела? Какое мясо?! — рявкнул на неё Ларс. — Надо прорыть песок и спихнуть его в воду. Помогайте!

— Ну уж нет! Это без меня. Только такой идиот как ты смог додуматься до того, чтобы выбрасывать в воду столько еды!

— Лучше захлопнись, пока я тебя саму на мясо не пустил. Не хочешь помогать, убирайся и не отсвечивай.

Но Джилл не ушла. Она уселась на песок в сторонке и принялась наблюдать, отпуская язвительные комментарии относительно двух идиотов.

Это был даже не дельфин, скорее дельфинёнок, отбившийся

от стаи, иначе он не подплыл бы так близко к берегу. Ларс и Шерли несколько часов работали не покладая рук, но сдвинуть дельфина им удалось всего на каких–то три фута. Он хоть и был небольшой но весил фунтов шестьсот, если не больше. Под палящими лучами солнца, мокрый после прошедшего ночью дождя песок парил так, что сложно было нормально дышать. Поскользнувшись в очередной раз, Шерли упал в воду.

— Точно два идиота! — услышал он рядом голос Джилл, — уж если вам так хреново, то каково же дельфину? — Она стояла рядом, стаскивая с себя потрёпанную блузку. Импровизированные шорты, бывшие когда–то дизайнерскими джинсами, она сняла ещё на берегу и сейчас держала их в руке. — Быстро снимайте с себя одежду, мочите ее в воде и накрывайте дельфина, чтобы он не пересох.

Парни вытаращились на неё, раскрыв рты от удивления.

— Что уставились?! Шевелитесь резче, а то он скоро ласты склеит. Тоже мне, спасатели Малибу, блин!

Дельфин и в самом деле шевелился все более вяло, чувствовалось что ещё немного и он погибнет. Втроем дело пошло быстрее. Они не останавливались ни на минуту, хотя у всех были изранены руки об острые ракушки, попадающиеся в песке. К закату, нос дельфина был уже в воде. Но дельфин — не тюлень, на ластах сам в воду не вползет, и они продолжали пихать и тянуть его, используя палки в виде рычагов, потому как прокапывать песок в зоне прибоя, все равно что воду чайным ситечком черпать. Набегающая волна немедленно слизывала их работу, разглаживая песок. Джилл ворчала и ругалась, но упорно работала наравне с ними.

Они очень устали, но ближе к вечеру им всё же удалось спихнуть дельфина достаточно глубоко, туда где вода доходила Шерли и Ларсу до колен. Дельфин немного ожил и, кажется даже начал помогать, по крайней мере, они так оценили его движение хвостом. Немного усилий, и он уже мог опустить под воду не только нос, но и всю голову, выпустив небольшой фонтанчик брызг.

Последний рывок и дельфин поплыл, а они дружно рухнули в воду, задыхаясь от усталости.

Самым сложным оказалось выйти на берег. Ноги тряслись как желе, не желая держать уставшее тело, спина и руки вообще отваливались. Оглянувшись, Шерли увидел, что Джилл тащит за собой их мокрую одежду и поспешил на помощь, потому как она едва шевелилась, настолько устала.

Выбравшись из воды, они упали на песок тут же засыпая под щебетание дельфинов, которые всё это время кружили

неподалёку, ожидая пока закончится спасательная операция.

Они спали прямо на берегу, даже не подозревая, какой подарок преподнесут им дельфины в благодарность за спасение их детёныша.

После этого случая Шерли стал относиться к Джилл более благожелательно. Не то чтобы они стали друзьями, но и не собачились ежедневно по пустякам, а Шерли даже свыкся с мыслью что он теперь Шерлиан.

Ещё Шерли стал замечать, что Ларс ухаживает за Джилл.

Всё началось с бревна, которое он установил на берегу, назвав его «лавочкой». В первый же вечер, они втроем сидели на нём, любуясь закатом и Джилл по обыкновению трещала без умолку, рассказывая всякие забавные истории, которых знала массу и они впервые за долгое время смеялись, а Ларс заворожённо смотрел на неё. За всё время проведённое на острове, он даже пальцем к ней не притронулся, хотя судя по его виду, давалось ему это очень тяжело. Но и Джилл старалась не провоцировать его, держась на почтительном расстоянии. Через три дня после их первых посиделок, Шерли с интересом наблюдал такую картину: вышедший на полянку Ларс, ходивший проверять их импровизированные силки, направился прямиком к сосредоточенно чистящей рыбу Джилл и протянул ей цветок.

— Что это? — Джилл недоуменно подняла голову.

— Цветок.

— Вижу, что цветок. Его можно есть, или он ядовитый, и ты показываешь мне его просто для того чтобы я знала, чего бояться?

— Ни то, ни другое. Это просто цветок. Красивый. Для тебя.

— Осталось еще получить шоколадку и сходить в кино, — ошарашенно пробормотала Джилл, принимая подарок, — спасибо, Ларс, мне приятно.

— Вместо шоколада могу предложить финики, а вместо кино — океан на закате, зато кресло в первом ряду, — улыбнулся Ларс и направился к хижине.

— И что это было? — Джилл повернулась к Шерли.

— Не знаю, — пожал тот плечами, — наверное любовь.

— Иди ты на фиг, Шерлиан! Какая ещё любовь? Я конечно, всё понимаю, ему тяжело, но я пока не готова к подобным подвигам.

— То же самое могу сказать о себе, — парировал Шерли, — так что твои заигрывания со мной дохлый номер. Однажды я уже говорил тебе — ты не моя женщина.

Джилл бросила обиженный взгляд, швырнула в него недочищенной рыбой и ушла не сказав ни слова. Она не разговаривала с ними обоими весь вечер и половину следующего

дня, заставляя Ларса нервничать и недоумевать.

Помирил их очередной ливень. Было сыро и холодно. Ларс и Шерли сидели в своей хижине, прижавшись друг к другу и стуча зубами, когда Джилл вползла к ним и устроилась между ними в поисках тепла. Ларс замер на несколько долгих мгновений, а потом обнял её одной рукой, притягивая к себе. Шерли лишь придвинулся ближе. Они просто молча сидели рядом несколько часов, потом Шерли задремал. А когда проснулся, ветер стих, и сквозь ветви деревьев пробивался слабый свет, отражаясь от покрытых влагой листьев.

В хижине они были вдвоем.

— Где Ларс?

— Ушел на разведку.

Они помолчали.

— Иногда ты бываешь вполне сносной, когда не пытаешься качать права и не строишь из себя чёрт знает кого.

— Тоже самое могу сказать о тебе.

— Согласен. Меня тоже заносит иногда, но ты… Скажи, почему ты такая злая? Ведь вполне можешь быть нормальной, если захочешь. Ко мне постоянно липнешь. Что тебе от меня надо? Я ведь даже не человек, в известном смысле этого слова.

— Чего ты добиваешься, Шерлиан? Хочешь, чтобы я исповедовалась перед тобой? Но ты не мой духовник.

— В тебе есть что–то, чего я не понимаю, — пожал он плечами, — поэтому, просто скажи правду. Пожалуйста.

Джилл прикрыла глаза.

— Хочешь откровений, Шерлиан? Ну что ж…Ты единственный человек, который зацепил меня так крепко, что я никак не могу сорваться с крючка, — медленно начала она, — вот и трепыхаюсь уже который год. Единственный, кто стал мне интересен как мужчина. Остальные так — пыль под ногами. Плюнуть и растереть. Но ты… Я до сих пор помню день, когда впервые увидела тебя. Да и потом… Я готова была наизнанку вывернуться, чтобы лишний раз увидеть тебя. Но каждый раз, твоё появление сводило меня с ума, ибо я понимала, ты так же недостижим как звёзды. Такой же холодный и далёкий. И такой же таинственный. Даже мимолетные встречи с тобой вгоняли меня в глухую депрессию, потому что я понимала, ты никогда не станешь моим. Ты был таким… неземным что ли. А твои глаза? Боже мой! Я ведь до сих пор не могу смотреть в них.

Джилл покачала головой и горько усмехнулась.

— Я просто хотела быть рядом. Быть с тобой. Потому что любила. Сколько я мечтала о тебе! Об одной единственной ночи с тобой! Наивная. Ты даже не понимаешь, как это невыносимо

больно, постоянно натыкаться на твой мимолётный холодный взгляд. А уж когда я увидела тебя с другой… Это был вообще конец света! О как я её ненавидела! Даже убить хотела. Я была просто одержима тобой…

Она тяжело вздохнула и продолжила.

… Когда мы очутились на этом острове, в первые дни у меня была надежда, что всё ещё может наладиться. Но ты по–прежнему не видел во мне женщину.

Но знаешь что удивительно: мы застряли на этом острове неизвестно насколько и спасут ли нас когда–нибудь, но сейчас когда ты так близко, я как будто стала выздоравливать. Во всяком случае эта чёртова тяга к тебе притупилась. Я стала понимать, насколько всё это было глупо и бессмысленно. Может быть потому, что из недостижимого идола ты превратился в обычного человека. Со своими недостатками и невыносимым характером. Ты перестал быть для меня небожителем.

Он вздохнула и пошевелилась устраиваясь поудобнее.

— Жизнь на острове изменила меня. Научила ценить то, что я никогда не умела ценить. Дружбу, поддержку, чувство локтя. Смешно, но именно здесь, я перестала чувствовать себя одинокой. Наоборот, почувствовала себя нужной. Не как красивая богатая кукла, а как человек, который что–то может сделать для других. И знаешь, может это глупо звучит, но мне нравится. Этот остров изменил меня.

Пальцы Джилл рассеянно теребили краешек потрёпанной блузки. Она замолчала кусая губы.

— Спасибо, — прошептал Шерли.

— За что? — усмехнулась она.

— За этот разговор. Все мы здесь стали немного другими.

Ладонь Шерли осторожно легла на её плечо. Джилл криво улыбнулась и убрала руку.

— Вот только не надо меня жалеть.

— Мне незнакомо это чувство, Джилл. Я просто хотел сказать, пока ты, Ларс и я будем держаться вместе, мы не пропадём. Не отталкивай его. Он хороший парень и кто знает…

— Обойдусь без ваших поучений, мистер Стивенс. Ладно, пошли глянем на масштабы разрушений, — она тяжело вздохнула, — опять наверное весь лагерь разнесло.

***

Однажды утром, Шерли проверяя крабьи ловушки, заметил знакомую стаю. После спасения детёныша, дельфины довольно

часто подплывали к острову. Будто в благодарность, они пригоняли к берегам целые косяки рыб, а иногда просто резвились неподалёку. Сегодня же один из них подплыл совсем близко, и развернувшись к Шерли мордой, что–то проверещал на своём языке.

— Ты что приглашаешь меня прокатиться? — удивился Шерли, — ладно, я не против.

Он зашёл в воду и подплыв к дельфину ухватился за спинной плавник

— Хороший. Такой красивый! Умница, — он погладил его по блестящему глянцевому боку, — ну что, поехали?

Сначала дельфин поплыл довольно медленно, Шерли успел приноровиться и держал голову так, чтобы его не захлёстывала волна, но потом развил довольно приличную скорость. Его собратья плыли рядом, сопровождая их.

Они дважды прокатились вдоль знакомого берега, а потом его морской приятель взял курс на южную часть острова, туда, где высокая скала отвесно уходила в океан.

Однажды Шерли и Ларс забирались на неё в поисках пещеры, но ничего подходящего не нашли. Впрочем, так же как и на других скалах. Везде были лишь небольшие гроты, образованные обвалившимися камнями.

Подплыв почти к самому берегу, дельфин вдруг развернулся носом к скале и Шерли с замиранием сердца увидел довольно широкое отверстие, которое с высоты заметить было просто нереально. Оно было расположено, достаточно высоко, но при определённой ловкости и сноровке туда вполне можно было забраться. Шерли смотрел и не верил своим глазам, перед ним был вход в пещеру. В убежище, которое они так долго искали.

Глава 18

В ночь после спасения дельфина, когда измученные «робинзоны» спали мёртвым сном прямо на прибрежном песке, к их островку со стороны скал приблизилась утлая лодочка. Судёнышко было настолько мало, что в ней с трудом помещались человек и его нехитрая поклажа. Человек был низкорослый, худ и очень уродлив. Его обнажённое смуглое тело было сплошь покрыто татуировками, как и плоское лицо. В ноздрю широкого приплюснутого носа и в мочки ушей были вдеты кости какого–то мелкого животного. Из–под широких кустистых бровей на мир смотрели узкие щёлочки глаз, в которых светились тоска и безысходность. Его длинные черные волосы были заплетены в замысловатую косу и украшены перьями.

Это был Кхар — вождь племени исху, предки которого когда–то жили на этом острове, бывшем в те далёкие времена цветущим оазисом, затерянном посреди огромного океана. Его зелёные леса были полны съедобных плодов и разнообразной живности, а в чистых прозрачных реках плескалась рыба. Населяли остров племя исху. Чужеземцы, которых периодически выбрасывал на их остров капризный океан, называли его непонятным словом «Эдем» и оставались здесь навсегда, выбирая себе в жены местных девушек. Все туземцы были рослыми, довольно симпатичными людьми, а дети от смешанных браков рождались крепкими здоровыми и красивыми, поэтому местные вожди очень приветствовали такие союзы. Жрецы неустанно молились Богам-покровителям: Гелу — Богу солнца, Кьял — ночной богине и Одалу — грозному властелину вод, принося щедрые дары и вознося хвалу, и Боги в ответ дарили жителям острова мир и процветание.

Но однажды всё изменилось. Прилетел с неба огненный камень, оставив после себя огромную воронку, посеяв смерть и разрушения, а поднявшийся стеной океан, похоронил в своих глубинах чудесный остров, оставив на поверхности лишь крохотный клочок суши, с торчавшей на самом краю высокой скалой и пещерой, в которой был жертвенный алтарь Лунной богини.

Жалкая горстка чудом спасшихся людей, нашла себе убежище на небольшом островке со скудной растительностью и маленькой речушкой, расположенном за несколько лун пути от их погибшей родины. Да и те начали погибать от неведомой болезни. Кожа их покрывалась жуткими волдырями, которые вскрывались и кровоточили, из носа и рта тоже начинала течь кровь и люди

умирали в страшных мучениях, а те, кто выживал становились страшней бога Одала. Дети рождались либо больными, либо с такими уродствами, что жрецам приходилось сбрасывать их со скалы в океан.

По преданию, передававшемся из поколение в поколение, это была месть Лунной богини за страшное оскробление, нанесённое когда–то её сыну двумя молодыми исху. Не признали они в бродившем по берегу у дальней оконечности острова юноше Соула — сына Кьял и Гелу. Любил юный бог, приняв человеческий облик, гулять по земной тверди в безлюдных местах, там, где никогда не появлялись смертные. Особенно нравился ему этот красивый остров, обласканный его отцом и матерью.

Затмила разум исху красота небесного гостя, застили свет серебристые раскосые глаза, светящаяся белая кожа, чёрные локоны, да гибкая как виноградная лоза, хрупкая фигура. Накрыла их чёрная похоть и набросились они на него как дикие звери. От такой неслыханной дерзости молодой бог пришёл в ярость. Превратившись в огромного дракона, в клочья разорвал Соул обидчиков, а вернувшись в небесные чертоги, обвинил смертных в безумии и неблагодарности, обрушив на голову несчастных островитян всю ярость богов.

С тех пор прошли века, но Боги, отвернувшиеся от них когда–то, так и не простили их. Из красивых сильных людей, исху превратились в свои жалкие подобия — низкорослые, уродливые, они влачили несчастное полуголодное существование, их некогда процветающее племя вымирало. Год за годом, жрецы вымаливали у богов прощение, но те оставались глухи к их стенаниям. И всё равно, каждый год, когда Кьял подходила к жертвенной пещере их потерянного острова особенно близко, вождь племени приплывал туда, чтобы снова и снова молить богов о пощаде. И так было на протяжении многих веков.

Вот и сейчас Кхар — нынешний вождь исху, пришёл сюда, лелея в душе крохотный огонёк надежды на то, что Богиня хотя бы выслушает его.

Подплыв к самой скале, он дождался отлива и утопив на мелководье свою лодочку, взял в зубы небольшой мешок с поклажей и полез по едва заметным выступам к пещере.

Там он разложил на алтаре принесённые с собой дары, выпил из маленькой плетенки специально приготовленное жрецом зелье, помогающее очистить разум от всех мыслей и усевшись в подобающую ритуалу позу, принялся возносить хвалу красоте и великодушию лунной Богини, умоляя ответить на призыв.

***

Кхар не знал, сколько прошло времени, когда почувствовал невыносимую тяжесть, нарастающую с каждой минутой. Она давила на него не позволяя не то что пошевелиться, но даже дышать, а тяжесть все увеличивалась и ему казалось, что тело расплющивается как маисовая лепешка, а каждая косточка вопит от боли. Вокруг была глухая, мертвая тишина, пропал шум океана а в его голове раздался гулкий голос:

— Чего ты хочешь, смертный?

— Прощения… — мысленно прошептал он в ответ.

— И ты уверен, что твой народ достоин его? Вы — жалкие земляные черви, посмевшие оскорбить богов?!

— Да. Мы сполна заплатили за ошибку наших предков. Даже слишком. Моё племя умирает.

— Вы получили достойный урок, вождь. У вас было все, но вы захотели большего, за что и поплатились.

— Я…

— Но вы достаточно наказаны. Я дам вам шанс. Один — единственный.

— Я согласен!

— А если взамен я возьму твою жизнь?

— Мне всё равно! Я согласен, — мысленно выкрикнул Кхар. — Моя жизнь ничто по сравнению со спасением всего племени.

— Достойный ответ, вождь. Но ты мне не нужен.

— Тогда что я должен отдать?

— Ничего. Ты и твой народ должны будете сделать правильный выбор. Если ошибётесь — позавидуете мёртвым.

— Какой выбор?

— Скоро узнаешь. И запомни, только тебе принимать истинное решение. Не позволяй жрецу, заморочить себе голову и не откажись посмотреть в лицо своим страхам, когда придет время.

— Я выберу… обещаю…

— Тогда наберись терпения и жди, смертный. Скоро сюда придёт тот, кто дарует вам спасение.

— Благодарю тебя, о великодушная, Кьял!

— Прощай, вождь.

Голос пропал так же внезапно как и появился. Но придавливающая к камням тяжесть осталась, заставляя Кхара сидеть на месте и не двигаться. Ему казалось, что он сам стал частью жертвенной пещеры, превратившись в каменное изваяние. Всё что он мог, лишь вращать глазами. Он не знал, сколько

просидел так, всё больше погружаясь в пучину боли, страха и отчаяния. Слух обострился настолько, что он слышал далёкий крик дельфинов и журчание подземных вод. Наконец, когда он уже решил, что жестокая богиня, просто посмеялась над ним, со стороны входа раздались чьи–то голоса, затем шорох осыпающейся каменной крошки и в пещеру вполз человек. Он выпрямился во весь рост, заслонив полоску света, пробивающийся сквозь пещерный лаз. Затем, видимо увидев его, изумлённо ахнул, склонившись к самому лицу Кхара.

Кхар смотрел и не верил. Перед ним оборванный и худой, со спутанными мокрыми волосами стоял человек из легенды. Соул — небесный странник, вглядывался в его лицо прозрачными, сияющими как свет луны глазами. Он что–то сказал на незнакомом наречии, тяжесть враз отпустила Кхара и он повалился вперед, припадая к босым ногам божества благодарным поцелуем.

***

Дельфин подвёз Шерли к самому мелководью. Он встал на ноги — вода доходила ему до колен и пошёл по направлению к скале. У берега было совсем мелко, а во время отлива, подножие утёса и вовсе обнажалось, образуя небольшой пятачок. Вблизи, скала была гладкой, почти без выступов. Он попытался забраться используя как опору крошечные выщербленки, но лишь в кровь сбил себе пальцы на руках, съехав на отмель и больно приложившись пятой точкой о выступающий камень. Сидя в воде, он задрал голову прикидывая расстояние до входа в пещеру. Он был достаточно высоко, но если встать на плечи Ларсу, то вполне можно было подтянуться на руках до гребня, на четверть скрывающего лаз и залезть внутрь. В любом случае игра стоила свеч — им нужно было тёплое и сухое убежище и оно у них будет. А уж с подъёмом и спуском позже разберутся. В лесу было достаточно лиан, чтобы сплести прочную веревку или даже лестницу.

Решив дождаться отлива, Шерли благодарно махнул дельфиньей стае и те что–то прочирикав ему в ответ отбыли восвояси. Долго ждать не пришлось и Шерли, предварительно сунув нос под каждый появляющийся из–под воды камень и вычислив приблизительные размеры узкой каменной полоски, бегом помчался в сторону песчаного берега, чтобы сообщить радостное известие.

***

Ларса новость ошеломила, Джилл же отнеслась к ней настороженно; с её невысоким ростом, ей вовсе не улыбалось каждый раз корячиться черте–куда по голой скале, даже если у них будет веревочная лестница, но спутники её даже слушать не захотели. Тем не менее, она вместе с ними помчалась в сторону скалы: всё–таки сухая пещера это не продуваемая всеми ветрами и обливаемая тропическими ливнями жалкая хижина.

— Ни фига себе, — присвистнула она, стоя по колено в воде и разглядывая возвышавшийся в нескольких футах от земли небольшой вход, — вам не кажется мальчики, что это провальная авантюра? Это же сколько раз надо будет туда залезть без всего, пока у нас не будет веревки? Да вы же себе всё в кровь издерёте! Не скажу, что у нас много вещей, но всё же. Хворост опять же. А огонь? Зажигалка–то почти сдохла. Так на пару раз поджечь осталось. Вы что, полезете наверх с головнёй в зубах что ли?

— Не ной, Джилл, — одёрнул её Ларс, — в конце концов не тебе туда лезть. Поживёшь в лагере, пока мы тут всё не обустроим.

— Одна? Ни за что!

— Ладно, не одна. Мы с Шерли будем ночевать с тобой по очереди.

— Хватит уже болтать, — Шерли нетерпеливо переминался с ноги на ногу, — давай, Ларс, становись к скале.

Ларс присел на корточки у самой скалы, позволяя Шерли забраться к себе на плечи, а затем выпрямился, поднимая того наверх. Шерли уцепился за гребень, подтянулся, под комментарии Джилл о том, что он сейчас оставит на камне половину кожи с живота и с трудом перевалившись через уступ, вполз в пещеру.

— Эй, ты там недолго, — донёсся до него голос Ларса, — мне тоже интересно.

Сначала было темно и Шерли ничего не мог рассмотреть. Поняв, что сам себе загораживает свет, он посторонился. Пещера была довольно большая и даже двухкамерная, чуть в стороне виднелся ещё один вход. Посередине возвышался довольно крупный камень, очертаниями напоминающий человеческую фигуру. Подивившись на фантазию матушки — природы, он направился прямо к нему и охнул от изумления. То, что он в полумраке принял за валун оказалось человеком!

— Господи боже! — выдохнул он, вплотную приближаясь к сидевшей в какой–то замысловатой позе фигуре и наклоняясь к самому лицу, чтобы получше рассмотреть, — глазам не верю! Да

это же настоящий туземец!

От аборигена пахло какими–то травами и древесной смолой. Он сидел не двигаясь, только вращал маленькими глазками, почти спрятанными за узкими щёлками век. То что произошло дальше, напугало Шерли до чёртиков. Человек внезапно ожил, стряхивая с себя странное оцепенение и подавшись вперед с диким воем повалился ему в ноги, целуя его босые ступни. Шерли шарахнулся в сторону, едва не сбив по пути Ларса, неизвестно каким образом вскарабкавшимся всё же по отвесной скале. Туземец пополз следом, по прежнему цепляясь за его ногу и воя.

— Тише, — Ларс поймал едва не упавшего Шерли, — спокойно. Это обычный туземец. Вроде бы.

— Отцепи от меня этого ненормального, — в голос завопил тот, отбрыкиваясь от назойливого аборигена, — ничего себе необитаемый остров! Как он сюда попал вообще?!

— Не ори, ради всего святого! У Джилл уже наверное сердечный приступ случился от твоего крика. Кто его знает, зачем он здесь. Может у них здесь что–то типа святого места. Ну, или храма. Вон, видишь камень, — Ларс указал на большой плоский валун лежавший у стены и уставленный какими–то глиняными плошками, — очень смахивает на алтарь.

— Тогда зачем он вцепился мне в ногу? Вдруг он людоед какой–нибудь. Среди туземцев это принято.

— Если бы он был людоедом, он уже давно бы откусил кусочек от твоей конечности. А он, видишь, как ластится к тебе. Как собака, ей богу!

Туземец, действительно отпустил Шерли и теперь просто сидел у его ног, глядя на него снизу вверх своими маленькими глазками, в которых светилось обожание и бесконечная покорность.

— Эй! Какого чёрта у вас там происходит?! — раздался снизу голос Джилл, в котором явственно слышались слёзы.

— Всё нормально, Джилл, — крикнул в ответ Ларс, — просто мы тут кое–кого нашли, — подожди ещё чуточку. Мы скоро спустимся.

Он присел на корточки, разглядывая маленького человека, который по сравнению с ним казался совсем крошкой.

— Кто ты малыш, — спросил он, — может ты гном, хозяин этой скалы? — Ларс чуть улыбнулся, обнажив клыки.

Человечек отпрянул от него, одной рукой закрывая лицо и что–то бормоча под нос, другой снова цепляясь за ногу Шерли, вызывая у того недовольное фырканье.

— Что ты там бормочешь, я не расслышал, — Ларс отвёл руку от лица туземца.

Туземец вновь что–то залопотал по — своему, с ужасом глядя на него и Ларсу удалось разобрать что–то типа «одал».

— Одал? Это твоё имя?

— Отстань от него! — Шерли надоело изображать из себя подпорку для перепуганного аборигена. Наклонившись, он решительно отцепил его от себя. — Довольно! Давай спускаться. Если захочет пусть идёт с нами. Там светло, хоть рассмотрим его по–человечески. А то в этих потемках ни черта не видно. Заодно и расспросим — кто он и почему липнет ко мне как к родному. Да и у Джилл сейчас точно истерика случится. А если не захочет это чудо с нами идти, пусть себе дальше молится. Уж лучше я в лагере жить буду, чем делить кров с этим чокнутым.

Шерли развернулся и направился к выходу. Но туземец что–то лопоча, кинулся следом, хватая его за руку.

— Да что ты ко мне прицепился! — разозлился Шерли, оборачиваясь.

Туземец метнулся куда–то в угол, и притащив оттуда мешок, протянул ему:

— Зулу, зулу, — бормотал он.

Что — «зулу»? Что там? — Шерли развязал узел, стягивающий горловину мешка и сунул туда руку. Через минуту он извлёк оттуда сплетенную из лиан длинную веревку.

— Зулу? — спросил он, показывая на неё.

— Зулу, — радостно закивал тот.

— Ну вот, одно слово уже знаем. Пойдёшь с нами? — Шерли ткнул пальцем себе в грудь, затем указал на него и Ларса, а потом на выход.

Маленький человек снова кивнул.

— Хорошо. Пошли. Внизу знакомиться будем.

***

Сначала на глазах изумлённой до крайности Джилл из пещеры вылетел конец веревки, которую она тут же поймала. Потом показался Шерли.

— Вы что клад нашли? — неверяще спросила она, пока Шерли быстро спускался вниз.

— Угу. Прямо сокровище.

— Сюрпри–и–з, — протянул спустившийся самостоятельно Ларс.

— Твою же мать! — выругалась Джилл, наблюдая за маленьким смуглым человечком, ловко как обезьянка, спускавшемся со скалы, — это что ещё за чучундра?

— Это не чучундра, Джилл, — наставительно произнёс Шерли, — это наш счастливый билет. Если есть один, значит где-то должны быть и другие.

Глава 19

Вот когда пригодились фантастические способности Шерли. Словарный запас туземцев оказался не слишком сложным для его понимания, почти всегда сопровождался определёнными жестами и Шерли понадобилось всего два дня, чтобы не только понимать нового знакомого, но и довольно сносно с ним изъясняться.

Туземца звали Кхар и был он не кем–нибудь, а вождём племени исху. Что это за племя никто из обитателей острова не имел ни малейшего понятия. Ещё Шерли узнал, что Кхар считает их богами, которые сошли на землю чтобы спасти его народ от вымирания. Шерли хотел было сказать ему, что они обычные люди, попавшие в беду, но хитрая Джилл отговорила его.

— Тебе что жалко? Пусть считает, если ему так хочется. По-крайней мере, так мы точно будем в безопасности. Чёрт его знает, вдруг они и правда каннибалы. Уж богов–то своих, они точно есть не станут, — говорила Джилл, наблюдая как суетится вокруг них маленький туземец, — видишь, как старается угодить нам. Тем более у нас появился шанс выбраться с этого клочка суши. Наверняка их остров побольше будет и кто его знает, вдруг его посещают нормальные цивилизованные люди.

Но Кхар и не думал покидать остров. Держался он в отдалении от их маленького лагеря, но на контакт шёл охотно. Особенно с Шерли, хоть и норовил всякий раз пасть ему в ноги, видимо считая главным божеством. Шерли это ужасно раздражало, но он терпел в надежде, что Кхар всё же поможет им выбраться с острова. Но пока, тот только приносил им дары в виде фруктов, рыбы, крабов и каких–то камешков. Однажды даже притащил цветок, в котором Джилл узнала эдельвейс. Росли цветочки на узеньком козырьке неприступной скалы, неподалёку от их лагеря и достать их оттуда не было никакой возможности. Как это удалось Кхару, оставалось только гадать.

Где–то через неделю, на рассвете, Шерли разбудил Ларс.

— Тихо, — сказал он, когда тот открыл глаза, — слушай.

Шерли прислушался. Со стороны океана доносились голоса и ещё какие–то звуки, похожие на бой барабанов. Не сговариваясь он бросились к выходу и, растолкав по дороге плохо соображающую спросонок Джилл, кинулись к берегу.

Там они обнаружили стоявшего по колено в воде Кхара и приближающуюся к острову маленькую флотилию, состоящую из трёх довольно внушительных лодок, отдаленно напоминающих индейские пироги.

— Кто это? — окликнул Шерли туземца, который едва в воду

не свалился от неожиданности.

— Исху, — ответил Кхар, — они пришли поклониться вам.

— Но как они узнали?

— Я сказал.

— Что значит — сказал?

Вопрос остался без ответа.

Дальше началось нечто невообразимое. Едва вытащив лодки на берег, почти все новоприбывшие, упали на колени с воем протягивая руки к отошедшим на всякий случай подальше островитянам. Лишь худой как скелет, с головы до ног покрытый татуировками старик, остался стоять, сверля их маленькими глазками. На его фоне даже страшненький Кхар казался просто милашкой. Старик что–то сказал вождю, качая головой, но тот довольно резко оборвал его и они направились прямиком к ним.

— Боро, — сказал Кхар, указывая на уродливого старика, — жрец.

— Ну и страшилище, — пробормотала Джилл, тем не менее кивая вместе с парнями в знак приветствия.

— Зато у них есть лодки, — возразил Ларс мило улыбнувшись и Боро, что–то хрюкнув грохнулся на колени.

— Мда, Ларс, у тебя в прямом смысле слова сногсшибательная улыбка, — ухмыльнулась Джилл, — даже этот урод не устоял.

— Не знаю, как вам, но меня бесят все эти ритуальные валяния, — Шерли нервно переступил с ноги на ногу, — лучше бы вытащили нас отсюда.

— Не беспокойся, раз уж сюда прикатили, то с собой прихватят точно. Мы же их спасители, забыл?

— Да уж. Самих бы кто спас.

***

Однако, уже на следующее утро они плыли по направлению к острову исху. Джилл забрал к себе в лодку жрец, чему она очень обрадовалась — в океане «в кустики» не сбегаешь, а в пироге жреца имелось некоторое подобие шалаша с пологом из шкуры, который он любезно предоставил ей на время путешествия. Да и вообще, он был глубоким стариком и Джилл его не стеснялась, а сидевшие на вёслах туземцы не смели даже глаз поднять на неё.

Путешествие длилось несколько дней и Джилл даже успела поближе познакомиться с Боро. Старик, даром что был страшным как смертный грех, оказался на удивление умным и похоже обладал какими–то способностями и она задалась целью

выяснить какими именно. Во–первых ей запали в душу слова Кхара, сказанные Шерли о том, что он рассказал жрецу о них. Интересно, каким образом, он мог это сделать, находясь за много миль от него? И потом, однажды, когда их настиг густой туман и Джилл очень боялась, что они собьются с курса, отстанут от их маленькой флотилии и потеряются, старик даже не встал со своего места. Лишь что–то сказал своим гребцам и, прикрыв глаза, впал в какой–то транс. В результате они не только не отстали от других, но даже поравнялись с лодкой в которой плыли Шерли и Ларс. Да и третья лодка шла за ними как привязанная, хоть и на довольно приличном расстоянии. С грехом пополам Джилл всё же удалось спросить Боро, как это у него получилось и тот коротко ткнув пальцем в Ларса, жестами объяснил, что ему помог Одал. Это никоим образом не приблизило её к разгадке, лишь подстегнуло любопытство и Джилл взяла себе на заметку, обязательно подключить Шерли. Она ещё толком не знала, почему, но внутреннее чутье говорило ей, что именно жрец может помочь им.

Остров на котором обитали исху, оказался довольно обширным, с небольшой речушкой и высокой горой, бывшей по–видимому давно потухшим вулканом, но таким же отрезанным от внешнего мира, как и их крошечный островок.

Их поселили в большой хижине стоявшей в некотором отдалении от деревни, по–прежнему принося дары, среди которых всегда были две девушки, которых Шерли с Ларсом неизменно отправляли обратно под ехидные комментарии Джилл. Им даже принесли одежду, сшитую из шкур, что было весьма кстати, ибо их одеяние давно уже превратилось в лохмотья. Переодевшись и соорудив из оставшегося шейного платка некое подобие бюстгальтера, Джилл критически осмотрела себя и своих спутников. Стройный изящный Шерли и мускулистый Ларс, в туземной одежде и правда выглядели как древние боги

— Что ж, весьма недурственно, — вынесла она свой вердикт, — сразу видно штучная работа. Не Кензо с Кавалли, конечно, но тоже эксклюзив.

— Тебе тоже идёт, — ехидно улыбнулся Шерли, — особенно удалась верхняя часть костюма.

— Язва. Ладно, мальчики, пора думать, как выбираться отсюда. Сыта я уже по горло всей этой экзотикой. Какие будут предложения? Шерли, ты узнал у Кхара то, о чём я тебя просила?

— Нет. Он либо не понимает, чего я от него хочу, либо просто не хочет говорить.

— Значит плохо спрашиваешь.

— Да неужели? А как нужно, может покажешь? — с пол–

оборота завелся Шерли.

— Может хватит? — рявкнул Ларс, который и так был не в духе из–за того, что у него вот–вот должен был начаться гон. В прошлый раз, ему пришлось целую неделю провести в одиночестве, чтобы не причинить вреда Джилл. Теперь же к его услугам была целая куча девушек, но покрывать одну из предлагаемых ему страшилок он не собирался. Уж лучше снова помучиться. — Всему свое время. Нужно просто подождать удобного случая.

Случай представился довольно скоро. Когда доведённый до ручки Ларс уже готов был согласиться принять в дар одну из ежедневно поставляемых им «красоток».

— Куда это ты собрался? — спросила сидевшая на безопасном расстоянии Джилл, видя, как он направляется к маленькой туземке. Девочка была совсем молоденькой и тряслась как осиновый лист.

— Отстань от него, Джилл, — посоветовал примостившийся тут же Шерли, — не видишь что ли, как он мучается.

— Вижу. А ещё я вижу, что этот кобель, просто разорвёт её к чертям! Так что уж… Ларс, — окликнула она его, поднимаясь на ноги, — иди сюда.

— С ума сошла? — Шерли тоже поднялся, загораживая ей путь, — ты хоть представляешь, что он с тобой сделает?

— С дороги, Шерли! Уж лучше я, чем эта соплюшка. С меня не убудет, тем более, что отдавать его какой–то уродине, я не собираюсь.

— Джилл!

— Отвали, кому сказала! Ты понятия не имеешь, с кем мне иногда приходилось сталкиваться и чем я вообще занималась. Бордель мой помнишь? Где Ларс скрывался? Так вот, наш драгоценный альфа — просто щенок, по сравнению с его завсегдатаями. Так что, иди- ка ты лучше погуляй, солнышко. А мы тут без тебя разберемся. Тем более, я и сама скоро без мужика на стены полезу. Конечно, твоя кандидатура меня бы больше устроила, но я ведь не твоя женщина, верно?

— Да.

— Вот и ступай отсюда.

Возразить на это было нечего и Шерли ушёл. Сначала он хотел подождать снаружи, устроившись неподалёку на вершине большой песчаной дюны. Но спустя короткое время, слушая громкие стоны, крики и даже рычание, доносящиеся из хижины, просто сбежал от греха. Дабы не плюнуть на всё и не присоединиться к сладкой парочке.

Его появление в деревне вызвало настоящий ажиотаж, —

«боги» предпочитали держаться подальше и никогда не заходили к туземцам.

Все от мала до велика высыпали на улицу и теперь сопровождали его, что–то восторженно лопоча.

— Надо же, — пробормотал он себе под нос, пробираясь по тропинке между убогими, покрытыми пальмовыми листьями строениями, — прямо явление Соула народу.

Навстречу ему уже спешили Кхар и Боро.

— Я посижу тут с вами немного, — сказал Шерли, уловив вопрос в глазах вождя, — моим друзьям требуется уединение.

Кхар понимающе кивнул и улыбнулся, показывая чёрные зубы, которые туземцы покрывали каким–то составом, затем приглашающе махнул в сторону большого костра, горевшего напротив приличных размеров хижины.

В целом, Шерли даже немного развлекся, наблюдая за ритуальными танцами и слушая их завывания — по словам Кхара, жители деревни устроили настоящий праздник в его честь.

Уже глубокой ночью, когда все разошлись, Шерли сидел, вглядываясь в огонь и вспоминая родной дом и любимых людей, которых он так нелепо лишился.

— Почему Соул отвергает жену? — вывел его из задумчивости голос вождя.

— Что? — не понял он.

— Исху каждый день присылает тебе девушку, — объяснил Кхар, — чтобы она стала тебе женой. А ты её не хочешь.

— Не хочу.

— У Одала есть Кьял. Ты всегда один. Почему?

— Потому что у меня уже есть жена. Она ждет меня дома.

— Она далеко.

— И что с того?

— Соулу нужна женщина.

— Нет.

— Плохо.

— С чего бы вдруг?

— Ты молодой. Без жены, ты можешь заболеть.

— Боги не болеют, насколько мне известно. Я — тем более. Я необычный бог.

Кхар задумался, и Шерли уже было снова погрузился в свои мысли, когда он спросил:

— Вам плохо с нами?

— Да не то чтобы. Но, мы все очень скучаем по дому, Кхар. Вот если бы тебя забросило в совсем незнакомую тебе местность ты бы скучал?

— Да.

— Вот и мы тоже, — тяжело вздохнул Шерли, — ты себе даже не представляешь, как я скучаю по Аните, по отцу, даже по Арвену!

— Анита…

— Так зовут мою любимую девушку. Жену. А моего отца…

— Хочешь увидеть их? — неожиданно спросил Кхар.

— То есть как это — увидеть, — от изумления Шерли поперхнулся воздухом.

— Так же как Боро увидел вас и меня там, на острове. Он может делать так, чтобы видеть.

— Ваш жрец обладает какими–то способностями?

— Что есть спо–соб–ность?

— Я не так выразился, прости. У него есть дар? Боги наградили его даром?

— Нет. Боги всегда нас только наказывали. Он просто может и всё.

— Ладно, пусть так. И да, конечно же я очень хочу увидеть! Когда это можно будет сделать?

— Не знаю. Боро сам решит. Я поговорю с ним. Он обязательно согласится. Но для этого нужен особенный ритуал. А пока, тебе нужно отдохнуть, Соул. Ты еще слишком молодой бог и твое земное «я» хочет спать. Кхар знает. На вот, выпей, — вождь протянул ему миску с каким–то вкусно пахнущим травяным настоем, затем взял засыпающего на ходу Шерли за руку и проводил в свою хижину.

Утром, Шерли разбудил Боро.

— Вождь сказал мне, что ты хочешь увидеть отца?

— Да.

— Ты его увидишь, но с условием.

— Всё что угодно!

— Не торопись, Соул. Вдруг оно тебе не понравится.

— Говори.

— Я помогу тебе увидеть отца и даже сделаю так, что он тоже сможет увидеть тебя. Но ты и Одал отдадите нам кое–что взамен.

— Что именно?

— Свое семя. Вы подарите нашим женщинам детей.

— Зачем тебе это?

— Моё племя вымирает. И я знаю — почему. Мы слишком долго жили одни. Когда–то у нас был прекрасный остров, и Одал часто выносил к его берегам чужих, от которых наши женщины рожали здоровых и красивых детей. Пока боги не отвернулись от исху. Твоя мать Кьял простила неразумных исху и послала нам вас. Чтобы племя снова стало прежним. Пока вы отвергли всех, кого мы вам присылали. Укажите мне тех, кого вы желаете. Как

только хоть одна из них понесёт, мы вернёмся к нашему разговору.

— Но я не могу решать за Одала, — Шерли ожидал что угодно, но только не такой необычной просьбы.

— Так скажи ему!

— Но…

— Тебе решать, Соул.

— Хорошо. Мы это обсудим.

Жрец кивнул и низко поклонившись покинул хижину Кхара, оставив изумлённого «бога» сидеть у потухшего очага.

***

— Я не буду этого делать! — Шерли возмущенно бегал перед сидящими в обнимку Ларсом и Джилл, — ни за что! Только не это!

— Я тоже, — поддакнул Ларс, нежно потираясь носом о щёку Джилл.

— Что значит не будете?! — Джилл сбросила руки Ларса и вскочила на ноги. — Даже если от этого зависит наше спасение?

— Да какое к чёрту спасение! Чем нам может помочь какая–то картинка?! Ну увижу я отца и что дальше?!

— Кхар сказал, что не только ты его увидишь. Тебя ему тоже покажут. А это значит, он будет знать, что ты жив! Надеюсь, у него достаточно связей, чтобы начать твои поиски. А кстати кто он — твой отец? Может ты лучше попросишь показать тебе Эймса? От него толку больше будет.

— Я почему–то всегда считал тебя умной, Джилл. А на самом деле…

— Не может быть… — потрясённо ахнула Джилл, — признаю, Шерли, я и в самом деле клиническая идиотка, раз до сих пор не допёрла! Эймс и есть твой отец! Вот же я дура!

— Вот именно!

— Тогда тем более! Это даже более чем шанс! Да твой папочка землю перевернёт, чтобы найти тебя.

— Вот и трахайся сама с этими уродками!

— За шанс на спасение?! Да удовольствием бы трахнулась! Если бы у меня член был! Да вот как–то не случилось. Вы только посмотрите какой эстет выискался! Ничего, личико тряпочкой прикроешь и вперед! А там у всех баб всё одинаково устроено! Или ты просто подружке своей изменить боишься?

— Не твоё дело!

— Ну все понятно! Только вот я больше чем уверена, что

Аните твоей гораздо нужней твоё присутствие рядом. И ей будет совершенно без разницы, какой именно ценой ты оплатил своё возвращение. К тому же, как она об этом узнает?

— Например от тебя.

— Ошибаешься, мой милый. Когда нужно, я умею держать язык за зубами. Ларс тем более не скажет.

— Всё равно нет!

— Ну это мы ещё посмотрим. А ты Ларс? Тебе сам бог велел размножаться. Ты вообще альфа или где?

— Ты теперь моя пара. Альфы никогда не изменяют!

— Да что б тебя! Какая ещё на хрен пара? То, что мы с тобой неплохо провели время к взаимному удовольствию, еще не говорит о том, что я вот так вот взяла и стала твоей парой. Хочу напомнить, что тебя дома омега ждёт не дождётся.

— Моя омега ещё совсем ребёнок.

— Тем более.

Но оба парня упёрлись рогом и ни в какую не соглашались ложиться в постель с туземками. Джилл исчерпала все аргументы и уже потеряла надежду уговорить их, когда ей на помощь пришёл Кхар.

За время пребывания здесь и она и Ларс довольно сносно научились болтать на языке туземцев и прекрасно их понимали.

Однажды, когда она, злая на весь мир в целом и на несговорчивых парней в частности, сидела в одиночестве у костра, её окликнул подошедший вождь.

— Можно поговорить с тобой, о, Кьяли?

— Никакая я не Кьяли! — рявкнула она, — и вовсе не богиня. Меня Джилл зовут. И я самая невезучая девушка на всем белом свете! Ты же умный, Кхар, неужели до сих пор не понял, что мы обычные люди?!

— Я давно все понял, Джилл. Ещё там, на вашем острове. И Боро тоже всё понял.

— Тогда почему мы до сих пор живы?

— Потому что моим людям нужно во что–то верить. Они верят в вас. Верят, что вы поможете нам выжить.

— Да все я понимаю. Ты мудрый вождь, Кхар. И жрец твой мудрый. Я понимаю, что вам жизненно необходима свежая кровь. В детях Ларса и Шерли эта кровь будет. Иначе вас ждёт вырождение. Жаль, что эти тупые упёртые бараны никак не хотят этого понять. Трясутся над своей спермой дурацкой, будто она драгоценность какая–то! Идиоты.

— Ты неправа. Для нас, их семя действительно великий дар. И я понимаю их. Наши женщины некрасивы и им трудно решиться лечь с ними.

— Да уж! Трудно, это мягко сказано.

— Но я могу помочь.

— Ты серьёзно? Как?!

— Завтра у нас будет праздник урожая. И ты должна будешь уговорить их прийти к нам. Дальше я все сделаю сам.

— Ты хочешь опоить их какой–то гадостью? Извини, Кхар, но нет. Я не буду участвовать в этом. Они, конечно гады упертые, но травить их я тебе не дам.

— Не бойся, Джилл, я ничем их не буду травить. Но они согласятся. Оба.

— Ты что какой–то колдун?

— Не знаю. Но могу сделать так, что они согласятся. Боро может видеть и показывать, а я умею это.

— Надо же как интересно! Значит у тебя и Боро есть паранормальные способности?

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Да неважно. Колдун ты, короче. Вот вы все время на богов своих сетуете. А они смотри- ка вас способностями наделили. И много вас таких?

— Нет. Только Боро и я. Мой отец и дед были такими же. И…

— По наследству передаются значит. Кхар, а у тебя дочка есть?

— Конечно! У меня их много. Я в первый же вечер прислал к вам одну из них. Она красивая. Но и её, твои мужчины отвергли, — с обидой произнёс Кхар.

— Ну это кому как! В нашем мире свое понятие о красоте. Так что не обижайся. Хорошо. Мы придём обязательно. Уж праздник–то посетить они точно не откажутся.

***

Джилл так и не поняла, какими способностями обладал Кхар, но даже у неё некоторые события выпали из памяти и она подозревала, что не только Ларс с Шерли поддались всеобщей вакханалии, которая длилась, как впоследствии сказал довольный Кхар целую неделю.

Очухалась она в собственной хижине, с гудящей как медный колокол головой рядом со спавшими мёртвым сном абсолютно голыми парнями. Некоторые части тела тоже ощутимо побаливали и она с ужасом подумала, что будет, если они проснутся. Особенно Шерли. Но они, как ни странно проснулись свежими и бодрыми и, что самое удивительное, совершенно ничего не помнящими. И очень удивились, почему это они спят в

таком виде.

«Хм, — про себя хмыкнула Джилл, — нагота, это ещё не самое страшное, что с вами случилось, мальчики».

В общем все обошлось более или менее хорошо, если не считать парочки перезагрузок Шерли, которых у него не было ни разу, за все пребывание на острове и грандиозного скандала, закаченного им же, когда он обо всём узнал. Да Джилл пришлось изрядно понервничать, каждый день моля бога о том, чтобы не случился залёт. Но и тут бог миловал и она вздохнула с облегчением.

Зато, на следующий же день после праздника Боро прислал к ним парнишку с известием о том, что вечером он проведёт долгожданный ритуал.

«Мда, видимо праздник удался, — ухмыльнулась про себя Джилл, — и что же вы там творили, мальчики, хотела бы я знать?»

И вот, наконец, Ларс и Шерли уселись у костра, взявшись за руки. Джилл в круг не пустили, потому что она была женщиной. Она и не настаивала — всё что угодно, лишь бы сработало, поэтому Джилл стояла рядом с дочерью Кхара.

Боро дал выпить Шерли какого–то отвара, попросил у него вещь, к которой прикасался его отец — Шерли снял с шеи крестик на цепочке, который носил почти с самого рождения и жрец уже начал ритуал, когда все пошло не так. Вместо того, чтобы впасть в транс, Шерли начал перезагружаться, видимо его жёсткий диск не был рассчитан на подобные воздействия. Джилл испугалась до чертиков, что Боро сейчас же все прекратит, но жрец даже глазом не моргнул.

— Я всегда знал, что ты особенный Соул, — заявил он, когда Шерли пришёл в себя. — От него, — он кивнул на Ларса пахнет зверем, но твой запах другой. Может ты и правда бог. А значит я сделал правильный выбор.

— И что теперь? Ничего не получится?

— Сегодня мы не будем продолжать ритуал. Нужно, чтобы твой разум очистился. Приходите завтра.

Следующий день тянулся, казалось, целую вечность. Но зато вечером, у Шерли всё получилось. Они с Ларсом снова уселись в круг, Боро взял в руку крестик Шерли, вторую положил ему на голову и приказал:

— Закрой глаза! Думай только о своём отце! Выброс из головы все мысли, думай только о нём! Представь его таким, каким помнишь.

Шерли закрыл глаза, сосредоточился и вызвал из памяти образ Майка.

И он увидел — ярко горевший ночник и отца, потянувшегося за стаканом с водой. Сначала картинка была не четкой и он собрав всю свою волю, потянулся к нему ещё сильней, мысленно преодолевая пространство, разделяющее их.

— Папа! — изо всех сил ментально позвал он, — папа, я здесь! Я живой! Пожалуйста, услышь меня! Найди нас, умоляю!

Он не слышал, как Боро убрал руку с его головы, не видел, как он начал крутиться вокруг него, шепча какие–то слова… Перед его мысленным взором стоял отец, который схватившись за голову, корчился от боли. Ему было очень жалко его, но он упрямо не отпускал контроль, пока там, за много сотен миль от него, отец с мучительным стоном не выдохнул: «Шерли! Ты жив, мой мальчик! Шерли…»

Глава 20

После странного видения прошло почти три месяца, а поиски так и не увенчались успехом. Майк поднял все свои связи среди учёных, занимающихся проблемой пространственного континуума, вычислив наиболее вероятную точку искривления пространства. И точка эта, судя по снимкам, полученным со спутников, находилась в самом центре Атлантического океана. На тысячу морских миль вокруг не было ни одного клочка суши, пригодного для выживания. Даже, если теория перемещения верна, то вероятность того, что Шерли и его товарищи по несчастью выжили, неумолимо стремилась к нулю. Тогда его отец, бывший в прошлом маститым физиком, предположил — учитывая площадь провала, его глубину, а также протяженность, точка выхода должна быть не одна. Как минимум две, или три, а может и больше. И плотность тумана, который они видели уже несколько раз, обследуя пропасть, говорит именно об этом. Поэтому зацикливаться на поисках только в Атлантике не стоит. Майк не особенно доверял отцу; после перенесённого инсульта, в больном мозгу возникали и не такие бредовые теории, но на всякий случай проверил и её, заставив его в качестве доказательства скрупулёзно рассчитать точки выхода. Отец рассчитал три, которые на компьютерной графической модели представляли собой вершины треугольника.

Теория сработала в первой же указанной отцом точке. Несколько месяцев назад, неподалёку от Мадагаскара, рыбакам в сети попался труп девушки. Майк лично вылетел туда. На месте выяснилось, что не найдя родственников, её похоронили как безродную на общественном кладбище для бедных. Майк потребовал эксгумацию. Местные власти посопротивлялись для вида, но деньги, как известно творят чудеса.

Побывавшее сначала в воде, а потом и в земле тело было сильно подпорчено рыбами и разложением, но Майк хоть и с трудом, но всё же опознал в неизвестной Джиллиан Бригстоун. Следов Шерли и Ларса по–прежнему не было и это давало крохотную надежду на то, что они всё же живы.

***

Из–за предстоящих выборов в парламент, Майку пришлось вернуться домой. Арвен перехватил инициативу и продолжил поиски. Сославшись на командировку и оставив глубоко

беременную Аниту на попечение родственников, он объездил всю Океанию, побывав на каждом острове, но там даже трупов похожих не находили. Анита по–прежнему ничего не знала об их поисках. Ей и так приходилось нелегко. Она хоть и хорохорилась, но беременность протекала не слишком гладко, бОльшую часть времени, девушка находилась в особняке Майка под присмотром личного гинеколога и дополнительные стрессы сейчас были ни к чему.

С каждым днём, надежда таяла как снег под весенним солнцем и Арвен всё больше склонялся к мысли, что Шерли всё–таки погиб, но озвучивать её Майку не спешил. Тот и так стал похож на собственную тень.

Арвен прилетел из Полинезии ранним вечером. Отчитавшись перед Майком об очередном провале и выслушав теорию его отца о какой–то плавающей во времени точке, отдававшую откровенным безумием, он поехал домой.

— Господи, Арвен, ну где тебя вечно носит? Когда наконец, закончатся твои командировки дурацкие?! — спросила Анита, вставая ему навстречу, когда он вошёл в гостиную. — Мать с отцом меня уже достали своей неуёмной заботой. Да и мистер Говард тоже, — пожаловалась она, чмокая его в щёку.

— Ничего, детка, потерпи ещё чуточку. Они же тебе добра хотят. Вот появится малыш, тогда они будут с ним возиться. А тебе и правда нужно поберечь себя. Где они, кстати?

— Домой отправила. Захотелось побыть одной. Я между прочим беременная, а не больная. Все женщины через это проходят.

— Не скажи. Моя супруга, когда носила Дану, носилась как сайгак. Никаких токсикозов, вообще!

— Интересно, откуда ты знаешь, если тебя постоянно не было рядом.

— Ну, она мне писала.

— А ты верил. Болван!

— Анита!

— Ладно, не сердись. Я любя. Пошли, кормить тебя буду. Мама сварила обалденный томатный суп, по бабушкиному рецепту. Даже я целую тарелку съела.

— Знаю я твои тарелки.

— Не хами. Марш руки мыть и за стол, — тяжело ступая, она направилась в кухню.

Арвен проводил её умильным взглядом. В джинсовом комбинезоне с большим круглым как мячик животом и торчащими во все стороны коротко стриженными волосами, Анита походила на героя детской сказки. Только пропеллера на

спине не хватало. С приближением родов на её лице, всё чаще появлялась полузабытая озорная улыбка.

Все они с нетерпением ждали появления малютки — Шерли, но Анита, казалось, вообще жила только ожиданием. Сама вязала крохотные вещички, хотя детскими вещами был доверху набит шкаф в её бывшей комнате, которую они приготовили для будущего малыша. Смотрела мультики, часами разговаривала со своим пузиком, пела ему песенки и напрочь отказалась от своего любимого интернета ибо «мистер Говард сказал, что жесткое излучение вредно для крохи».

Арвен тоже не особенно любил всемирную сеть. В социальных сетях не регистрировался, считая это глупой блажью и электронный адрес имел лишь в целях переписки, поэтому отказ Аниты от компьютера только приветствовал.

Они поужинали вдвоём. Посмотрели лёгкую комедию и разошлись по своим комнатам. Во сне, ему приснилась дочь и он проснулся отдохнувшим и в прекрасном настроении. Арвен не слишком доверял снам, но Дана всегда снилась ему перед каким–то очень значимым событием.

Он принял душ и уже добривал вторую щёку, когда к нему в ванную постучалась Анита:

— Арвен, твой телефон звонит уже пять минут! Видимо кому–то очень не терпится с тобой пообщаться.

Он высунулся в коридор, протягивая руку:

— Давай.

Номер был совершенно незнакомым, телефон всё звонил и у него почему–то ёкнуло сердце.

Он нажал на «приём»:

— Алло.

— Арвен, это Эндрю Кухар. Помнишь меня?

***

Эндрю сидел у окна привокзального кафе, пил экспрессо, наблюдая как ночные огни отражаются в лужах оставшихся после дождя, и ждал автобус. У ног стоял рюкзак, в кармане лежали кредитки, деньги и документы. А вокруг бурлил Веллингтон, в котором уже не было Кэти.

…Их совместный год был идеальным. У его жены была восхитительная улыбка. Как и сама Кэти. Нежная и светлая. Как ангел, спустившийся с небес, специально для него. И он был счастлив. Целый год он просыпался в мягкой постели, принимал душ, чувствуя ароматный запах яичницы с беконом и кофе,

доносящийся из кухни их небольшого домика на окраине Веллингтона.

Кэти. Обнять, чмокнуть в щечку с шутливым рычаньем цапнуть пониже спины. Яичница с беконом, тосты, кофе.

— Все, я побежал.

— Хорошего дня, милый.

— Хорошего дня, любимая.

Вечера, наполненные теплом и уютом и жаркие ночи в её объятиях.

Грёбаный обдолбанный придурок, врезавшись на джипе в толпу людей на автобусной остановке, похоронил его счастье на тихом кладбище в пригороде Веллингтона. Как будто он мало пережил, воюя в горячих точках, наравне со спецназом. Как будто злобная старуха отомстила ему за тех, кого он вытащил с поля боя, вырвав из костлявых пальцев её добычу.

Цветы на свежей могиле… Как она говорила? «Пока есть цветы, мы можем надеяться…» И стучало в висках: «Звезда опустилась к тебе в ладонь, смотри не спугни её» …

Кэти… Его потерянный ангел.

После похорон, он — Эндрю Кухар, бывший военно–полевой врач, переживший столько смертей, что казалось, слёз уже не осталось, сидел на выжженной тропическим солнцем траве и глухо рыдал. Сил возвращаться в дом, где он был счастлив, просто не было.

Он продержался месяц, каждый день навещая её могилу. А потом решил уехать, ибо оставаться здесь, где все напоминало о ней, стало совсем невмоготу. Уехать, как можно дальше. От шумных улиц. От могилы Кэти. От памяти. От себя. Он открыл карту Новой Зеландии и наугад ткнул пальцем. Крошечный городок на берегу океана. Самая окраина острова. То, что надо.

***

Провинциальная больничка оказалась настолько маленькой, что Эндрю бы точно прошёл мимо, если бы не вывеска.

Мистер Тревор, бывший здесь и за главного врача и за всех специалистов сразу, принял Эндрю с распростертыми объятиями. Тут же собрал персонал, состоявший из двух пожилых медсестёр и санитара- аборигена, чтобы познакомить их со столичным доктором. Одна из сестёр, миссис Пибоди, любезно предложила снять у неё флигель. Так что ни с жильём, ни с работой проблем не возникло и уже следующим утром, Энди знакомился с новым местом работы.

Больница была старая, из оборудования присутствовал только видавший виды рентгеновский аппарат, который по словам мистера Тревора «работал через раз», минимум инструментария и медикаментов, и Энди порадовался, что захватил с собой хирургический набор, подаренный коллегами в день его увольнения из столичной клиники. Отделение всего одно, но благодаря стараниям местного персонала, сверкающее чистотой как яичко на пасху, что в провинциальных больницах было большой редкостью. И всего три палаты. Осмотрев две, Эндрю уже было решил, что пациенты здесь лечатся только амбулаторно, когда мистер Тревор открыл дверь в третью.

— Знакомьтесь, мистер Кухар — наш единственный пациент.

В палате лежал молодой парень. Коротко стриженные тёмные кудряшки, обрамляли спокойное бледное до синевы лицо с высокими скулами и удивительно правильными чертами. Чётко очерченные губы трогала чуть заметная улыбка, длинные ресницы оттеняли почти прозрачные веки, под которыми непрерывно двигались глазные яблоки, словно парень видел какой–то сон.

«Джон Доу», — прочитал Эндрю на табличке, прикрепленной к изножью кровати.

— Он спит? — вопрос прозвучал довольно глупо.

— Он всегда спит. С тех самых пор, как местные рыбаки выловили его неподалёку от побережья. Вообще–то они утверждали, что он свалился из ниоткуда прямо им в лодку, но учитывая, что здешние аборигены почти никогда не бывают трезвыми, я склонен думать, что это пьяный бред. Думаю, бедолага просто выпал за борт из какой–нибудь проходящей мимо богатенькой яхты. Судя по вещам, которые были на нём, мальчик далеко не бедный.

— И что, никто его не искал?

— Неа. Мы несколько раз давали объявления в местной газете, но никто не откликнулся. Миссис Галахэр даже в Веллингтон дочке звонила, чтобы та в столичную прессу обратилась. Но сами знаете, кто станет слушать девушку из бедного квартала. Нет денег, нет объявления. Так и лежит у нас вот уже полгода.

— Он все время спит?

— Да. Сначала я думал, что это кома, у него рана на голове была и ссадин много, ударился наверное о воду при падении, да и штормило в тот день. Я обследовал его, насколько это вообще возможно с нашим оборудованием и понял, что комой здесь не пахнет. Рана довольно быстро затянулась, ушибы и ссадины прошли, никаких серьёзных повреждений, которые могли бы

вызвать подобное состояние у него не было. Если бы был отёк мозга, он долго не протянул бы, сами понимаете. Загадочный случай, знаете ли. Такое впервые в моей длительной практике. Я перерыл кучу медицинской литературы, в том числе и по психиатрии. Похоже на состояние кататонии или на летаргический сон. Симптомы похожие — низкое давление, слабый пульс, отсутствие реакции на внешние раздражители. Но Джон… У меня такое ощущение, что он не здесь. Он иногда смеётся, что–то бормочет, даже рот открывает, когда его кормят. Все остальные функции, отвечающие за жизнедеятельность организма тоже сохранены. Вот, посмотрите историю, — мистер Тревор протянул довольно пухлый том, — я почти каждый день снимал энцефалограмму, пока наш старый аппарат не сдох окончательно.

Эндрю развернул длинные ленты.

— Видите, — продолжил старый доктор, — вот здесь и здесь всё нормально — зубцы правильные, чёткие, а вот тут — совсем ровная линия. Странно, правда? Такое впечатление, что часть его мозга просто выключена. Хотя, если бы это было так, парень давно бы умер!

А это снимки черепа. Они очень нечеткие, но вот, видите тёмное пятно? Как будто там инородное тело? Вопрос — как оно туда попало, если мы обрили его налысо и никаких шрамов не обнаружили.

— Почему вы не показали его специалистам? — спросил Эндрю, разглядывая на свет снимок. В голове у парня действительно что–то было. И это что–то, явно не опухоль.

Мистер Тревор удивлённо воззрился на него.

— И вы считаете, что кто–то из столичных эскулапов потащится в такую глухомань ради какого–то неизвестного?

— Вы правы. Никто бы не поехал. Но всё равно, нужно что–то делать. Может родственники его с ног сбились, разыскивая мальчика, а он здесь лежит.

— Вам и карты в руки, мистер Кухар. Вы у нас столичная штучка, человек со связями, так сказать. Работы у нас не много, так что свободного времени будет достаточно. Считайте, что с сегодняшнего дня, Джон — ваш единственный пациент.

Эндрю отнёсся к поручению более чем серьёзно. Каждый день отслеживал состояние Джона, для чего сам починил энцефаллограф, съездил в бывшую клинику, чтобы показать его историю и данные обследований нейрохирургу, даже уговорил знакомого психиатра приехать — все только руками разводили. Да, случай странный. Да, нужно полное обследование. У мистера Доу есть медицинская страховка, дабы покрыть расходы? А у вас,

мистер Кухар, достаточно средств на дорогостоящую операцию? Нет? Тогда до свидания.

А Джон по–прежнему спал. И видел свой бесконечный сон.

Обе медсестры — Линда Пибоди и Марта Галахэр, относились нему как к родному сыну.

«Джонни–бой», ласково называли они его, наперебой приносили ему разные полезные бульоны и кашки собственного приготовления, кормили с ложечки, заботливо массируя горло, чтобы он не дай бог не подавился, ухаживали за ним как за младенцем.

Боро же вообще относился к нему как к божеству, называл его Соул — сын солнца и однажды даже рассказал Эндрю красивую легенду, бытующую среди его народа о боге, спустившемся с небес. Местные аборигены, как дети верили в свои легенды и Боро не был исключением. А Джон, даже на его — Эндрю взгляд, слабо разбирающемуся в мужской красоте, был удивительно хорош собой. Даже такой — спящий и беспомощный.

Боро даже ночевал тут же на циновке, чтобы быть рядом с юношей. При его костлявости и низком росте, он был очень силён и всегда держал Джонни на руках, пока Марта или Линда перестилали его постель, а уж ежедневный ритуал купания, был для него священным. Он постоянно говорил с Джоном на своем диалекте, рассказывал ему древние легенды, несколько раз проводил над ним какие–то свои ритуалы, поил целебными отварами, и Эндрю даже иногда казалось, что тот реагирует на него. Но всё оставалось по–прежнему.

Проблема поисков родных Джона, сутками вертелась в сознании Эндрю, почти превратившись в навязчивую идею.

Сеть здесь работала слабо и нерегулярно, но ему всё же удалось разослать несколько запросов, а так же кинуть клич среди интернет — сообщества о потеряшке-Джонни, выложив фотки спящего Джона. Из личных вещей, кроме весьма дорогого крестика на цепочке, который по чистой случайности не присвоили себе рыбаки, больше ничего не было, но Эндрю педантично сфотографировал и его, так же выложив на сайте для пропавших без вести. Пока всё это слабо помогало. Было несколько ответов и фотографий пропавших людей, но это был не Джон. Эндрю просто не мог поверить, что такого как Джон, никто не ищет и продолжал поиски с удвоенной энергией.

Однажды, лазая в сети, Эндрю наткнулся на знакомое лицо. Арвен Миллиган. Его старый армейский товарищ, с которым он когда–то служил. С тех пор прошло уже двадцать с лишним лет, а Арвен почти не изменился — всё та же армейская выправка, мужественное лицо. Вот только одет он был не в форму цвета

хаки, а в дорогой костюм, да африканский загар, сменился на почти аристократическую бледность. Судя по статье, Арвен служил телохранителем у известного на весь мир политического деятеля, а также учёного и миллиардера Майкла Эймса.

«Вот бы связаться с ним, — сказал Эндрю сам себе, — такой шанс для Джонни! Помнится мне, Арвен в своё время был добрым и отзывчивым парнем. Он бы не отказал в помощи, точно. Да и деньжата у него водятся, судя по всему. И босс у него известный учёный. Не врач, конечно, но вдруг бы заинтересовался. Вот только как это сделать, если он мало того, что по другую сторону экватора, так ещё и служит на самом верху. Мистер Эймс–то, по слухам, покруче тамошнего президента будет. А я, можно сказать, в самой жопе мира».

Мысль связаться с Миллиганом, засела Энди в голову как заноза и он всё же решился позвонить парочке бывших армейских приятелей. И ему повезло. У бывшего капитана Виктора Крашника, сохранился номер телефона Арвена. Пару лет назад, Виктор, ставший вице–премьером крупной промышленной корпорации, встретился с ним случайно на какой–то презентации. Боевые товарищи, кем бы они сейчас ни были, всегда останутся боевыми товарищами — не зря же столько крови и пота пролито вместе. Тем более, если этот товарищ — начальник личной охраны не самого последнего лица государства, а Виктор ещё в армии научился вычислять нужных людей с полувзгляда. Естественно, что встреча продолжилась на следующий день в ресторане, в результате которой, у Крашника в записной книжке, появился телефон Арвена.

Несколько дней, Эндрю собирался с духом, чтобы позвонить, но потом, когда здесь уже была глубокая ночь, а Арвен, вероятно только собирался на работу, он набрал номер.

Трубку долго не брали и Энди хотел уже нажать «отбой», когда наконец услышал долгожданное: «Алло».

— Арвен, это Эндрю Кухар, помнишь меня?

— Энди- доктор? Конечно помню! Как же я могу забыть, того, кто дважды спас мне жизнь?! Привет, старый чертяка! Как поживаешь? Где ты? Чем занимаешься? — вопросы сыпались из Арвена как из рога изобилия. Эндрю даже растерялся немного.

— Э–э–э, я… нормально. Живу в Новой Зеландии, работаю как обычно — врачом в сельской больничке.

— В Новой Зеландии?! Надо же, куда тебя занесло. И давно ты там?

— С тех пор как из армии уволился. Сначала место хорошее в клинике предложили…

— А что семья… Небось уже кучу детишек настрогал.

— С семьёй не сложилось, увы. С первой женой развёлся, где–то через год, как ты уволился. А вторая… погибла три месяца назад.

— Извини. Я не знал. Соболезную.

— Ничего. Слушай, Арвен, я по делу звоню. Мы не могли бы как–нибудь встретиться?

— Какое дело? Личное?

— Не совсем. Это касается моего пациента. Ему помощь нужна.

— Встретиться не получится, извини, Энди. У меня сложно со временем да и в личном плане. Пока не могу. Но если есть какие–то данные или документы, скинь мне на почту, я посмотрю, чем можно помочь. Деньги не проблема.

— Спасибо, Арвен, — с чувством сказал Эндрю, записывая адрес электронной почты, — ты всегда был нормальным мужиком.

— Да ладно. Люди должны помогать друг другу, тем более такие старые вояки как мы с тобой.

— Так я прямо сейчас и скину инфу.

— О кей. Я в течении дня посмотрю обязательно. Свяжусь как только смогу. Давай, до связи, Энди.

Арвен положил трубку, а Эндрю облегченно выдохнул и мысленно вознося хвалу господу, кинулся к компьютеру.

Через пятнадцать минут, все фотки Джона, а так же скрины с истории болезни и жалобное сопроводительное письмо, составленное лично Эндрю, были загружены и отправлены на адрес Арвена.

Потом Энди сходил к Джону. Шикнул на вскинувшегося Боро, заботливо поправил простынь, укрывавшую хрупкое тело и, склонившись к самому лицу, тихо шепнул:

— Я помогу тебе, Джонни. Арвен, он такой — он всё может. Мы обязательно вылечим тебя. И родных твоих найдём. Возможно тогда, ты проснёшься.

Он погладил Джона по гладко выбритой щеке и тихонько вышел. Полюбовался на небо, выкурив сигаретку и пошёл спать.

Тишину его спальни телефонный звонок разорвал так внезапно, что Эндрю даже подпрыгнул от испуга. Нашарив выключатель, он включил прикроватный ночник и взял телефон.

— Алло.

— Эндрю, — голос Арвена звенел от напряжения, — как зовут твоего пациента?

— Я не знаю. Мы зовем его Джон Доу. Как всех неизвестных.

— Как он попал к тебе?

— Он здесь уже больше восьми месяцев. Его местные рыбаки

выловили в океане.

— В Новой Зеландии?! Чёрт! Чёрт! Чёрт!! Какие же мы идиоты!

— Арвен?! Что происходит? Ты его знаешь? Ты узнал Джона?!

— Его зовут Шерли. Шерлиан Эймс. Мы уже потеряли всякую надежду. Говори координаты. Я немедленно вылетаю к тебе.

Глава 21

После разговора со старым армейским приятелем, у Арвена потеплело на душе. Энди — маленький улыбчивый доктор, исколесивший вместе с его отрядом не один континент. Какие причины подвигли этого милейшего человека стать контрактником, Арвен не знал, но он, несмотря на довольно нестандартную для наёмника фактуру, обладал невероятно сильным характером и железной волей, порой одним словом ставя на место не в меру расходившихся товарищей по оружию. И те беспрекословно слушались его, хотя при желании могли задавить щуплого Энди одной лишь массой. Да и вообще, доппаек, положенный ему как доку, втихаря не жрал и за их спинами не прятался, а лез в самую заварушку, под пулями вытаскивая своих бойцов. Больше половины отряда, были обязаны ему жизнью и тем, что не вернулись домой калеками.

Однажды, сидя в «брюхе» боевой вертушки, перевозящей их на очередное задание, Энди вслух размечтался о том, что хотел бы быть ведущим хирургом какой–нибудь столичной клиники и все поддержали его — из капитана Кухара вышел бы классный специалист. Но судьба распорядилась по–другому: вместо клиники — маленькая сельская больничка. И Арвен считал, что тамошним жителям крупно повезло, ибо Эндрю был, что называется врачом от Бога. Костьми ляжет, но выдернет своих подопечных из лап костлявой. И неожиданный звонок был тому доказательством. Арвен сильно сомневался, что Энди позвонил бы ему, если бы дело касалось его самого, а вот ради какого–то неведомого больного… Арвен тепло улыбнулся, подумав, что пациент Энди, большой счастливчик, раз ему повезло оказаться именно в его руках.

Закончив с утренним туалетом и взяв себе на заметку в самое ближайшее время заглянуть в почту и прочесть послание Эндрю, Арвен оделся и прошёл в кухню.

Нахохлившаяся как воробей Анита сидела на стуле, обняв себя за плечи и что–то разглядывала в остывшей чашке чая.

— И что там такого интересного? — поинтересовался он, заглянув ей через плечо.

— Ничего, — встрепенулась она, — просто задумалась.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Как обычно. Нормально. Но сегодня ночью, я решила, что когда малыш подрастет, я запишу его в футбольную секцию.

— Почему? — он зарядил кофе–машину и присел напротив.

— Потому что, судя по всему, из него выйдет талантливый

футболист. Он так пинается, что моя несчастная печёнка уже превратилась в отбивную. Да и всё остальное тоже.

— Бессонная ночь?

— Не то слово.

— Давай–ка я тебе свеженького чайку заварю. А то твой остыл совсем. Или сок выжму.

— Чаю. Сок я уже пила.

Пока Арвен заваривал чай и наливал себе кофе, Анита молчала, ерзая на стуле и что–то сосредоточенно обдумывая.

— Ну давай спрашивай уже, — Арвен поставил перед ней кружку свежего ароматного напитка, — я же вижу, что тебе не терпится.

— И спрошу! Вот скажи мне, я похожа на дуру да?

— Что ещё за глупости, Анита?!

— Тогда какого хрена, вы с Майком от меня постоянно что–то скрываете?

— Мы не скрываем.

— Да что ты! И то что вы мотаетесь по всему свету в поисках Шерли, я конечно же выдумала. И твои бесконечные командировки, тоже исключительно в целях бизнеса. К которому ты вообще не имеешь никакого отношения. Ты бывший спецназовец, Арвен, и я не думаю, что Майк отпустил бы тебя куда–нибудь, чисто из спортивного интереса. Да и ваш разговор перед твоей последней командировкой…

— Ты что, подслушивала?

— Если ты думаешь, что мне стыдно, то глубоко ошибаешься! Ни капельки! Не отвлекайся. Так почему вы оба молчите?! Вы ведь ищете его? Да?! Вам что–то известно?

— Анита! Успокойся ради бога. Вот именно поэтому, мы не хотели тебе ничего говорить. Да, мы его ищем. У Майка есть одна теория и мы её проверяем.

— Он жив? — в глазах Аниты светилась такая надежда, что у Арвена сжалось сердце.

— Мы не знаем, девочка. Это правда! Поиски пока ничего не дали. Но мы будем искать до тех пор, пока не найдем его. Живого или…

— Знаешь, Арвен, я каждый вечер на ночь вместо молитвы повторяю одно единственное слово: «вернись». Я исчерпала весь запас желаний — новогодних, рождественских и деньрожденческих. И бог, если он есть, просто не может не откликнуться. Вера в то, что он где–то есть, даёт мне силы жить дальше. Почему вы решили, что имеете право держать меня в неведении?

— Анита, пойми правильно, ты плохо себя чувствовала и

лишний стресс для тебя крайне нежелателен.

— А лить слёзы по ночам для меня полезней, да?

— Прости. Мы хотели, как лучше.

— А получилось как всегда. Ладно. Только пожалуйста, Арвен, не скрывайте впредь ничего. Что бы это ни было. Даже, если вы узнаете, что его больше нет. Тогда появится хотя бы могила, куда я смогу привести нашего сына. Уж лучше так, чем полная неизвестность.

— Договорились.

— Хорошо. Кто тебе звонил? Если это секрет, можешь не говорить.

— Мой бывший товарищ. Мы служили вместе. Сейчас он живет в Новой Зеландии. Он сельский доктор и кому–то из его пациентов, понадобилась помощь.

— Ты поможешь?

— Сделаю все, что в моих силах. Энди — хороший парень и замечательный врач. Просто так звонить не стал бы. Видно совсем припёрло. Вот прямо сейчас пойду и проверю, что он там прислал. Хочешь, вместе посмотрим?

— Нет уж спасибо. Мне в последнее время докторов и в жизни хватает. Тем более, за мной мистер Говард сейчас приедет.

— Зачем? Что–то не так?

— Всё так, Арвен! Ты иногда ведёшь себя как курица–наседка. Просто заключительное УЗИ перед родами. Так что иди давай, смотри свою почту. Может и правда сможешь чем–то помочь несчастному. Всё, я пошла собираться, — Анита встала, чтобы чмокнуть его в щёку, — через пару часиков вернусь. Не скучай тут без меня. И передай Майку, чтобы больше никаких секретов!

Арвен помыл посуду, дождался пока подъехавший Говард заберет Аниту, предварительно выслушав жалобы на несносную пациентку, пропускавшую мимо ушей половину его рекомендаций, и только потом открыл ноутбук.

Уже с первых строчек письма Энди, у него заболело сердце, но когда загрузилось фото, он, повидавший всякого на своем веку, прошедший огонь и воду, подумал, что прямо сейчас позорно рухнет в обморок.

Он узнал бы его из тысяч, из миллионов! Это был он — их потерянный мальчик! Шерли, бледный до синевы, худой и с обрезанными кудряшками, но живой! ЖИВОЙ!

— Ше–ерли, — заикаясь шептал он, трясущейся рукой проводя по экрану, обводя по контуру худое лицо, не замечая льющихся из глаз слёз, — живой! Невероятно! Новая Зеландия! Но как?! Как же ты попал туда, мой хороший? Энди, ты себе не представляешь, чем я теперь тебе обязан!

Немного отойдя от шока и проморгавшись, он схватил со стола телефон и с трудом попадая в кнопки, нашёл последний входящий звонок.

— Быстрее, быстрее, — бормотал он, пока шло соединение, словно загипнотизированный глядя на экран ноутбука.

Наконец, Энди откликнулся и Арвен, спросив координаты и сказав, что прилетит в самое ближайшее время, отключился.

Теперь предстояло сообщить Майку. Судя по времени, тот был на заседании в парламенте и телефон его вряд ли активен. Но Майк убил бы его, не сообщи он ему сразу же.

Недолго думая, он набрал Инесс, бессменную спутницу своего друга.

— Я Вас слушаю, Арвен, — немедленно откликнулась трубка.

— Инесс, мистер Эймс рядом?

— Да.

— Скажи ему, что я просил его перезвонить. Немедленно!

— Он занят, мистер Миллиган, — шепотом возмутилась девушка, — идёт заседание и …

— Инесс, — гаркнул Арвен теряя терпение, — если не хочешь потерять работу скажи ему сейчас же!

— Что именно я должна ему сказать?

— Два слова. Приоритет «ультра». Он поймёт.

Трёх минут не прошло, как раздался звонок.

— Арвен, какого хрена?! Я вообще–то на…

— Я нашёл его, Майк!

— Что?!

— Я нашел Шерли! Майк! Майк?! — в ответ раздался лишь какой–то всхлип и шум падающего тела:

— Что ты ему сказал, Арвен, чёрт бы тебя побрал?! — раздался в трубке возмущённый голос Инесс. — Угробить его решил? У него и так в последнее время с сердцем проблемы.

— Что с ним?

— Пока только обморок. Но если у него сердечный приступ, я тебя прибью! Ты меня слышишь?

Но Майк, видимо уже пришел в себя, потому что отобрал у Инесс телефон:

— Со мной всё в порядке. Это просто нервы. Я сейчас приеду.

***

Каким образом Майку удалось сбежать с заседания Арвен не знал. Государственный парламент всё же не родительское собрание в школе, но когда нужно было, его друг проявлял просто

чудеса дипломатии вкупе с изворотливостью. Не прошло и получаса, как он услышал стрёкот приближающегося вертолёта. Арвен вышел на крыльцо. Винтокрылая машина ещё толком не приземлилась, а Майк уже спрыгнул вниз и понёсся в его сторону.

— Где? — коротко спросил он, подбегая.

— В моей комнате. Ноутбук.

Минут пять, Майк, затаив дыхание, просто смотрел на фотографию сына. Наконец, он медленно выдохнул и неверие на его лице сменилось на радость и облегчение. Видимо, до последнего момента думал, что это очередная ошибка.

— Но как, Арвен?! Ещё вчера вечером ты мне сказал…

— Я сам узнал лишь час назад. Мой армейский приятель позвонил, попросил помощи для своего пациента. Я не отказал. И вот… Новая Зеландия, Майк! Никто из нас даже не думал в эту сторону! Вот, смотри. Тут скрины с истории, снимки, — Арвен быстро открывал присланные файлы, — а это письмо. Оно несколько путанное…

— Поехали, Арвен, — Майк захлопнул крышку ноутбука, — я уже зарядил самолёт. В дороге всё почитаю.

— Но, Майк! Надо бы Аниту предупредить, — сказал Арвен, идя следом за ним к выходу, — она имеет право знать.

— Вот и позвонишь ей с борта самолёта. Я понимаю, конечно, ты за неё переживаешь, но меня сейчас больше волнует жизнь моего сына. Анита в надёжных руках. К тому же на таком большом сроке, крайне вредны сильные эмоции. Преждевременные роды никому не нужны. Мой внук должен родиться здоровым и в срок.

— Но…

— Это не обсуждается, Арвен!

Уже сидя в самолёте, когда Майк с головой погрузился в присланную доком медицинскую документацию, Арвен попытался дозвониться до Аниты. Но её телефон был неактивен, видимо, она была на очередном обследовании и он скинул ей сообщение: «Вынужден срочно уехать. Вернусь, как только смогу. Есть хорошие новости. Позвоню».

Отправив смс–ку, он убрал телефон в карман и уставился в иллюминатор. Майк целиком погрузился в чтение и на внешние раздражители почти не реагировал. Тем более бессмысленно сейчас было его о чём–то спрашивать. Захочет, сам поделится.

— Значит он всё время спит, — отвлёк его от бездумного созерцания облаков голос Майка.

— Ну да. Энди так описывает его состояние.

— Кажется я знаю в чём дело, — Майк сложил ладони в любимом жесте и уперся в них подбородком, легко постукивая по

губам кончиками пальцев.

Арвен молчал, прекрасно зная, что друг не нуждался в собеседнике. Это был озвученный поток мыслей и он ещё с юности привык к такой своеобразной манере общения.

— … Похоже, в момент аварии, система, дабы спасти своего носителя, создала определённое защитное поле, — продолжил Майк, — которое и спровоцировало нестандартное искривление пространства, создав совершенно иную точку выхода. Тем более, отец говорил, что их может быть больше трёх. Отсюда и Новая Зеландия. Тихий океан вместо Атлантики. Отец был прав, а я чёртов болван! И этот его сон… Почему? Может быть… да… точно! Вот же причина! Травма черепа! Система защищалась! И включила спящий режим. Арвен, это гениально! Чтобы не навредить себе, она создала для него оптимальные условия существования. Снизив до минимума все жизненные процессы, она ввела его практически в анабиоз.

— И как его теперь э–э–э… включить обратно? — осторожно поинтересовался Арвен. — Есть идеи на этот счет?

— А никак, — весело сказал Майк, — он сам проснётся, если я или ты возьмём его за руку

— Что за хрень ты несёшь, Майк? Он восемь с лишним месяцев в этой больничке. Хочешь сказать, что к нему никто ни разу не прикасался? Да один только Энди, тысячи раз. И это не считая медсестёр и всяких там сиделок. Судя по фотографиям, Шерли не выглядит брошенным. Наоборот, он очень ухоженный.

— Дело не в этом, друг мой. Все они — чужие для него люди, понимаешь?! Чужие! Они могли вертеть его как куклу, кормить, поить, да что угодно! Система не распознает их. Вспомни, как Шерли раньше реагировал на чужие прикосновения?

— Он их терпеть не мог.

— Вот и я о том же. Так с какой стати он будет реагировать на них сейчас? Или несколькими месяцами раньше? Я еще раз тебе говорю — сейчас в его разуме рулит система, полностью отобрав у него контроль. Никогда не думал, что скажу это, но сейчас я впервые готов сказать ей спасибо. Только благодаря ей, Шерли удалось выжить.

— А если она не захочет?

— Не захочет, что?

— Возвращать контроль. И он снова станет таким же как и прежде.

— Такой вариант, конечно не исключается, но! Я почему–то думаю, что машина не захочет больше вступать в конфликт с его человеческой сущностью. Симбиоз на данном этапе более предпочтителен. Посмотрим. Для начала, нужно проверить, верна

ли моя теория.

— То есть ты хочешь сказать, что Шерли у нас типа спящая красавица.

— Ну, красавцем его сейчас можно назвать с большой натяжкой. Но да, типа того.

— И разбудить его может…

— Прикосновение человека, которого система распознает как «свой».

— То есть поцелуй.

— И он тоже сойдёт. Хотя, проснувшись, Шерли вряд ли это оценит. Мы же с тобой не Анита.

Перелёт с дозаправками в нескольких аэропортах занял девятнадцать с лишним часов. И почти всё это время, обычно сдержанный Майк болтал без умолку, выдвигая теорию за теорией, что говорило о крайней степени его нервозности. Арвен несколько раз пытался заставить его поесть, но он упорно отказывался.

— Какого хрена, Майки? Чем ты сможешь помочь Шерли, если свалишься в голодный обморок, — рявкнул потерявший терпение Арвен, почти насильно впихивая ему в руку ложку.

— Ты тоже не ешь. Только пьешь виски.

— Даже не сравнивай. Я бывший солдат, а ты чёртова неженка. Если сейчас же не поешь, я прикажу пилоту не выпускать тебя из самолёта. Так и будем сидеть на борту, можно сказать, в двух шагах от Шерли.

— Он не станет тебя слушать.

— Серьёзно? Хочешь проверить?

— Нет.

— Ну и правильно. Так что не строй из себя капризного ребенка и ешь.

Уже почти перед самым Веллингтоном измученный ожиданием и нервозностью Майк заснул, что было очень кстати. Часок сна ему был только на пользу.

В столице Новой Зеландии, их ждал небольшой частный самолетик, ибо «Боингу» Майка в крошечном городке было просто негде приземлиться.

Их появление в городишке, вызвало настоящий ажиотаж, все–таки не каждый день на центральную улицу садится самолёт из которого выходят мужчины, видеть которых местным жителям доводилось только на экранах телевизоров или на обложках глянцевых журналов.

Несмотря на то что их встречал заранее предупреждённый Энди, до больницы они шли в сопровождении толпы горожан. Где–то даже сверкнула вспышка, но Арвен быстро это пресек,

отобрав у молодого человека камеру и сказав, что съёмка запрещена.

С каждым шагом, его сердце билось все сильней, грозя выскочить наружу, и он мельком подумал, о том, что же сейчас испытывал Майк, если уж у него адреналин зашкаливал.

Они втроём зашли в палату. Энди что–то сказал сидящему возле кровати аборигену, видимо санитару и тот, изобразив подобие поклона, вышел.

— Шерли, — Майк опустился на колени перед кроватью и прижал к груди его ладонь, — я нашел тебя, мой мальчик. Вернись к нам, сынок. Где бы ты сейчас не был — возвращайся.

***

Шерли сидел на берегу, глубоко вдыхал соленый океанский воздух и пытался разобраться в себе.

Ощущение неправильности происходящего поселилось в нём с тех самых пор, как Боро провел ритуал, позволивший ему даже не увидеть, скорее почувствовать отца. Сначала он списывал это на то, что слишком резко открыл глаза, из–за чего окружающий его мир как бы потёк, оплывая по краям, картинка резко поменялась и он увидел самого себя, лежащего на узкой кровати в убогой комнатке.

Потом появился какой–то странный, едва различимый звук, как тихое дыхание и вслед за звуком чьё–то лёгкое прикосновение …

Шерли резко зажмурился, потряс головой и всё пропало. Остался только Боро, сидящий перед ним и внимательно вглядывающийся в его лицо.

А потом пришли сны. Точнее один единственный сон, в котором он снова лежал в маленькой светлой комнате, а рядом был Боро, почему–то не в привычном облачении, а в длинной белой рубашке и брюках. Во сне он был не таким уж и страшным, просто очень морщинистым и смуглым. Ещё там были две премилые старушки, называвшие его почему–то Джонни, и доктор, который напоминал Кхара, такой же маленький, щуплый и неугомонный, и Шерли до смерти хотелось дотронуться до одного из них, почувствовать ту–другую реальность, в которой было так тепло и уютно. Но в его голове, всё время что–то щёлкало, будто выключатель и он просыпался, судорожно озираясь. Разум его дрожал и покачивался, слишком неуверенный в оси своего вращения, чтобы можно было должным образом все обдумать. Сон все повторялся и повторялся, являя собой загадку

составленную из манящих теней и мягкого сияния и он разрывался между желанием сосредоточиться на этой головоломке и невозможностью его осуществить. Но когда сон стал прорываться в реальность, Шерли всерьез подумал о том, что система в его голове просто не выдержала перегрузок и ему осталось всего ничего до того времени, когда он превратится в пускающего слюни идиота.

Он сидел у костра и смотрел в огонь, когда до его слуха донесся отчётливый металлический щелчок дверной ручки и слабый звон пустого ведра, а затем последовала короткая яркая вспышка, как будто включили лампу. Он сжал голову руками и вскочив с места, почти бегом кинулся на берег. Шелест океанских волн, всегда действовал на него успокаивающе.

И вот теперь он сидел здесь, пытаясь понять — что же с ним происходит.

Нынешнее состояние напоминало Шерли время его шестнадцатилетия. Когда он оказался в ловушке из бесконечных кругов ухудшения и восстановления. Как же мало осталось от него к концу того года, когда его разбило и сравняло с землей пронесшимся через его разум ураганом. Как он ненавидел это состояние. Ненавидел, что его, когда–то чётко выстроенные мысли, были сведены до уровня белого шума, не приносящего ничего кроме адской боли. В памяти всплыли безумные крики, собственные ногти, впивающиеся в кожу, оставляющие кровоточащие полосы на голове в отчаянной попытке выцарапать из–под черепной коробки эту нескончаемую боль.

Шерли стиснул зубы, стараясь подавить наступающую панику — оказаться в подобной ситуации здесь, на острове… уж лучше сразу головой вниз с утёса.

Он вздрогнул от тихого шёпота и прикосновения.

Рядом сидела Джилл, осторожно, почти робко поглаживая его запястье:

— Мне жаль. Мне так жаль, — чуть слышно повторяла она, — так жаль, что ты застрял здесь с нами. Ты должен, просто обязан вернуться. Должен поверить в себя. Возвращайся, Шерли.

— Куда я должен вернуться? — Шерли сердито выдернул кисть из её пальцев, краем сознания отмечая, что они как будто истончились, стали полупрозрачными, да и сама Джилл стала другой.

— Я не могу тебе сказать. Ты сам должен понять. И решить, уйти с нами или вернуться. Мы были с тобой, пока это было необходимо. Но сейчас, нам пришла пора уйти. Отпусти нас. Пожалуйста!

С другой стороны бесшумно приземлился Ларс, сквозь

призрачную фигуру которого пробивалась лунная дорожка.

— Вы ненастоящие? — Шерли в ужасе отпрянул, но Джилл удержала его.

— Мы настоящие, пока ты этого хочешь. Это ты нас создал. Всё это — она очертила воображаемый широкий круг, — игры твоего разума. Пока ты в нас веришь, мы будем с тобой.

— Я не понимаю…

— Почему ты сбежал сюда, Шерли?

— Я… мне что–то показалось…

— Что именно?

— Какой–то звук… и свет…

— Так иди к свету! Только тебе решать — останешься ли ты здесь, наедине с призраками или вернёшься туда, где тебя ждут. Потому что из нас троих, только ты живой, Шерли!

— Я не знаю — как!

— Я понимаю, тебе сейчас очень трудно, и мы с Ларсом останемся до тех пор, пока ты нуждаешься в нас. И не думай, что сходишь с ума, дорогой. Просто иногда путь к себе труден и тернист. Но ты обязательно найдёшь дорогу. Обязательно! А пока, пошли к костру.

Этой ночью, Шерли уснул в объятиях Ларса и Джилл, которые устроились рядом с ним. Уже засыпая, он снова услышал тихие шаги, чей–то голос шепчущий: «Я помогу тебе, Джонни…» и почти вжался в лежащую рядом девушку. «Спи, Шерли, — шепнула она, ласково поглаживая его по спине, — скоро все будет хорошо…»

А потом, чья–то знакомая ладонь мягко, но уверенно обхватила его кисть, вытаскивая из забытья, заставляя очнуться в мире, где не было Ларса и Джилл. И он почувствовал, как после долгих дней невозможности управлять собственным разумом, перепутавшиеся в его голове схемы встают на место, замкнув цепь и его интеллект просыпается, позволяя прежним способностям сиять ещё ярче. Ненужные воспоминания стирались, восстанавливались повреждённые папки, архивировались невостребованные, но несомненно нужные данные. Там, где были темные глубины океана забвения, вновь звучала симфония логических рассуждений, возвращая Шерли контроль над разумом, отправляя ненужные эмоции в самые дальние скрытые папки, не повреждая их, но заставляя забыть. Обновлённому разуму не нужны чувства. Гений питается знаниями

Шерли прислушался — система работала в стандартном режиме и открыл глаза в которых больше не было эмоций.

Глава 22

Меня разбудил мерный шорох дождя стучавшегося в окно. Было ещё очень рано и лишь слабый свет ночника висевшего над детской кроваткой разбавлял утренние сумерки, заставляя предметы отбрасывать причудливые тени. Скоро начнётся новый день с его суетой, заботами и проблемами. Очередной бесконечный день без него. Прошло уже столько времени, а я всё никак не могла свыкнуться с мыслью, что в моей жизни больше нет Шерли. Что всё что у меня осталось от него, это мой сын. Мой ангел, маленькое солнышко, ради которого стоило продолжать жить дальше.

Я поднялась с постели и тихонько подошла к кроватке. Малыш спал, раскинув ручки и чему–то улыбаясь во сне. Наверное ангелам, ведь он ещё такой маленький. Моя бабушка говорила, что младенцы могут их видеть, потому что их души совсем недавно пришли в этот мир. Всё это сказка, я понимаю, но мне хотелось верить в неё, тем более что моего сына звали Энджел. Точнее это его второе имя, но называть малыша Шерли было слишком больно, поэтому я звала его Энджи. Скоро он проснётся, откроет ещё по — младенчески синие глазки и улыбнется, протянув ко мне ручки. Мой Энджи. Он так похож на своего папочку. Тот же необычный разрез глаз, тёмные шелковистые кудряшки, носик, губки, улыбка — весь он сплошное живое воспоминание о том, кто уже не станет прежним. Шерли проиграл этот бой. Так сказал Майк и у меня нет оснований не верить ему.

Как же я ждала его! Тогда, почти восемь месяцев назад. Как радовалась, что он нашёлся! Те долгие две недели, пока все они были в Новой Зеландии, превратились для меня в одно сплошное ожидание. До сих пор удивляюсь, как я умудрилась не родить в тот же миг, когда, выйдя от врача, включила телефон. Сообщение Арвена, почему–то сразу вселило в меня уверенность, что Шерли нашёлся. Не знаю, откуда у меня взялись силы и терпение дождаться его звонка, ибо сама я так и не смогла дозвониться до него. Шерли жив! Я не могла поверить в собственное счастье и даже прилетевший через два дня Арвен, который пытался сказать мне, что Шерли изменился и пока даже Майк не может сказать насколько сильно, не смог вывести меня из состояния эйфории. Я верила тогда, что вместе мы со всем справимся. Когда он вернётся.

И он вернулся. Этот день я не забуду никогда. Всё утро, несмотря на свое положение, я прыгала от окна к окну, боясь

пропустить его приезд. Наконец, к дому подъехал лимузин Майка и я кинулась в прихожую. Шерли вошёл и я сразу поняла — Арвен был прав. В этом худом, бледном как смерть человеке, от Шерли мало что осталось. Его под локоть поддерживал Майк, и по недовольному лицу, было видно, как неприятны ему вынужденное прикосновение отцовской руки, а глаза были холодными и пустыми.

— Шерли! — Я бросилась к нему и попыталась обнять, но он с брезгливой гримасой оттолкнул меня, почти отшвырнув от себя, и если бы не вовремя подоспевший Арвен, я бы упала.

— Кто эта толстуха? — он окинул меня презрительным взглядом.

— Шерли, это же Анита, твоя возлюбленная, — попытался вразумить его Майк, — и она вовсе не толстая. Она просто беременна.

— Пусть она уходит!

— Шерли, так нельзя! Она носит твоего ребенка!

— Мне никто не нужен. Пусть она уйдёт!

— Шерли!

— Уходи!! — заорал он так, что на люстре зазвенели висюльки, — все уходите! Оставьте меня! — Он схватился за голову и рухнул на ковер как подкошенный.

— Арвен, уведи её! Немедленно! — Майк упал на колени рядом с неподвижным сыном.

Я стояла и смотрела на весь этот кошмар, смаргивая льющиеся из глаз слёзы, не в силах поверить в происходящее. Шерли, мой Шерли меня прогнал!

Арвен подхватил меня под руки и потащил вон из комнаты, бормоча, что всё образуется, что Майк обязательно найдёт выход, что это всё Система и я не должна верить.

Я пыталась не верить, честно, но всё это было слишком. Даже для меня. Всё что копилось у меня в душе эти долгие девять месяцев, вылилось в настоящую истерику, которую сменила боль. В этот же день, ближе к полуночи родился Энджел.

Обратно я уже не вернулась. Сначала, я хотела уехать к родителям, но Майк никуда не отпустил меня. Но через месяц, немного оправившись после родов, я сказала, что больше не могу жить в его поместье, где находилась комната Шерли, больше напоминающая больничную палату, в которой он был теперь частым гостем. Все усилия Майка, вернуть прежнего Шерли пошли прахом. По его словам, Система явно не собиралась сдавать завоёванные позиции, превратив Шерли практически в робота. И все попытки сопротивляться ей, заканчивались очередным приступом.

Майк купил небольшой домик в пригороде и перевёз нас туда. От услуг няни я отказалась, Энджи не был слишком капризным или шумным ребенком и помощь мамы меня вполне устраивала, да и Арвен навещал нас почти каждый день, снабжая всем необходимым и делясь новостями.

Со временем, Шерли почти поправился и жил в одиночестве, признавая почему–то только Арвена. Присутствие Майка вызывало у него агрессию. Он снова стал помогать полиции, раскрывая преступления почти молниеносно, что весьма повысило раскрываемость. Пока однажды, он на глазах десятков полицейских, не набросился на эксперта, попытавшегося скрыть от него улики, и если бы не Стивен, и ещё несколько копов, он забил бы его до смерти. Даже Майку с его связями, случившееся удалось замять с большим трудом. После скандала, Шерли просто заперли в отдаленном поместье его деда, оставив ему только верного Арвена и взяв старый особняк под усиленную охрану.

Несмотря на утренний дождь, денёк выдался на редкость тёплым для поздней осени и я, накормив сына, с удовольствием погуляла с ним в городском парке, наблюдая, как сидящий в коляске малыш радостно гулит, рассматривая голубей. В обед приехала мама, и я умчалась в местную парикмахерскую, отросшие волосы лезли в глаза и ужасно мешались, да и ногти требовали ухода.

Мама пробыла у меня до вечера. За ужином, она снова завела волынку о том, что если бы они с отцом знали с кем именно я связалась и чем всё закончится, они бы никогда не отпустили меня из дома. Статус Шерли, как сына мистера Эймса перестал быть тайной в тот день, когда он нашёлся.

— Не начинай, — возразила я, наблюдая как она пытается накормить сидящего у неё на руках Энджи яблочным пюре, — если бы не Шерли, у тебя никогда бы не было такого замечательного внука.

— Агу, — довольно подтвердил внук, уворачиваясь от очередной ложечки и вцепившись обеими ручонками в бабушкины волосы.

— Это да, — подтвердила она, пытаясь отцепить от волос его пальчики, — такого проказника, у нас бы точно не было.

— Давай–ка его сюда, — я аккуратно выпутала ручки малыша из длинных прядей и забрала к себе, притянув ближе его тарелочку, — поужинай, а я покормлю этого маленького разбойника.

Аппетитом сын тоже пошёл в отца, накормить его было той еще проблемой. Может потому, что он с первого дня своей жизни был искусственником; постоянный стресс во время беременности

не пошёл на пользу моему организму и молоко у меня так и не появилось, несмотря на все мои усилия и рекомендации докторов. А может ему просто передался ген «вредности» от отца. Я же говорила, Энджел — копия папочки!

Проводив маму, я искупала его и полтора часа пыталась уложить своё неугомонное чадо спать.

Наконец, он уснул и я, вздохнув с облегчением, пошла мыть посуду, когда к дому подъехала машина Арвена. Я с радостью метнулась в прихожую, открыла двери и повисла у него на шее:

— Арвен! Ты мой хороший, как же я рада тебя видеть! Я так соскучилась, — я погладила его по колючей щеке, замечая, как он похудел и осунулся.

— И я рад, — он со вкусом чмокнул меня в щеку по–прежнему обнимая, — как вы?

— Всё нормально. У Энджи уже два зуба, — похвасталась я, — и он такой смышлёный мальчик! А как… Шерли, — я с трудом проглотила горький комок в горле.

— Плохо. Анита, мне нужна твоя помощь. Я приехал за тобой.

— Нет.

— Да. Ты — последняя надежда. За это время я понял одно, если ему кто–то и сможет помочь, то только ты.

— Я не нужна ему, Арвен. Ты сам все слышал.

— Это был не он!

— Я не могу.

— Анита, послушай меня. Ты должна попытаться. Я живу с ним в одном доме и когда он спит, слышу, как он зовет тебя. А значит, где–то там, в глубинах его разума, всё ещё жива память о тебе. Если ты его любишь, пожалуйста, поехали со мной!

— Я не могу бросить сына. И с ним ехать не могу. Я… просто боюсь, что он… причинит ему вред.

— Ты оставишь его с матерью, да и Майк поможет. Анита, пожалуйста! У нас есть время до утра. Просто, подумай, нельзя сдаваться и опускать руки, если есть хотя бы единственный шанс его спасти.

— Хорошо. Я подумаю. А пока, пошли в кухню, буду кормить тебя ужином.

— Только сначала взгляну на малыша.

— Ради бога, не разбуди! Я с грехом пополам его уложила.

— Я тихонько.

Мы проговорили полночи, а потом я постелила Арвену в гостевой спальне. Он уснул почти мгновенно, а я, провертевшись в своей кровати остаток ночи, так и не смогла сомкнуть глаз. Так или иначе, выбор я уже сделала. Шерли нужна моя помощь и я сделаю все что в моих силах. Даже если потом он снова не

захочет меня видеть. Возможно, кто–то скажет, что я плохая мать, раз решилась оставить малыша и сломя голову понеслась к Шерли. Но я до сих пор любила его, несмотря ни на что. Плевать, что говорят врачи, плевать, что собственный отец запер его подальше от людей, потеряв всякую надежду. Если есть хоть крошечный шанс, вернуть того, прежнего Шерли, которого знала и любила, я вцеплюсь в него зубами и руками!

Утром, Арвен привез мою маму. Кто бы знал, как мне далось расставание с моим мальчиком, но я всё же сумела взять себя в руки, прорыдав лишь половину пути. Арвен молчал, давая мне выплакаться да и ему было просто не до моих соплей. Он нёсся на предельной скорости, ведь Шерли все это время был один, если не считать охрану.

К поместью, где теперь жил Шерли, мы подъехали, когда солнце почти скрылось за горизонтом. Я увидела его, едва мы вошли в прихожую. Он сидел на корточках у стены, обхватив себя за плечи худыми руками. Господи Иисусе! Во что он превратился?!

Тело- кожа да кости, расслабленные черты лица, вялый рот с ниточкой слюны. Почти прозрачные руки, обтянутые пергаментной кожей, такие хрупкие что страшно прикоснуться. И разрез серебристых глаз, пустых настолько, что у меня заболело сердце..

— Шерли! — я упала перед ним на колени, пытаясь отцепить от тощего плеча его ледяные пальцы. — Что с ним?!

— Я же говорил, всё очень плохо! Он ничего не ест вот уже несколько недель, чтобы поставить ему капельницу с питательным раствором, приходится привязывать его к кровати. Иногда почти совсем выпадает из реальности и постоянно перезагружается. Я больше не могу это видеть.

Взгляд Шерли до этого смотревший в никуда вдруг сфокусировался на мне:

— Анита, — едва слышно шепнул он, потрескавшимися, покрытыми сухими корочками губами.

— Шерли… — я обняла его, крепко прижимая к своей груди, чувствуя, как сотрясаются в ознобе его плечи, — я здесь, я с тобой, мой любимый. Всё будет хорошо.

Так начался новый виток моей жизни.

Поначалу, казалось, что с моим приездом, всё стало только хуже. Уже на следующее утро выяснилось, что Шерли заболел. Пневмонией. Откуда ей было взяться, никто понятия не имел, но, видимо, его организм просто устал бороться и сломался окончательно. Он то бредил сжигаемый лихорадкой, то трясся в ознобе, я поселилась в его комнате, боясь отойти от него даже на

минуту. Арвен приносил мне поесть и стоял над душой, пока я не съем хоть пару ложек, мотивируя это тем, что я нужна Шерли здоровой. И я это понимала, как и то, что больше никогда не смогу уйти от Шерли и никогда не отпущу его от себя ни на шаг. Не позволю бояться, или цепенеть и мучиться в одиночестве. Либо загнусь с ним на пару, либо вытащу его из этого кошмара.

Нам всё же удалось справиться с болезнью, даже без помощи Майка, которому мы ничего не сообщили. Арвен ставил ему капельницы с мощнейшими антибиотиками и всякими полезными растворами, а я поила теплым молоком по капельке. Обмывала. Боясь пролежней, разглаживала мельчайшие складочки, пока Арвен держал его на руках, осторожно массировала ставшее почти невесомым тело. Часто, завернув в одеяло, Арвен подносил его к распахнутому окну — просто подышать. И он засыпал, опьяневший от свежего воздуха, сопя ему в шею. Его бесконечные перезагрузки почти сошли на нет и к пятой неделе, остались только две — утром и вечером, которые проходили уже не так болезненно. Шерли немного окреп и даже чуточку прибавил в весе.

Всё это время я общалась с мамой только по телефону или по скайпу и только через два месяца, решилась съездить домой, чтобы навестить сына. Я пробыла с ним всего лишь день, а потом снова уехала. Позвонил Арвен и сказал, что без меня Шерли опять стало хуже. Он снова не спал и всю ночь скорчившись просидел у входных дверей, шепча моё имя.

Даже после пневмонии, аутичный и заблудившийся в своем разуме Шерли спал рядом со мной. Я пыталась переселиться в гостевую спальню, но он упорно каждую ночь приходил ко мне и ложился рядом. Кровать там была не достаточно широкой для двоих и я вернулась в его комнату. Похоже вить из меня веревки, стало у него безусловным рефлексом. Но меня настолько радовали даже микроскопические проявления его «Я», что я была готова не только свиться веревкой, но и завязаться в самое сложное макраме.

Ведь в сущности, что такое счастье конкретно для меня? Это спящий под боком Шерли, его отросшие кудри, щекочущие мою шею. Это тишина и месяц, заглядывающий в окно. И Шерли, тычущийся носом мне в грудь, устраиваясь поудобнее. Теперь я могла дышать, не чувствуя болезненно подрагивающей струны внутри. Теперь можно было просто жить. День за днем наблюдая за Шерли. За тем, как послушно он открывал рот, когда я кормила его с ложки. И глотать уже почти не забывал. А порой даже пытался жевать. И упаковка памперсов второй месяц оставалась нераспечатанной. Прогулки в каталке, сменились

прогулками за руку. В память врезалась поездка на машине к морю, когда мне вдруг показалось, что мой Шерли смотрит не вглубь себя, или в другие измерения, а просто в окно. Однажды мы с Арвеном решились взять его с собой в супермаркет, пришла пора ему начинать заново общаться с людьми. Я ходила по залу, одной рукой толкая тележку, а другой сжимая хрупкую кисть Шерли. А потом отвлеклась буквально на минуту, пытаясь дотянуться до стоявшей слишком высоко банки с компотом, а когда повернулась его уже не было рядом.

— Арвен, — заполошно крикнула я выворачивающему из–за угла другу, — Шерли! Он пропал! — и рванула по проходам с заходящимся сердцем.

Мы нашли моего родного рядом с двумя уродами, толкающими его, хватающими за одежду, за лицо. И снимающими это на камеры сотовых. Один со смехом шагнул Шерли за спину, похабно взял за бедра, имитируя… У меня потемнело в глазах. У Арвена, видимо, тоже.

…Когда подъехавшая полиция занялась своими обязанностями, я бережно усадила Шерли в нашу машину, укутав в одеяло.

Тех двоих на носилках вытаскивали санитары. Ориентировочно, допрашивать их можно будет не ранее чем через четыре дня. Письменно. Кости черепа, перебитые рукоятью «Зигзауэра», срастаются нескоро. Мы ехали домой. Арвен вел машину, а я на заднем сиденьи обеими руками прижимала к себе свое сокровище в клетчатом одеяльце.

***

Весной по округе поползли нервирующие слухи о нападениях на уединенно расположенные коттеджи, ограблениях и бессилии местной полиции. Но я не придала этому особого значения — наш дом хорошо охранялся да и Арвен всегда был рядом.

В тот вечер, мы остались одни. Арвен срочно уехал в столицу, его присутствие зачем–то понадобилось Майку. Не знаю, чем занимались наши охранники, но посреди ночи, я внезапно проснулась от скрипа половицы, услышала чей–то тихий шёпот, а затем крадущиеся шаги.

Размышлять было некогда. Стараясь не шуметь, я вытащила из тумбочки пистолет, которым меня на всякий случай снабдил Арвен несколько недель назад, узнав, что я умею управляться с оружием и вышла из комнаты. Страшно было до жути, но за спиной спал Шерли. Их было пятеро. В моем мозгу вспыхнули

рассказы о том, что эти звери творили со своими жертвами и я выстрелила наугад, один из них упал. В ответ раздались сразу несколько выстрелов, бок и руку обожгло невыносимой болью и я рухнула на пол.

***

Анита уже не видела, как выскочивший из комнаты Шерли, голыми руками вырвал ствол у одного из нападавших, не слышала выстрелов, вбежавших в дом охранников. Тем более не чувствовала, как он сдирал с неё футболку, перетягивая предплечье шнуром от настольной лампы, как зажимал ей простреленный бок, рукавом своей пижамной рубашки, пачкаясь в её крови и обливаясь слезами.

Примчавшийся на следующий день к обеду в окружной госпиталь Арвен, куда доставили Аниту, увидел у постели Шерли, сжимающего её руку. И потерял дар речи, глядя на искусанные в страшной тревоге губы и совершенно НОРМАЛЬНЫЕ, припухшие от слёз глаза.

— Где ты всё время болтаешься, Арвен, — рявкнул он, — когда ты так нужен!

— Прости, я …, мне нужно было в город, — заикаясь просипел тот в ответ и, боясь позорно разрыдаться у него на глазах, поспешно вышел, плотно прикрыл дверь и сполз по ней на пол.

***

Шерли держал в ладонях кисть Аниты и буквально рвался на части. Он должен быть здесь, рядом с ней. И вместе с тем должен вычислить тех, кто это сделал! По остывающим с каждой минутой следам. Наконец, когда его клятвенно заверили, что Анита вне опасности и проспит еще часов десять, Шерли выпустил её кисть, сорвался со стула и, прихватив стоявшего тут же странно притихшего Арвена, вылетел из палаты.

***

Арвен смотрел на него и не мог насмотреться, с каждой минутой узнавая прежнего Шерли. Он не знал, да и знать не хотел, что именно стало катализатором для толчка в нужную

сторону, которого они так ждали. И вот это произошло!

Место преступления Шерли едва ли не обнюхал, трупы в морге исследовал вдоль и поперек. Центральную базу данных взломал за считанные минуты. Внезапно проснувшийся гениальный мозг выдал решение, и в полицейском участке прозвучало сакраментальное: «Инспектор, вы идиот». Потом была засада в каких–то развалинах, поимка одного и погоня за другими. Сначала по каменистым пустошам, а затем по сонным улочкам городка. Прыжок с третьего этажа за удирающим грабителем и удачное для Шерли приземление на спину последнего…

И возвращение в больницу еще до пробуждения Аниты.

И её распахнутые в шоке глаза. И Шерли, исцарапанный, грязный, как помойный кот, с разбитой губой. Шерли, соскользнувший со стула на пол, на колени перед кроватью, Шерли, трясущийся до того, что даже зубы выбивали дробь, прижимающийся лицом к её руке и шепчущий: «Простипростипростипростипрости…»

Он шептал и все никак не мог остановиться, пока Анита не потянула его повыше, чтобы обнять и поцеловать в мокрый грязный висок. Шерли уткнулся носом ей в грудь и захлебнулся рыданиями.

Глава 23

Майк метался по гостиной старого особняка отца, как тигр запертый в клетке. Финал эксперимента, задуманного им почти два года назад, был более чем звучным и прошёл не совсем так как он планировал, но жизнь внесла свои коррективы и с этим приходилось мириться. Многоходовка, разыгранная им впечатляла, но Шерли, будучи в ней всего лишь пешкой, вряд ли бы оценил её по достоинству. Поэтому, самому мастеру гениальной игры, приходилось оставаться в тени до самого конца. Иначе все, что он задумал, ради спасения сына, можно было спокойно сливать в помойную яму, а муки Шерли были бы напрасны. Поэтому как бы ему не хотелось прямо сейчас сорваться с места и нестись к сыну, чтобы увидеть выстраданные плоды своих трудов, он был вынужден сидеть и дожидаться Арвена.

В тот день, когда изменившийся почти до неузнаваемости Шерли, вернувшись домой выгнал Аниту, а затем рухнул ему под ноги, Майк, неусыпно наблюдавший за ним с момента его пробуждения, кое что понял.

Сначала это была просто гипотеза слегка отдававшая безумием и далеко не единственная, но именно она заинтересовала его больше других.

Майк предположил, что удаляя ненужную информацию, восстанавливая файлы и превращая Шерли в андроида, Система не учла один очень важный фактор. Что его человеческая сущность успела познакомиться с весьма коварной особой по имени Любовь. И воспоминания о девушке Аните, которую машина изначально не идентифицировала как опасность, сохранились в одном из дальних уголков его памяти. Возможно, она не придала этому значения, посчитав незначительной деталью, по сравнению с более глобальными проблемами; как то — уничтожение созданной ею же дополнительной реальности, для спасения своего носителя. Компьютеры создаются не для любви, и в её программе изначально не было этого термина. Поэтому любовь — будь то романтическая или телесная связь, не была опознана Системой, как угроза для существования.

Увидев девушку после долгого отсутствия, электронная часть мозга не узнала её, но вот живая его составляющая, которая ещё до аварии успела освободиться от гнёта Системы, очень даже узнала. И среагировала. Её образ, голос, запах — всё, что ассоциировалось у Шерли с Анитой, было опознано и вытащено из закоулков подсознания, которым как известно, в большей

степени управляет гипофиз. А Природа, у которой к Системе были давнишние счеты, запустила свою программу, используя любовь как вирус.

Чем дальше Майк наблюдал за поведением сына, исподволь подбрасывая ему информацию об Аните и родившемся ребёнке, тем больше утверждался в своей теории — у Шерли в Системе баг. Любовь, не хуже хитроумного вируса, обходила все антивирусники, вызывая неполадки и, как следствие, болезненные перезагрузки

Когда Майк это понял, у него появился шанс вернуть сына. Конечно, о том, чтобы совсем вывести её из строя можно было только мечтать — Система Шерли не была настроена на самоуничтожение, значит она будет искать варианты выхода, что в конце концов приведёт к компромиссу. Равновесие всё же лучше, чем полная потеря контроля над разумом и безнадёжная поломка, без шансов все исправить.

Вот тогда–то в его мозгу и созрел план. Можно сказать эксперимент всей его жизни! Не зря же он был гением в своей области.

Не обошлось без накладок, конечно. Сначала Система довольно быстро распознала, что всё происходит после появления Майка, и Шерли, который и раньше не особенно тепло к нему относился, стал кидаться на него как взбесившийся енот. Пришлось ограничить визиты.

Потом, непонимание и протест со стороны отца, обозвавшего его безмозглым садистом. Ну и до кучи — уйма потраченных нервов и хорошая трёпка от Арвена. Но всё это были мелочи по сравнению с его грандиозной задумкой.

В конечном итоге, Арвен, матерясь на чём свет стоит и наградив его ещё парочкой хороших тумаков, согласился стать одним из главных фигурантов. Он всегда соглашался, потому и был лучшим и единственным другом.

Вот только начиная эксперимент Майк не учёл, что вирус под названием «Любовь» сродни скоростному экспрессу, несущемуся под откос на полном ходу. А Шерли — пассажир, вынужденный оставаться в этом «поезде» в полном одиночестве. И травмы, нанесенные в процессе крушения, могли стоить ему жизни. Но отступать было поздно, да и некуда, поэтому он, не взирая на угрозы Арвена и засунув подальше жалось на пару с совестью, пёр напролом, забыв про сон, еду и карьеру, придумывая новые обходные пути и кинув в игру главный козырь — Аниту лишь на последнем этапе. Ибо был твердо уверен — чтобы побороть Систему, нужны радикальные меры.

Один бог и Арвен знали, чего ему это стоило и вот сегодня,

произошло то, чего он ждал с трепетом и надеждой все эти долгие–долгие месяцы.

Ещё в самом начале, Майк дал себе слово- если ничего не получится, он приедет и сделает так, чтобы Шерли заснул. Тихо, безболезненно и навсегда. И застрелится сам. Потому что жизнь без сына ему не нужна.

Арвен вернулся в поместье поздно ночью. После дня, до краев наполненного не самыми обыденными событиями, после сумасшедшей гонки по пересечённой местности, а затем и по крышам, он чувствовал себя так, будто столкнулся с локомотивом. Всё же ему давно уже не двадцать и даже не сорок и телу, пусть даже такому тренированному как у него, требовался отдых. И нервно бегающий по гостиной Майк, прилетевший сразу же после его звонка и всё это время ожидавший их с Шерли возвращения, этому отдыху явно не способствовал.

— Где он? — подскочил к нему Майк, едва Арвен появился на пороге.

— Остался в госпитале. Сядь, ради всего святого! У меня от твоего мельтешения в глазах двоится. — Арвен рухнул в кресло и потянулся к бутылке виски, стоявшей на низком журнальном столике.

— Поверить не могу, что всё получилось! — Майк примостился на соседнее кресло, но всё равно ёрзал в нем так, будто сидел на горячих углях.

— Знаешь, Майки, сколько раз за эти грёбаные месяцы, я хотел тебя пристрелить?

— Много раз, я в курсе. Но ведь оно того стоило, разве нет?

— Ты довел собственного сына до состояния полного дебилизма! Ты вообще в курсе?

— Неправда. Вот если бы мы пропустили момент, когда нужно было выпустить на сцену Аниту, тогда да! А так, я всё просчитал правильно.

— Только не говори мне, что нападение банды твоих рук дело.

— Нет конечно! Это была чистая случайность. Может я и сволочь, но не настолько, чтобы подвергать реальному риску жизнь Шерли. И те, кто проворонил бандитов, ответят за это. Хотя, нападение сыграло нам на руку. Судя по твоим отчётам, до полного прогресса оставались какие–то считанные дни, а так…

— А то, что тут творилось всё это время, ты разумеется не считаешь риском для его жизни.

— Разумеется. Я все просчитал. Это была вынужденная необходимость.

— Чёртов проклятый гений! — почти восхищенно выдохнул

Арвен, в очередной раз поражаясь невероятному уму и фантастической проницательности друга, который сумел просчитать ситуацию даже не на десять, а на сто ходов вперед.

— Знаю. Но я сейчас не об этом. Ты видел его, как по–твоему, мой мальчик вернулся?

— Даже более чем. Я вообще охренел, увидев его. По–моему это даже больше, чем ты ожидал. Едва не разрыдался от облегчения. Он реально человек, Майки! От системы у него, похоже, осталась только гениальность. Хотя, ты же у нас гений. Может это просто наследственность.

— Ты правда так считаешь?

— Ты о гениальности?

— Я о том, что он стал человеком.

— Ну, на мой некомпетентный взгляд, так и есть. По ходу, этот твой любовный баг, снёс ему электронные мозги к чёртовой бабушке. И теперь в многострадальной головушке Шерли, система корчится в предсмертных муках. Но это я так думаю. Вот обследуешь его, тогда будет все ясно. — Арвен поставил на столик пустой стакан и потянулся так, что хрустнули позвонки. — Всё, Майк, я спать. Устал как собака. Всё же я уже не в том возрасте, чтобы скакать по крышам. — Он встал и направился к своей комнате.

— Арвен, — окликнул его Майк.

— Ну что еще?!

— Поклянись, что ни Анита, ни тем более Шерли никогда не узнают, о нашей с тобой роли во всей этой истории.

— Что, совесть замучила?

— Не хочу портить отношения с сыном.

— Ну да, такое понятие как «совесть», у политиков вроде тебя отсутствует напрочь. Ведь так?

— Не совсем.

— А вот меня замучила. Как подумаю, через что мы заставили их пройти… Анита. Она так доверяла мне. А я даже не мог ей ничего сказать.

— Ты молодец. Настоящий воин! Понимаешь, если бы она знала обо всём, все наши усилия пошли бы коту под хвост. Нам никогда бы не удалось провести Систему. Не забывай, что Шерли и есть Система! Так ты поклянёшься?

— Скажем так, я не сторонник пафосных клятв. Я просто даю обещание, что унесу эту тайну с собой в могилу. И вообще, может я не прав и система всё ещё жива. Так что давай погодим бить в барабаны.

— Не думаю, что ты ошибся, Арвен. Ты вообще очень проницателен и знаешь Шерли, едва ли не лучше меня. Но ты

прав, необходимо полное обследование. Завтра же займусь этим.

— Ну–ну! Счастливо тебе облажаться!

— В каком смысле?

— В таком, что пока Анита не поправится и думать забудь о том чтобы куда–то увезти Шерли. Он пошлёт тебя далеко и надолго и будет прав.

— Но…

— Отойти от неё на пару часов, ещё куда ни шло, но уехать на сутки… я тебя умоляю…

— А что же делать?

— Майк, ради бога, пошли спать, а? У русских есть старая поговорка о том, что утро вечера мудренее. Завтра всё обмозгуешь.

— Не думаю, что смогу сегодня заснуть.

— Зато у меня уже глаза слипаются. Так что я пошёл.

— Да. Спокойной ночи.

— Арвен.

— Еще раз окликнешь меня и я сверну твою тощую шею.

— Да я просто спасибо сказать хотел!

— Засунь его себе сам знаешь куда.

***

Ранним субботним утром, недовольный инспектор столичной полиции Стивен Томсон собирался в командировку. В Бог знает какую дыру и хрен знает на сколько. Его отправляли туда для помощи в расследовании целой серии громких дел. Добравшись в городишко только к вечеру, он застал в участке лишь совсем зеленого копа и детектива, уныло шуршащего бумажками.

— Инспектор Стивен Томсон, — представился он, вытащив удостоверение. — А где все?

— Кто на дежурстве, кто дома.

— Почему?

— Так ведь суббота.

— Суббота значит. А грабители и убийцы, для содействия в поимке которых я направлен сюда, судя по всему, должны сами закрыться в кутузке? — вежливо поинтересовался Стив, начиная закипать.

— Так они уже там.

— То есть?

— Точнее, двое в морге, остальная троица в кутузке. А я должен до утра написать рапорт, чтобы обосновать их пребывание там.

— Но как?!

— Даже не спрашивайте, инспектор, — обреченно махнул рукой детектив, — этот высокомерный засранец меня чуть в гроб не загнал. И откуда он только взялся на мою голову! Вы бы видели, как он обращается с уликами…

Стив подавился любезно предложенным кофе. Это просто не могло быть правдой! Высокомерным засранцем мог быть только Шерли, который по точным сведениям, был заперт в каком–то дальнем поместье больше полутора лет назад, после приснопамятного скандала. Еще тогда он заметил, что парень явно не в себе, так что вряд ли бы ему позволили заниматься расследованиями, раз уж увезли подальше от людских глаз. Но, судя по эмоциональному рассказу детектива, это был именно Шерли. Поэтому он решил прояснить некоторые детали.

— И кто этот высокомерный засранец, вы выяснили?

— Конечно. Это мистер Стивенс, сожитель потерпевшей…

— Стивенс? — Томсон ушам своим не верил. — Дайте- ка взглянуть.

— Да ради Бога, — детектив протянул ему папку с делом.

— Анита? Анита Новак?! — ошарашенно спросил он, наткнувшись на имя потерпевшей.

— Да. Там вообще много странностей. Дом принадлежит старому мистеру Эймсу и его хорошо охраняют. Понятия не имею, как получилось, что на них напали. С ними ещё один тип живет. Мистер Арвен Миллиган. Он у нас уже проходил по делу. За избиение в супермаркете. Штрафом отделался. Правильно он тогда тех отморозков отметелил. Я бы тоже им по башне надавал. Миллиган — отставной военный. А теперь вот это. Но его там как раз и не было. Только потерпевшая и этот Стивенс. Хорошо, охрана вовремя очухалась. А то бы и его положили.

— Погодите, — перебил Стив. — Что с ними?

— Парень жив–здоров, хоть и полный псих, а девчонка в госпитале. Словила две пули, но уже все в порядке. Но этот Стивенс… Этого поганца хоть когда–нибудь пороли? Ему же просто необходимо привить хоть какие–то понятия о вежливости! Вы можете себе представить, инспектор, он оскорбляет походя?! Прямо при подчиненных объявил мне, что я идиот! Он преподнес мне эту банду на блюдечке за каких–то три часа, а я до сих пор не могу отразить все это на бумаге! — праведное негодование местного копа оборвалось на полуслове, потому что столичный гость истерически хохоча, сполз со стула на пол.

— Инспектор? — осторожно спросил детектив, квадратными глазами глядя на подвывающего от смеха Стивена.

— Простите, ради Бога, — выдохнув и становясь чуть

серьезнее сказал Стивен. — Это потому что я не понаслышке знаю этого засранца. Но я думал… впрочем неважно. Должен признать, вам исключительно повезло. И я, как более опытный идиот, окажу вам методическую помощь. Давайте сюда ваши «доказательства»!

Утром Стив, с улыбкой от уха до уха влетев в палату, застал там не только Шерли и Аниту, но и Арвена с Майком. Он был так счастлив видеть вполне нормального Шерли, что едва не расплакался.

***

Прошёл месяц с момента моего ранения и я уже совсем поправилась, на мне всегда всё заживало как на собаке. За время пребывания в больнице, надо мной тряслись, будто я особа королевских кровей. Все, включая приехавшего Майка. Я была благодарна конечно, но такое внимание меня очень смущало, и была просто счастлива, когда меня наконец отпустили. Я взяла клятвенное обещание с Майка и Арвена, что они ничего не скажут моим родителям, лишние переживания им ни к чему. К тому же я была жива и почти здорова.

Через день после моей выписки, Майк увез Шерли в свой особняк. Они пробыли там больше суток и я уже начала волноваться, но когда они вернулись… у нас был настоящий праздник! Все данные обследований, говорили за то, что ведущую роль в разуме Шерли, теперь играла не машина, а его собственное «Я». Система никуда не делась, без неё, он бы просто умер, но все заблокированные участки были теперь свободны. Остались лишь те, что были вживлены в мозг во время той давней злополучной операции. Не знаю, кто больше ликовал, но смотреть на скачущих как горные козлы, обнимающихся и плачущих очень солидных мужчин, размахивающих штучными галстуками, было очень весело!

Майк прожил у нас ещё неделю. За это время у нас с ним состоялся долгий и трудный разговор тет–а–тет. О чём мы говорили, пусть останется тайной. Скажу одно — мы конечно очень разные и между нами огромная социальная пропасть, но есть в нашей жизни то, что нас роднит и объединяет — любовь к Шерли.

Несколько дней назад, Шерли как–то притих и постоянно о чём–то думал. Что творилось в его мозгах, меня с некоторых пор очень интересовало и я не стала ходить вокруг да около и вечером, когда мы оба сидели в гостиной — я на диване, а он на полу у моих ног, просто спросила.

— Шерли, что случилось?

— Все в порядке.

— Да? И почему же я тебе не верю? А ну, иди–ка сюда, — я похлопала по дивану рядом собой, а когда он улегся, пристроив голову у меня на коленях, продолжила. — Давай уже, чудо мое, выкладывай, что опять стряслось.

Шерли обиженно засопел.

— И не фыркай на меня, не обманешь. Я теперь знаю, какой ты есть.

— И какой же?

— Гениальный. Хороший. Любимый!

Шерли сглотнул, продолжив за меня:

— Невыносимый. Душевнобольной, — и, выплюнул отчаянной скороговоркой. — Мне не нужна жалость и я не хочу, чтоб ты тратила на меня свою жизнь…

— А вот сейчас замолчи. Это моя жизнь и я намерена прожить её так, как мне хочется. А хочется мне… Дело не в жалости, Шерли. Да это и неважно. Ты просто уясни, если ты будешь в порядке, я не буду навязываться. Хоть и люблю тебя так, что больно.

— Анита…

— Заткнись, я сказала! Давай–ка всё проясним и больше не будем к этому возвращаться. Пока с тобой всё в порядке, я не буду давить на тебя, и мешать тебе жить. Ты абсолютно свободен и ничего мне не должен. Я не буду тянуть к тебе лапы, как бы мне ни хотелось тебя обнимать и… — я задохнулась. — Но, если ты снова окажешься НЕ в порядке, ты от меня не отделаешься. Сотри этот файл и выброси его из своей гениальной головы. Я буду нянчить тебя, кормить с ложечки, мыть и выводить погулять. Или выносить. Мне все равно. Повторюсь, это моя жизнь и тут у тебя нет права голоса!

— Анита, я… — он поднял на меня ошарашенный взгляд и его глаза наполнились слезами.

— Ляпнешь хоть полслова о признательности, и я тебя ударю. Правда! Если тебе было, или будет паршиво, то я была или буду с тобой не ради тебя, а ради себя.

— Я… я… хотел спросить.

— О чём?

— Почему ты ничего не говоришь мне о сыне?

Я замерла с открытым ртом, обалдело хлопая глазами. Не скрою, всё это время, я просто зверски скучала по Энджи, а телефонные звонки и скайп меня уже не устраивали. Мне очень хотелось вернуться домой, к моему мальчику. Без меня, он научился ходить и сказал своё первое слово и я очень жалела о

том, что пропустила такие важные моменты. Но жизнь и здоровье его отца, были гораздо важнее и я очень надеялась, что малыш простит меня, когда вырастет. Я всё откладывала трудный разговор с Шерли, хотя и понимала, что откладывать дальше уже нельзя. Мне нужно было уехать. С ним или без него, уже не важно. Теперь он здоров и если не захочет быть рядом с нами, я не стану настаивать. И вот он сам заговорил о сыне.

— Откуда…

— Мне отец говорил, давно, ещё до болезни, но я не очень хорошо помню, — затараторил он, — а сейчас, я вскрыл твой компьютер, прости!

— Ну да. И как я могла забыть!

— Я не хотел…

— Угу. Я верю.

— Точнее, наоборот.

— Понятно.

— Он такой…! Чудесный! Я… Его Энджи зовут?

— Шерлиан Энджел.

— Когда я смогу его увидеть?

— А ты хочешь?

— Ты ещё спрашиваешь?! Конечно!

— Тогда, может завтра?

— Прекрасно! Прямо с утра.

— Да. Ехать придётся долго.

— Не хочу долго. Я позвоню отцу. Он пришлет вертолёт.

— Согласна! Ты себе не представляешь, как я по нему скучала!

Шерли сполз на пол, встал на колени и, обхватив меня руками, ткнулся носом мне в живот:

— Представляю, Анита! Теперь представляю. У меня жизни не хватит, чтобы отплатить тебе за все, что ты сделала для меня.

— Шерли, о чем я десять минут назад говорила? Хочешь, чтобы я выполнила свою угрозу?

— Хочу. Ты можешь сделать со мной, всё что вздумается.

— Прямо–таки всё–всё?

— Да. Только, прошу, будь всегда рядом! Потому что для меня, это больше чем любовь. Ты моя жизнь. Когда тебя нет рядом, мне сложно даже дышать.

Я шмыгнула носом, что ни говори, а слышать от него такие слова было приятно до слёз. Мой любимый сумасшедший гений! Ну и пусть, что не такой как все. Зато единственный в мире и только мой! Я взъерошила его волосы и склонившись, поцеловала в кудрявую макушку.

— Пойдём спать, горе моё. Завтра будет трудный день.

— Нет, он будет особенный. Завтра я увижу сына. И познакомлюсь с ним.

— Не ты один, — я тяжело вздохнула, — мне и самой придется заново с ним знакомиться. Боюсь, что он успел забыть меня.

— Тебя невозможно забыть, Анита. Никогда!

***

Довольно долго я провозилась сначала в душе, а затем в своей комнате, готовясь ко сну. А когда вернулась к Шерли, увидела, что он сидит в кровати по пояс укрытый одеялом и читает книгу, ожидая меня. Он никогда не засыпал, пока не обовьётся вокруг меня как лиана, спрятав нос в ложбинке между шеей и ключицей. В его огромной кровати, можно было вольготно поместиться впятером, но он настолько тесно прижимался ко мне, что мы с ним спокойно бы выспались и на раскладушке, не почувствовав особой разницы. Ни о каком интиме, речи разумеется не шло, обстоятельства были не те, и мы ограничивались лишь лёгкими поцелуями на ночь. Но сегодня, видимо, настала именно та ночь.

Обычно, Шерли спал в пижаме, очевидно стесняясь своего всё еще худого тела; регулярные занятия с Арвеном в тренажёрном зале и утренние пробежки, хоть и укрепили его мышцы, но до прежнего состояния идеальной фигуры, ему было далековато. Но сегодня, он был обнажён по пояс, а в светлых глазах отчетливо читалось желание. Шерли явно хотел большего.

Я скользнула под одеяло, отмечая что Шерли снял не только верхнюю часть пижамы, он выключил настольную лампу и сквозь незакрытые шторы, в комнату пробивалось лишь призрачное сияние полной луны.

Я и не думала сопротивляться, когда его руки настойчиво потянули вверх мою рубашку, а потом нежно, почти невесомо коснулись моей груди. В полутьме мы почти не видели друг друга, но чувствовали дыхание, ощущали прикосновения и я закрыла глаза, оказавшись в плену его губ, растворяясь в требовательном, почти забытом поцелуе. Вспоминая и удивляясь, как же я смогла так долго обходиться без его рук и губ, без его ласковых прикосновений…

Шерли целовался так отчаянно, словно боялся, что я исчезну. Я запустила пальцы в его спутанные кудри и ощутила, как он вздрогнул, когда мои руки спустились на обнаженную спину. Я проводила ладонями по гладкой коже, лаская его, и чувствовала,

как каждый напряженный мускул расслабляется под моими пальцами. Поцелуи становились всё более страстными и глубокими, ласки более уверенными. Он целовал меня, словно не мог насытиться, словно вся его жизнь зависела от танца наших языков, словно не было на свете такой силы, которая могла бы заставить его остановиться, и я была счастлива чувствовать это и принимать его ласки.

Он вошёл в меня и начал двигаться осторожными, неглубокими толчками и я скользнула рукой вниз по его спине, сжав пальцы на пояснице, направляя каждое движение, безмолвно поощряя каждый толчок- сильнее, глубже, быстрее! Медленно, так неописуемо медленно, когда моё тело умоляло о скорости и напоре… но я не могла не признать, что эта медлительность была по–своему прекрасна — завораживающая, немного неловкая и такая искренняя. Я была словно охвачена пламенем- разгоравшийся пожар пожирал изнутри, дюйм за дюймом, частичка за частичкой.

— Хорошо? — умудрилась выговорить я, когда он оторвался от моих губ, чтобы глотнуть воздуха.

— Ты даже… не представляешь…

Он выглядел совершенно растрепанным — расширившиеся зрачки сверкали в полутьме диким огнем, к вспотевшему виску прилипла прядь волос, которую я отвела от лица и заправила за ухо, затем мягко очертила контур его щеки и он потянулся навстречу ласкающим пальцам, крепче вжимаясь в мою ладонь.

Нет таких слов, чтобы выразить чувства, переполнявшие меня. Они шли из самой глубины души и грозили разорвать сердце на клочки, они бились у меня в висках, вознося на самый гребень волны и тут же бросая в бездонную пропасть — точно так же, как жар его члена внутри.

Я обхватила ногами его поясницу, притягивая ещё ближе, отчаянно вжимаясь в него на пике очередного толчка.

Он вскрикнул и уронил голову в изгиб моей шеи. Это было настолько открыто, настолько вне контроля и ограничений, что мне немедленно захотелось услышать этот звук снова, поэтому изо всех сил подалась ему навстречу, выгибая спину, встречая каждый толчок, хватая губами воздух, пахнущий мускусом, Шерли и сексом, и очень скоро напрочь забыла, где кончаюсь я и начинается он- мы стали единым целым. Переплетением рук, ног, тел, толкающимся, содрогающимся, потерявшимся во времени и пространстве.

Кожа Шерли пылала под моими ладонями, а его стоны становились все отчаяннее и я наслаждалась каждым издаваемым им звуком, замечая как он пытается сдерживаться, цепляясь за

исчезающие остатки самоконтроля. Я чувствовала это по дрожи, пробегавшей по его спине, по напряжению, сковывавшему движения его бедер, по силе, с которой он вцепился в мои волосы- так крепко, что это причиняло бы боль, если бы в данный момент я не была так близко к кульминации.

— Все хорошо, — почти задыхаясь выговорила я, окончательно пьянея от наслаждения, водя подушечками пальцев по его спине. — Я здесь, я держу тебя, отпусти, отпусти себя…

Шерли толкнулся ещё несколько раз, а затем взорвался внутри меня, и кругом все тоже взорвалось. И я всем своим существом ощутила, как рвутся непрочные нити, связывающие меня с реальностью, превращаясь в ничто, в короткий миг между сознанием и небытием. И это было прекрасно, так невероятно прекрасно, что не могло просто завершиться, а длилось, и длилось, и длилось…

Следующий вздох дался с трудом, ибо дрожащий Шерли мертвым грузом рухнул мне на грудь.

Сердце колотилось как сумасшедшее, и я провела кончиками пальцев по шее Шерли, чей пульс эхом отразил мой собственный. Он слабо вздрогнул в ответ на прикосновение, но не сдвинулся с моей груди ни на дюйм.

Если бы мы могли остаться лежать здесь вот так до конца времен, я была бы более чем довольна такой перспективой.

С другой стороны, мои ноги были от нее не в восторге — чувствительность понемногу возвращалась. Бедра болели после непривычной для них нагрузки, и я осторожно поёрзав, опустила их, позволив соскользнуть с поясницы Шерли.

Он медленно отстранился, словно еще не мог до конца обрести контроль над своим телом и я не смогла сдержать вздох, когда его член выскользнул из моего тела, ощущая чувство потери.

Поднимаясь, он коснулся пальцем моей щеки и на его лице отразилось замешательство — подушечка была мокрой.

Я ободряюще улыбнулась ему, временно лишившись способности издавать ещё какие–либо звуки.

— Ты плакала? — он не казался ни испуганным, ни виноватым — ни следа подобных эмоций. Он казался… я понятия не имела, как это назвать. За долгие месяцы изучения малейшего изменения черт его лица, я не видела ничего, даже приблизительно похожего на выражение, застывшее сейчас на лице Шерли.

— Прости, — прошептал он и быстро скатился с кровати.

Пару минут я смотрела на дверь, покачивавшуюся на петлях после его поспешного ухода. Я не чувствовала сожаления — ни

единой секунды, — лишь изматывающий, липкий страх, что совершила ошибку, что всё случилось слишком рано и он не готов к таким отношениям.

Ещё минуту я колебалась; может, Шерли лучше сейчас побыть одному? Может, лучше дать ему немного времени — но нет, я не могла этого сделать, не сейчас, когда существовал хоть малейший шанс, что он может неправильно истолковать мои слезы. Я просто не имела права пустить все на самотек.

Я поспешно натянула сорочку, нашла халат и босиком спустилась в холл. Входная дверь была приоткрыта, и совершенно обнаженный Шерли, сидел на каменных ступеньках, обхватив руками колени. Была уже поздняя весна, но ночной воздух все ещё был холодным и меня пробила дрожь при одном взгляде на него.

— Господи, ты замерзнешь насмерть, если будешь так сидеть.

— Мне не холодно, — ответил Шерли, но не стал возражать, когда я сбегала в дом за пледом, и послушно приподнялся, позволяя мне подсунуть под него подушку и закутать в теплую шерсть.

Я уселась рядом с ним на ступеньку.

— Знаешь, эти слезы… это не потому, мне было больно или плохо с тобой, — совсем не поэтому.

— Я знаю.

Не представляя, что еще можно сказать, я молча смотрела на него. Потом легко провела ладонью по его волосам, Шерли потянулся навстречу моей руке, потом еще раз, а затем вдруг порывисто спрятал лицо на моей груди, словно это было единственным безопасным местом во всем мире.

— Всё хорошо, родной, — тихо шептала я, — ты мой. Мой самый лучший, самый прекрасный, самый желанный мужчина! Ты все сделал правильно. Скоро настанет новый день и мы вместе поедем за нашим сыном и вернёмся, наконец домой, туда где были счастливы.

Обнявшись, мы просидели на крыльце до рассвета, зачарованно наблюдая как над горизонтом медленно всходит солнце. Солнце нашей новой счастливой жизни.

***

Утром, пока я собирала вещи, Шерли с Арвеном куда–то исчезли ненадолго, а когда вернулись в руках у моего милого был внушительный пакет.

— Что это? — поинтересовалась я.

— Подарок, — смущенно ответил он, протягивая мне нарядный пакет.

— Я заглянула туда и вытащила нечто похожее на большой пончик с глазами.

— И кто это?

— Это ёжик.

— Ежик?! — я вертела в руках этот плюшевый ужас, пытаясь понять, где же у него колючки, когда Шерли обронил, — Арвен сказал, что он похож на тебя.

— На меня?! — я возмущенно воззрилась на довольно ухмыляющегося друга, — знаешь что! Ну все, теперь пощады не ждите!

— Ладно тебе! — Хмыкнул Арвен. — Мы просто пошутили.

Я покосилась на Шерли. Тот согласно кивал и улыбался во весь рот.

— Энджи будет доволен. Он обожает такие игрушки, — резюмировал мой друг, — у него вся детская ими обставлена. Ты готова? А то вертолет уже на площадке.

Нас уже ждали. Мама стояла на крыльце, держа малыша за руку. Я первая спрыгнула вниз, едва винтокрылая машина коснулась земли и понеслась к ним.

— Энджи, сыночек! — Плача от счастья, я подхватила его на руки и прижала к груди, покрывая поцелуями кудрявую головку. — Как же я соскучилась по тебе, родной мой!

Малыш не сопротивлялся, обхватив меня ручками, теснее прижимаясь ко мне, — и я подумала, что наше с ним общение по скайпу не прошло даром и он узнал меня.

Наконец, когда первая волна эйфории от встречи с сыном схлынула, я обернулась, обнаружив стоявших за моим плечом Арвена и Шерли.

Шерли смотрел на ребёнка так, будто увидел чудо. Как зачарованный он протянул руки нам навстречу.

— Это твой папа, сынок. Пойдёшь к нему?

К моему немалому удивлению, Энджи кивнул и охотно перебрался в его объятия. Шерли зарылся носом в его кудряшки и всхлипнул.

— Папы не пачут, — серьезно сказал Энджи отстраняясь и положив свои ладошки ему на щёки, посмотрел ясными глазками, — и ты не пачь. Ты же не малыш.

Я обалдело смотрела на них, вытирая собственные слёзы и не могла понять, что происходит.

— Я знала, что вы скоро вернётесь, шепнула подошедшая ко мне мама, — поэтому мы подготовились. Пошли в дом.

Нет, я конечно знала, что Арвен и Майк те ещё тихушники, и

многое из того, что они делали или делают было тайной за семью печатями, но я даже представить не могла, что они ещё и моих родителей в свою компашку записали.

Почти все стены в доме были заклеены нашими с Шерли фотографиями — детскими, взрослыми — самыми разными. Фоток Шерли было не очень много, ведь период где он ещё мог улыбаться был не слишком долгим, но все они были качественными. Скрины с видеокамер были тщательно обработаны фотошопом и Шерли выглядел на них сногсшибательно. Я тоже.

Мало того, все они — и мои родители и Майк тщательно готовили малыша к нашему возвращению, постоянно говоря ему, что мама с папой скоро вернутся и заберут его с собой. Поэтому малыш не только не испугался нас, но узнал и обрадовался, ведь он был очень смышлёным мальчиком.

В течении следующего часа, мы никак не могли оторвать Шерли от малыша, он ползал с ним по ковру, играя в игрушки и катая нового ежа на большой пожарной машине. В конце концов, я просто усадила упирающегося Энджи на детский стульчик, заявив ему что начинаются соревнования — кто раньше съест свой обед и в награду пообещав конфету. Думаете, он усидел на стуле? Как же! Стоило только Шерли примоститься рядом, как он тут же вылез и устроился у него на коленях. Я вздохнула — теперь у меня будет целых два упрямца.

***

Через неделю мы уже жили в заново отремонтированном для нас доме. Том самом, увитом плющом, где началась вся эта история. Впервые за долгое время отсутствия, войдя в холл и оглядев привычную, но слегка подзабытую обстановку, я по-настоящему почувствовала себя ДОМА.

Я обернулась на стоявшего позади меня Шерли, державшего на руках нашего сына и счастливо рассмеялась:

— Мы вернулись, Шерли! Наконец–то.

Он обнял меня свободной рукой и поцеловал, полностью соглашаясь.

ЭПИЛОГ

У нас не было пышной свадьбы, мы скромно обвенчались в церкви, а потом отпраздновали это в тихом семейном кругу. Свадебная суета была ни к чему, ведь мы и так давно и прочно были вместе. Наша любовь прошла через многие испытания, в очередной раз доказав, на какие чудеса способна, если принимать

её всей душой и всем сердцем.

В свадебное путешествие мы улетели в Новую Зеландию. В городок, где Шерли нашёл свое спасение. Скромная больничка, благодаря Майку, превратилась теперь в современный трёхэтажный корпус, напичканный всевозможным оборудованием, а маленький доктор по имени Эндрю стал её главным врачом.

Две старушки, выхаживающие моего мужа все те долгие месяцы, были безмерно рады видеть всех нас, но Шерли — особенно.

— Джонни, — причитала миссис Пибоди — пухленькая седая старушка, тиская и обнимая его, — наш дорогой мальчик! Ты стал таким красавчиком, прямо глаз не отвести! И сынок у тебя есть и жена! Мы знали, мы чувствовали, что все будет хорошо и ты будешь жить, мальчик наш ненаглядный. — А её подруга, миссис Галахэр, кружилась вокруг, дёргая товарку за рукав и обиженно пищала, что тоже хочет поздороваться с Джонни.

Мы провели там неделю, буквально купаясь в их любви и заботе и вернулись обратно не одни. С нами прилетел Боро, который с момента появления Шерли в городке, вообще не отходил от него ни на шаг и кажется даже спал на коврике под дверью нашей комнаты.

Мистер Кухар рассказывал, что когда Шерли увезли, туземец чуть с ума не сошел от тоски, сутками бродя вдоль линии прибоя, тоскливо глядя в небо и зовя Соула. Ну как после такой преданности можно было оставить его?

Боро так и не смог привыкнуть к нашему климату и через два года, тихо ушёл к древним Богам, держа за руку своего Соула. Шерли отвез его прах на родину и развеял над океаном.

Энджел подрос, превратившись в шаловливого и даже несколько хулиганистого сорванца, которого мы обожали. Он был обычным ребёнком, без всяких там гениальных закидонов, что меня лично очень радовало — должна же была Природа хоть немного отдохнуть от нашей сумасшедшей семейки!

Майк подал в отставку и купил остров в Тихом океане, на котором они с Арвеном теперь и жили. Забрав с собой всю колонию альф и омег, которые после неудачного эксперимента оказались никому не нужны. Они воспитывали молодых особей и пестовали вновь рожденных и Майк надеялся дожить до того времени, когда сможет выпустить их в большой мир без особых осложнений. Мы часто их навещали, а Энджи глядя, как они возятся с малышами, называл их «всехними» дедушками, сам с удовольствием играя с маленькими альфами и омегами.

Шерли по — прежнему сотрудничал с полицией, получив

официальный статус консультанта, своими язвительными комментариями доводя Стивена до белого каления. Он так же носился за преступниками, а я за ним, по мере возможности стараясь следить за тем, чтобы он не свернул себе где–нибудь шею.

Когда нашему сыну исполнилось семь и он пошёл в обычную школу, мы с Шерли подарили ему очаровательную сестричку, которая получила имя Соул — Мария.

***

Прошло уже десять лет. И за все это время, система Шерли ни разу не потребовала перезагрузки.

КОНЕЦ.